

КЛАУЗЕВИЦ

1812

ГОД

CLAUSEWITZ

**DER FELDZUG
1812
IN RUSSLAND**

BERLIN

КЛАУЗЕВИЦ

1812

Г О Д

Издание второе

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1937**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

С затаенным дыханием большие и малые государства Европы следили за каждым шагом великой наполеоновской армии, которая весной 1812 г. выступила в поход против России. От исхода этой войны зависела участь не только России, но и многочисленных европейских государств, ибо все они находились в прямой или косвенной зависимости от наполеоновской Франции.

Казалось, что ничто не может остановить полчища Наполеона. Однако, поход в Россию, начатый непобедимым полководцем, закончился, как известно, невиданным в истории разгромом. Шестисоттысячная армия Наполеона, вторгнувшаяся в пределы России, была начисто уничтожена. Лишь несколько тысяч солдат и офицеров вместе с Наполеоном спаслись бегством, о чем читатель подробно узнает из книги Клаузевица.

Война 1812 г., закончившаяся крушением наполеоновской империи и радикальным изменением всей политической обстановки в Европе, оставила неизгладимый след в мировой истории и в истории развития России. Она была свидетельством громадного значения России в жизни других стран. Она показала неистощимые силы русского народа, его высокий патриотизм и его несокрушимую волю в борьбе с чужеземными поработителями.

И даже спустя 125 лет события 1812 г. остаются поучительными. Они говорят о том, что теперь, когда народы бывшей России стали полновластными хозяевами своей родины, когда вооруженные силы страны опираются на гигантскую мощь социалистического государства, когда они имеют своим вождем великую партию Ленина — Сталина, — всякая попытка поработить советский народ будет иметь для зачинщиков войны более серьезные последствия, чем это было в результате войны 1812 г. Вот почему по-

учительный опыт этой войны, освещающий одну из ярких страниц истории борьбы нашего народа за свою независимость, должен быть предметом тщательного изучения.

Несмотря на громадные перемены в военном деле за истекшие 125 лет, военная сторона событий представляет также очень большой и при этом не только исторический интерес. Война 1812 г. дает большой и ценный материал для изучения вопросов тактики, оперативного искусства и стратегии в большой войне на огромных театрах. Именно опыт наполеоновских войн, в частности войны 1812 г., позволил Клаузевицу обосновать значительную часть его известных теоретических положений в книге «О войне», которую тщательно изучал Ленин.

Будучи выдающимся военным историком, Клаузевиц посвятил специальную работу войне 1812 г. Личное участие Клаузевица в этой войне на стороне русской армии облегчило ему работу над книгой. Правда, Клаузевиц не раз жалуется на то, что незнание русского языка ставило его в положение «глухонемого» и крайне затрудняло для него активное участие в кампании. Однако, исключительная наблюдательность Клаузевица, его умение разбираться в обстановке, основанное на солидной военно-теоретической подготовке, дали ему возможность написать книгу о войне 1812 г. Наряду с описанием своих личных впечатлений, Клаузевиц дает анализ наиболее крупных сражений, критически оценивает решения и их выполнение и метко характеризует виднейших полководцев русской армии.

Читатель найдет в книге Клаузевица подробное и очень яркое описание Бородинского боя. Критические замечания Клаузевица об этом самом крупном сражении в кампании 1812 г. заслуживают большого внимания. Клаузевиц порицает расположение русской армии, которая сражалась на Бородинском поле в беспримерном по тесноте и глубине построении. Клаузевиц указывает, что чрезмерная плотность боевых порядков и слишком близкое расположение резервов привели к жестоким потерям от неприятельского огня. Находясь в день Бородинской битвы в свите ген. Уварова, Клаузевиц был свидетелем конной атаки Уварова и Платова. Однако, его критика значения этой атаки неверная.

Диверсия Уварова — Платова на левом фланге наполеоновских войск заставила Наполеона срочно перебросить сюда резервы и на несколько часов приостановить атаки на левый фланг русских, уже значительно ослабленный. Именно эта остановка позволила Ку-

тузову срочно перебросить сюда крупные подкрепления и не допустить разгрома.

Клаузевиц полагал, что Кутузов мог бы не давать боя под Бородиным и продолжать отступление. Однако, Клаузевиц не понял огромного политического значения этого сражения, которое успокоило общественное мнение и вселило уверенность в своих силах в рядах русской армии, оказавшей достойное сопротивление Наполеону.

Как диалектик, Клаузевиц стремится взвесить и учесть по возможности все обстоятельства, все данные, от которых может зависеть решение. Он едко высмеивает односторонние, легкомысленные предложения, в особенности когда они основаны на готовых принципах. Выступая в защиту русских генералов, которых задним числом упрекали в том, что из Смоленска они пошли на Москву, а не на Калугу и тем самым нарушили «непогрешимый» принцип фланговой позиции, Клаузевиц замечает:

«Во все времена у молодых людей имелись под руками готовые принципы. Когда прикрывают какой-либо пункт фланговой позиции, то все зависит от соотношения сил сторон, от пространственных условий и даже от моральных предпосылок, т. е. приблизительно от всех данных, имеющих значение на войне».

С этой же точки зрения рассматривает Клаузевиц план Наполеоновского похода, доказывая, что он имел все же больше шансов на успех, чем выдвигавшийся впоследствии план «методической кампании», согласно которому Наполеон должен был закончить первый этап наступления взятием Смоленска и, закрепив за собой завоеванную территорию, завершить покорение России в следующем году.

Ошибка Наполеона Клаузевиц видит в том, что он не сумел привести в Москву 200 000 солдат, а привел лишь 90 000. Клаузевиц считает, что при более заботливом отношении к своей армии и лучшей организации маршей Наполеон смог бы сохранить до Москвы двухсоттысячную армию. Но добился ли бы успеха Наполеон и с этой армией?

Клаузевиц ставит и сам под сомнение этот вопрос, находя оправдание для Наполеона лишь в том, что он не мог предвидеть «что русские покинут Москву, сожгут ее и начнут войну на истребление».

Дело в конечном счете заключалось не в ошибке Наполеона, а в том, что Наполеон не мог предвидеть всей великой силы ненависти

русского народа к угнетателям, потому что сам он был полон классово-ненависти и презрения к народным массам, а затем испытал острое чувство страха перед этими массами, когда его армия оказалась под жестокими ударами в обстановке народной войны.

Ничему не научил Наполеона и опыт его войны в Испании, где против нашествия французских интервентов восстал весь испанский народ, героически отстаивавший свою независимость.

Клаузевиц допускал «теоретически», что Наполеон встретит в России «противодействие огромного пространства страны и возможность народной войны». Но он полагал, что Наполеон быстро, одним скачком преодолет эту опасность и добьется победы раньше, чем проявит себя «давление всей тяжести этого великого государства».

Заблуждение Клаузевица вполне понятно, так как и сам он находился в плену монархической идеологии прусского юнкерства, которому служил долгие годы. Это реакционное мировоззрение Клаузевица, убежденного монархиста, объясняет и крупнейшие недостатки его труда и его точку зрения в освещении истории войны 1812 г.

Читатель не найдет в книге Клаузевица анализа действительных экономических и политических причин, вызвавших войну 1812 г.

Клаузевиц не делает ни одной попытки показать русского солдата — так далек он был от внутренней жизни армии. Он не замечает жизни народных масс и их участия в войне. Клаузевиц отдает должное храбрости русских войск, их способности стойко терпеть величайшие лишения. Он отмечает в рядах высшего командного состава немало энергичных и талантливых полководцев (ген. Ермолова, ген. Багратиона и др.). Однако, читатель заметит явное предпочтение, которое Клаузевиц отдает генералам немецкого происхождения и представителям прусского офицерства, перешедшим на русскую службу. Клаузевиц явно преувеличивает способности и роль этих военных консультантов в русской армии. Здесь он заходит так далеко, что даже идею блестящего маневра Кутузова, свернувшего по выходе из Москвы на Калужскую дорогу, он приписывает полковнику Толю, хотя и признает, что неизвестно, каким путем Толю удалось провести свой взгляд.

В невыгодном свете выглядит и сам Клаузевиц, когда он рассказывает, что, не желая обидеть своего соотечественника ген. Пфуля, он не решился откровенно высказать свое мнение о позиции у Дриссы, которая была придумана Пфулем и, по признанию Клаузевица, могла привести к полной гибели всю русскую армию.

Впрочем, сам Клаузевиц указывает на крайнее недоверие к иностранцам, распространившееся в русской армии. Это недоверие было вполне естественно, так как прусские офицеры находились не только на русской службе, но в гораздо большем числе служили в армии Наполеона, так как Пруссия должна была выполнять роль союзника Франции¹.

В общем роль немецких и других иностранных консультантов сводилась к нулю. Большинство их являлось никчемной, бездействующей роскошью штабов и обузой для русской армии. Клаузевиц не договаривает о том, что благодаря только русским полководцам была отвергнута дриссовская затея Пфуля. Хороша была бы помощь этого прусского консультанта, если бы русские генералы слушали его «ученых» советов.

Вторую половину кампании (после оставления Москвы) Клаузевиц провел в армии ген. Витгенштейна, которая выполняла задачу по прикрытию Петербурга. Действия Витгенштейна Клаузевиц описывает очень подробно, но относится к ним недостаточно критически, хотя и видит, что трусливая тактика Витгенштейна, так же как и Чичагова, помогла Наполеону ускользнуть из окружения под Березиной.

Оторванность Клаузевица от главного направления, по которому происходило преследование отступавшей из Москвы армии Наполеона, отразилась на полноте описания этой части кампании, представляющей не меньший интерес и поучительность. «Никогда еще,— пишет Клаузевиц,— преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично, с таким напряжением сил, как в эту кампанию... В ноябре и декабре, после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль (около 850 км) в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспрецедентное»...

Следуя по пятам Наполеоновской армии, Кутузов отрезал ее по кускам, уничтожая в жестоких схватках. Выступая из Москвы со 103 000-ной армией, Наполеон выходил из Вильно с 4 000 бойцов.

Но и русская армия, имевшая в Тарутино свыше 110 000 чел.,

¹ В частности, братья Клаузевица сражались против него в рядах Наполеоновской армии, что не мешало Клаузевицу относиться к ним с самым живым участием.

дошла до Вильно в составе 40 000, оставив позади 70 000 бойцов убитыми, ранеными, больными, замерзшими.

«Такое напряжение, — пишет Клаузевиц, — делает великую честь князю Кутузову». Конечно, эта честь принадлежит, прежде всего, русской армии и русскому народу.

Вслед за историческим очерком войны 1812 г. в книге помещен составленный Клаузевицем общий обзор событий, связанных с походом Наполеона в Россию. По существу, этот обзор является очень содержательным конспектом всей истории войны, облегчающим читателю составить себе ясное представление о последовательном развитии операций и итогах каждого этапа кампании.

Ленин высоко расценивал исторические работы Клаузевица, считая его одним из «великих писателей по вопросам военной истории» (Ленин В. И., Соч., т. XVIII, стр. 249). Эта оценка находит свое подтверждение и в настоящей исторической работе Клаузевица, которая, несмотря на ее существенные недостатки, дает ясное и точное описание великой войны 1812 г.

Christoph

БИОГРАФИЯ АВТОРА

Карл фон-Клаузевиц происходил из верхнесилезского дворянского рода. Он родился в гор. Магдебурге 1 июля 1780 г. Прадед его был сельским священником близ Лейпцига, дед — профессором богословия в Галле, отец же занимал незначительную должность королевского акцизного сборщика. Он был тяжело ранен в Семилетней войне.

Имея многочисленную семью, он не обладал никакими средствами.

До 12-летнего возраста Карл посещал городскую школу, где он получил элементарное образование и усвоил начатки знаний по латинскому языку. Поэтому образование его было недостаточным, когда он начал военную службу, вступив юнкером или ефрейтором-капралом в полк принца Фердинанда в Потсдаме. Уже год спустя (1793) он отправился со своим полком на войну против революционной Франции (Первая коалиционная война 1792—1797 гг.).

Участвуя в осаде и завоевании Майнца, он так отличился при этом, что король Фридрих Вильгельм II выказал ему особое расположение. Молодой воин обратился с просьбой, чтобы его отцу при назначении пенсии было полностью сохранено его небольшое жалование. Просьба эта была удовлетворена.

После взятия Майнца полк Клаузевица не принимал участия в больших боях 1793 и 1794 гг., а когда в апреле 1795 г. был заключен Базельский мир с Францией, он расположился гарнизоном в Нейруппине. Здесь 15-летний лейтенант имел спокойную службу и достаточный досуг, чтобы работать над продолжением своего образования. Но возможности получить образование в этом местечке были довольно жалкие, поэтому осенью 1801 г. он с радостью отправляется в Берлинскую военную школу.

Здесь он работал под руководством подполковника Шарнгорста, который впоследствии был организатором прусской армии. Шарнгорст преподавал стратегию, тактику, штабную и артиллерийскую

службу и уделял особое внимание талантливому молодому лейтенанту. Если вначале Клаузевиц приходил в отчаяние, не будучи в состоянии хорошо следить за лекциями вследствие пробелов в своем образовании и недостаточных предварительных знаний, то к концу двухлетнего курса его достижения были таковы, что Шарнгорст отметил его как своего лучшего ученика. Он хвалил в нем способность к критике, скромное и приятное изложение и основательные познания в математических и военных науках. Обучаясь в военной школе, Клаузевиц одновременно посещал также лекции в Медицинско-хирургической академии, где преподавали тогда Кизеветтер и Клапрот.

Новая полоса в жизни молодого офицера началась, когда он по выходе из школы по рекомендации Шарнгорста (которого он называл своим духовным отцом и другом) сделался адъютантом принца Августа, племянника Фридриха Великого.

3 ноября 1805 г. Клаузевиц стал штабс-капитаном. Он страстно желал войны с Францией, теперь же ему пришлось стать свидетелем разгрома своего отечества. После Иены и Ауэрштадта он пробыл две недели в плену вместе со своим принцем, который командовал тогда гренадерским батальоном в армии герцога Брауншвейгского. Местом их заключения был сначала Нанси, потом Суассон. Клаузевиц воспользовался случаем ознакомиться с Парижем и его сокровищами искусства.

В доме мадам Сталь он познакомился и вступил в дружеские отношения с Августом Вильгельмом Шлегелем. После заключения Тильзитского мира оба пленника были освобождены. Они едут сначала в Швейцарию, потом в Берлин, причем Клаузевиц продолжает оставаться адъютантом принца.

На основе опыта, накопленного в 1806 г., в лице Клаузевица постепенно созревает военный критик. Плодом этого опыта были его «Известия о Пруссии в ее великой катастрофе». «Все беспристрастные люди, — пишет он там, — наблюдавшие Пруссию в 1806 г. и ранее этого, пришли к тому мнению, что причиной ее гибели было стремление сохранить старые формы; неумеренная и тщеславная вера в них заставила позабыть, что эти формы уже лишены живого содержания. Слышался еще шум работы машин, но никто не спрашивал, выполняют ли они действительно свою работу». Но Клаузевиц рассчитывал на способности немецкого народа, которые, несмотря ни на что, он ставил не ниже французских. В своей «Книге путешествий» (дорожном дневнике) и письмах к невесте

он высказывает надежду, что пробуждение сознания приведет народ к свержению чужеземного ига.

Позднее Клаузевиц все надежды возлагал на то, что король поручит Шарнгорсту преобразование армии. Когда это произошло, его сердечным желанием стало работать совместно с этим уважаемым им человеком. Весной 1808 г. он встречается с ним в Кенигсберге, где в то время находился двор, и его желание исполняется. Клаузевиц, оставаясь временно адъютантом принца, начал вместе с тем работать в канцелярии Шарнгорста, который в качестве генерал-адъютанта короля и председателя военно-реорганизационной комиссии почти единолично управлял делами армии. Задачей Клаузевица было писать статьи для журналов о новой организации армии и составить небольшую книгу о выдающихся событиях последней войны. Радостно принимается он за работу. Такие люди как фон-Штейн, подполковник Гнейзенау, майор Грольман и фон-Бойен устаивают его своей дружбой. Конечно, ему пришлось вместе с Шарнгорстом и другими, разделявшими его взгляды, выдержать жестокую борьбу против многих лиц, которые из-за близорукости и сословного эгоизма выказывали сопротивление необходимым реформам.

После тяжелой болезни, перенесенной в январе 1809 г., Клаузевиц в феврале покидает службу адъютанта при принце Августе. Он был произведен в капитаны и переведен в военное министерство и, таким образом, должен был прекратить работу у Шарнгорста. Когда Австрия вела войну против Франции, он так же, как и Шарнгорст и Гнейзенау, страстно желал, чтобы Пруссия выступила на помощь Австрии. Хотя все обстоятельства благоприятствовали этому выступлению и Пруссия со своей 100-тысячной армией могла сыграть решающую роль, прусский меч продолжал оставаться в ножнах. Клаузевиц предвидел возможность того, что Наполеон потребует от Пруссии военной помощи против Австрии. В случае если бы она согласилась на это требование, он хотел сражаться не против своего немецкого отечества, но против Франции под знаменами Австрии.

Однако, политические события сложились так, что ему не пришлось покинуть прусскую службу. После заключения Венского мира между Австрией и Францией, в октябре 1809 г., когда двор из Кенигсберга возвратился в Берлин, Клаузевиц стал начальником канцелярии Шарнгорста. Когда последний вследствие недоверия к нему французов был отстранен от официального руководства воен-

ным министерством (июнь 1810 г.) и остался только начальником генерального штаба и шефом инженерного корпуса. Клаузевиц остался при нем доверенным лицом.

Будучи переведен в генеральный штаб и получив чин майора (в августе 1810 г.), он берет на себя осенью того же года преподавание штабной службы во Всеобщей военной школе. Его работы, относящиеся к этому периоду, показывают, что он уже в это время вполне уяснил себе теорию войны, которую он впоследствии развил в своем основном труде.

В последующий период Клаузевиц, посвященный в самые сокровенные мысли Шарнгорста, разрабатывает планы войны. Важнейший из них относится к февралю 1812 г.; он имел заглавие «Три признания». В первом «Признании» он бичует малодушие, трусость и тупоумие тех, кто без серьезного напряжения надеется на лучшие времена в будущем. Во втором «Признании» он рассматривает политическое положение и говорит о невозможности доброго соглашения между Пруссией и Францией, если только Пруссия не хочет дать уничтожить себя. В третьем «Признании» он говорит о возможности и способах сопротивления. Особенно он здесь останавливается на вопросе об организации ландвера и о значении ландштурма. Какие большие силы придется напрягать врагу, чтобы обезопасить свои коммуникационные линии против ландштурма! Ненависть к врагу и любовь к отечеству побудили автора написать следующие слова: «Дело в том, чтобы за жестокость платить жестокостью, на насилие отвечать насилием. Тогда нам будет легко превзойти врага и заставить его держаться в границах умеренности и гуманности». Ссылаясь на кровопролитную гражданскую войну в Вандее во время революции, Клаузевиц указывает, что ландштурм может действовать не только в горных, но также в лесных и болотистых местностях, которые имеются в Пруссии.

Эти «Три признания» были как бы прощальным словом Клаузевица. Когда Пруссия в феврале 1812 г. все же заключила союз с Наполеоном, он, как и другие выдающиеся люди, вышел из состава прусской армии, чтобы поступить на русскую службу. В пламенных словах в опубликованном им обращении к обществу он заявил, что для него и его товарищей невозможно служить врагу своего отечества, которого они ненавидят от всей глубины души.

2 мая 1812 г. Клаузевиц отправился в Россию. Шарнгорст, пользовавшийся большим влиянием на Александра I, дал ему блестящие

рекомендации. Однако, он не занял штатной должности в том русско-немецком легионе, который должен был сформироваться под командой изгнанного герцога Петра Ольденбургского. Клаузевиц стал адъютантом генерала фон-Пфуля, вюртембергца, перешедшего после Иены с прусской службы на русскую. В походе 1812 г. Клаузевиц участвовал в боях под Витебском и Смоленском в качестве квартирмейстера графа Палена, а потом в свите генерала Уварова в сражении при Бородино, но вследствие незнания русского языка он не мог содействовать операциям. Наконец, находясь в штабе графа Витгенштейна, он принимал участие в операциях между Двиной и Березиной и в дальнейшем преследовании французской армии. Большой его заслугой было то, что в декабре 1812 г. он побудил генерала Иорка (который был подчинен французскому генералу Макдональду) заключить с русским генералом Дибичем в Таурогене договор о нейтралитете. Благодаря этому русское преследование могло теперь распространиться до прусской Вислы, и Наполеон не получил возможности оказать здесь длительное сопротивление, при наличии которого дело вряд ли могло бы дойти до Прусского вооружения в 1813 г. Какой опыт извлек военный критик из своего участия в этой грандиозной кампании 1812 г., показывают его произведения.

В начале 1813 г., когда возник вопрос о проведении в жизнь планов Шарнгорста о вооруженном народе, Клаузевиц снова отправляется в Кенигсберг. Туда же прибыл из России барон фон-Штейн, чтобы сделать необходимые приготовления для удовлетворения потребностей русской армии и перед заключением союза между Россией и Пруссией провести формирование ландштурма и ландвера. Представители сословий в Восточной Пруссии, в согласии с генералом Иорком, губернатором этой провинции, в совещании с 6 по 9 февраля приняли решение о вооружении народа, главным образом по предложению Клаузевица, и издали «Постановления относительно ландвера в провинциях на правом берегу Вислы литовской, восточнопрусской и западнопрусской».

После этого Клаузевиц находился в Силезии в прусском корпусе, где Шарнгорст был начальником штаба, а Гнейзенау — генерал-квартирмейстером. Несмотря на настойчивые просьбы Шарнгорста, король не принял Клаузевица на прусскую службу, но русские, находившиеся в союзе с Пруссией, командировали его в штаб Блюхера.

В продолжение всего весеннего похода он был начальником канцелярии Шарнгорста, который писал ему: «Я всегда очень ценю Вас... Только с Вами я понимаю сам себя, наши идеи

совпадают, и наши планы идут в неизменном направлении». 2 мая Шарнгорст был ранен в сражении при Гроссгершене и через несколько недель скончался. «Армия, государство, вся Европа, — жалуется Клаузевиц, — потеряли незаменимого человека».

Он остался с Гнейзенау на своей прежней службе. Он принял участие в совещаниях, которые привели к сражению при Бауцене (20 и 21 мая). Даже и теперь, после прекращения военных действий, несмотря на ходатайство Гнейзенау, он еще не был принят обратно на прусскую службу.

Между тем, в это время был сформирован русско-немецкий легион и отправлен к устью Одера, где он должен был включиться в состав формировавшейся под начальством шведского кронпринца Бернадотта Северной армии. Уже с осени 1812 г. Клаузевиц состоял при легионе в качестве старшего офицера генерального штаба; теперь он вступил в ряды легиона. (Из этого легиона вместе с сильным британско-немецким легионом, шведской дивизией, мекленбургской и ганзейской бригадами, вольным корпусом Люцова и несколькими казачьими полками был сформирован армейский корпус, всего в составе 27 000 человек.) Им командовал граф Вальмоден Гимборн, бывший в то время русским генералом и отличавшийся, по отзыву Клаузевица, военными способностями. Клаузевиц был его генерал-квартирмейстером. На последующие операции против Даву, войска которого находились под Гамбургом, Клаузевиц имел мало влияния, тем более, что Бернадотт не давал Вальмодену свободы для больших передвижений. Несмотря на это, корпус действовал успешно. Даву отказался от попыток овладеть левым берегом Эльбы, ограничившись удержанием линии Лауенбург — Катцебург — Любек, позади которой он сильно укрепил Гамбург. Хотя легион не был призван на главный театр военных действий и был вынужден бездействовать, однако, он продвинулся вперед и незадолго до «битвы народов» при Лейпциге прогнал французов из Бремена. В декабре Даву должен был отступить к Гамбургу. Бернадотт преследовал отступавших на Киль датчан, а Вальмоден пытался силами своего корпуса отрезать их от Шлезвига. Когда при Зеештадте, к северо-востоку от Рендсбурга, произошло сражение, Клаузевиц надеялся, что датчане будут уничтожены. После того как им удалось открыть себе путь на Рендсбург, он писал: «Отвратительное чувство быть близким к такому блестящему успеху и упустить его из рук». В середине февраля 1814 г. русско-немецкий легион отправляется в Нидерланды, где Бюлов и

фон-Вицингероде с ноября предыдущего года овладевали одним пунктом за другим. Сражений больше не происходило. В конце марта Наполеон под Парижем был побежден союзниками.

Клаузевиц получил чин полковника русской службы, а кроме того, Александр I наградил его почетной саблей и орденом. Вернувшись, наконец, в апреле 1814 г. на прусскую службу, он получил патент на чин полковника пехоты. Временно он остался при своем легионе, который был переведен на нижний Рейн. Летом этого года, в котором было одержано столько побед, он лечился в Аахене от подагры, осенью и зимой временно командовал легионом, а в феврале 1815 г. снова лечился в Аахене.

Наступила эпоха 100 дней Наполеона. Во время короткого похода 1815 г. Клаузевиц был начальником штаба 3-го прусского армейского корпуса под командованием генерала Тильмана. Он участвовал в сражении при Линьи и во втором походе на Париж. Он не признавал некоторых ошибок, допущенных высшим прусским командованием в последней борьбе с Наполеоном, разделяя господствовавшее мнение, что самостоятельность низшего командования не должна распространяться на основные линии общего ведения дела. От всей души он радовался славной победе при Белль-Альянсе 18 июня 1815 г., опасаясь, конечно, что при недоброжелательстве союзников к Пруссии ей достанутся слишком скудные плоды победы.

Тотчас же после заключения второго Парижского мира он стал начальником штаба при генерал-от-инфантерии Гнейзенау, получившем общее командование на Рейне. С большим удовлетворением он проводит теперь большую работу по организации военного дела во вновь отвоеванных провинциях.

В Нассау он находился в обществе Макса фон-Шенкендорфа и барона фон-Штейна. Правда, Гнейзенау уже в 1816 г. подал в отставку, глубоко недовольный интригами, которые при реформе армии мешали развитию сил и талантов. Напрасно Клаузевиц старался побудить своего начальника к терпению. Преемником Гнейзенау был генерал фон-Гаке, с ним у начальника штаба не установилось доверчивых отношений.

Осенью 1818 г. Клаузевиц получил чин генерал-майора и по предложению Гнейзенау был назначен директором Всеобщей военной школы в Берлине. Но эта должность, которую он занимал в течение 12 лет, не удовлетворяла его. Оставалась работа в комиссии под председательством полковника фон-Лилиенштерна, где он со

Клаузевиц, 1812 г.

своими разнообразными планами реформ не мог добиться самостоятельной деятельности. При таких обстоятельствах он посвятил себя главным образом научной работе, положив основание своей литературной славе, которая позднее, когда он опубликовал свои оставшиеся до тех пор в тайне труды, стала его уделом. Его произведения, главным образом военно-исторического содержания, охватывают большинство важнейших войн в Европе за период 1568—1815 гг. Он изучил труды своих предшественников, относящиеся к 130 походам. Среди разнообразных его сочинений достойна упоминания также его политическая работа под заглавием «Интриги», написанная в 1819 г. В ней он подчеркивает ту мысль, что оздоровление его отечества могло бы быть достигнуто только на путях исторического развития. Он не был сторонником либерализма и совершенно отвергал современное ему немецкое национальное движение. Хотя он не был совершенным противником народного представительства, но думал, что государственный совет из доверенных лиц, назначенных королем, может работать более плодотворно, чем парламент. Этот предшественник Бисмарка говорил: «Германия только мечом может достигнуть политического единства, когда одно из составляющих ее государств подчинит себе другие. Однако, время для этого еще не пришло».

Далее идут последние годы жизни Клаузевица. В августе 1830 г. он был призван на высокий командный пост: он стал инспектором 2-й артиллерийской инспекции в Бреславле, но затем в ноябре, когда было подавлено в Варшаве польское восстание, он был отозван в Берлин. Нужно было принять меры против событий, которые могли вызвать это восстание в Пруссии. Гнейзенау должен был командовать мобилизованным 5-м армейским корпусом, а Клаузевиц был назначен начальником его штаба. Три месяца он пробыл в Берлине, ожидая дальнейшего развития событий. В это время он изучает военные события, имевшие место в Польше в 1793 и 1794 гг., и в связи с этим уделяет свое внимание положению западной Германии, которой после июльской революции снова угрожала опасность со стороны Франции. В одном из сочинений он рассматривает вопрос о том, как должна действовать Пруссия в качестве участника большого союза против Франции, в другом сочинении он говорит о том, какую политику она должна проводить, если ей придется взять на себя главную тяжесть войны с Францией. Он требует прежде всего наступления для завоевания Бельгии. В общем он уже тогда в своих трудах, написанных простым и убедительным языком, разра-

ботал тот вопрос, в котором впоследствии показал себя таким мастером Мольтке.

В марте 1831 г. оканчивается его пребывание в Берлине, и он отправляется в Познань в штаб Гнейзенау. Что предстояло ему до начала осени? В Польше появилась холера. Она проникла в Познань, и в августе Гнейзенау пал ее жертвой.

Клаузевиц временно принимает на себя главное командование, потом он становится генерал-адъютантом при преемнике Гнейзенау Кнезебеке. 3 октября 16 000 поляков вступили в Познань и сложили оружие. Главная квартира была расформирована. 7 ноября Клаузевиц вернулся в Бреславль. 16 ноября 1831 г. его сразила холера.

Дадим теперь слово о Клаузевице, учителе военного искусства, одному современному военному деятелю. Шлиффен, начальник генерального штаба армии, в предисловии к 5-му изданию произведения «О войне» пишет следующее:

«Во вступлении к 1-му изданию произведения «О войне» генерал фон-Клаузевиц говорит: «Моим горячим желанием было написать такую книгу, которая не будет забыта через 2—3 года». Это желание помогло генералу добиться своей цели. Теперь, когда прошло почти столетие с тех пор, как он написал эти слова, его произведение переживает уже 5-е издание. Такая живучесть его литературного наследства, которое осталось незаконченным и которое сам автор рассматривает лишь как собрание отрывков, является знаком неизменного значения его учения. Действительно, его произведения и по форме и по содержанию — это выше всего, что когда-либо было сказано о войне.

Клаузевиц не предлагает нам никакой готовой доктрины. Он исходит из того положения, что абсолютные, так называемые математические, истины в военном искусстве нигде не находят себе прочного основания. Теория, которая самодовольно стремится к абсолютным выводам и законам, должна быть отвергнута в этом акте человеческих отношений, этом столкновении крупных интересов, находящем себе кровавое разрешение. Клаузевиц так характеризует войну: «Горе теории, которая стоит в оппозиции к жизни».

Клаузевиц не оспаривает значения эдоровой теории самой по себе. Его книга «О войне» вызвана стремлением привести теорию в согласие с действительной жизнью. Этим отчасти объясняется преобладание у него философского способа рас-

смотрения, которое не всегда нравится современному читателю. Некоторые выводы автора, особенно там, где они касаются тактических вопросов, кажутся нам не совсем понятными, так как они основаны на опыте прошлых времен. Многие, что особенно подчеркивает Клаузевиц, кажется нам само собой подразумевающимся, но и на это особенно следует обратить внимание именно благодаря его учению, из которого очень многое перешло в наши служебные уставы. Всякий из нас, кто изучает войну, еще и в настоящее время сознательно или бессознательно находится в более или менее тесной зависимости от Клаузевица, черпая из этого неиссякаемого источника мыслей.

Попытки создать теорию войны, когда она производилась другими исследователями, всегда вели в область абстракции, а не действительной жизни. Война же является ее высшим и наиболее мощным проявлением. Поэтому для войны никогда не может оказаться пригодным такое учение, которое основывается на произвольных выводах и законах, а только такое, которое применяется к бесконечному разнообразию военной жизни, как это делает теория Клаузевица, приводящая нас к тому, что каждый случай в войне должен быть рассмотрен и исследован во всем его своеобразии. Прусская, а теперь германская армия обязана вечной благодарностью выдающемуся мыслителю, пробудившему в нас это сознание. Посев Клаузевица принес богатые плоды на полях сражений 1866 и 1870—1871 гг. Превосходство нашего командования, которое там стало очевидным, имеет свои корни в произведении «О войне», на котором воспитывалось целое поколение выдающихся воинов. Вот что говорит о Клаузевице Мольтке: «Стратегия есть перенесение знания в практическую жизнь», — понимание вполне в том смысле, как учил Клаузевиц. Духовное развитие самого Мольтке происходило в тесной зависимости от Клаузевица».

Так изображается этот великий учитель войны, воспитатель армии, которым может гордиться современное поколение. Этот человек был серьезным работником, он отличался любовью к строгой истине и высокой добротой, это был храбрый солдат и пламенный непреклонный патриот.

A decorative flourish consisting of two symmetrical, flowing lines that curve upwards and then downwards, framing the text.

ПОХОД В РОССИЮ

1812 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИБЫТИЕ В ВИЛЬНО. ПЛАН КАМПАНИИ. ДРИССКИЙ ЛАГЕРЬ

В феврале 1812 г. Пруссия вступила в союз с Францией против России. Та партия в Пруссии, которая еще сохраняла мужество сопротивляться и которой союз с Францией не казался безусловно необходимым, могла бы быть, конечно, названа партией Шарнгорста, потому что в Берлине помимо Шарнгорста и его ближайших друзей едва ли можно было найти человека, который не считал бы такую ориентировку за признак помешательства. Да и в прочих частях королевства можно было встретить лишь кое-где редкие следы такого образа мыслей.

Как только стало достоверно известно о заключении союза с Францией, Шарнгорст немедленно удалился из правительственного центра и отправился в Силезию, где он еще мог играть некоторую активную роль в качестве инспектора крепостей. Он хотел ускользнуть как от внимания французов, так и от противоестественного сотрудничества с ними, не порывая окончательно со своей службой в прусской армии. Эта полумера в данном случае являлась чрезвычайно разумной. Сохраняя свои связи, он еще мог воспрепятствовать некоторым пагубным действиям, а именно чрезмерной уступчивости по отношению к Франции, особенно в отношении занятия французскими гарнизонами прусских крепостей. В то же время нога его оставалась в стремени с тем, чтобы в бла-

гоприятный момент снова занять покинутый им пост. Он был чужестранец, не имевший недвижимой собственности и твердого положения в Пруссии; для короля и в особенности для аристократических кругов столицы и королевства он всегда оставался несколько чужим, а польза его деятельности еще расценивалась в то время преимущественно как очень сомнительная. Если бы тогда он окончательно ушел в отставку, то трудно сказать, призывали ли бы его снова в 1813 г.

Его ближайший друг майор фон-Бойен, докладчик короля по вопросам личного состава в военном ведомстве, подал в отставку, которую он и получил с производством в чин полковника и пожалованием небольшого денежного пособия. Он намеревался отправиться в Россию.

Состоявший в то время государственным советником полковник фон-Гнейзенау также оставил службу с тою же целью.

Так же поступили некоторые другие лица, принадлежавшие к самым горячим приверженцам Шарнгорста и его политических воззрений, но не имевшие какого-либо значения в государственных делах. В числе их находился и автор настоящего сочинения.

Король согласился на увольнение в отставку всех этих лиц.

Автор, снабженный несколькими рекомендательными письмами, отправился в апреле месяце в Вильно, где находилась главная квартира императора Александра и генерала Барклая, командовавшего первой западной армией.

Когда автор прибыл в Вильно, он уже нашел там несколько собравшихся прусских офицеров. Наиболее выдающимися среди них являлись Гнейзенау и граф Шазо, которые совершили вместе путешествие через Вену. Первый из них уже принял решение отправиться в Англию. Правда, он очень хорошо был принят императором, однако, по существу дела он не без основания заключил, что для него здесь не найдется подходящей боевой деятельности. Не зная русского языка, он не мог получить ответственного командного поста. Быть прикомандированным, подобно автору и другим офицерам, к какому-

нибудь генералу или к какому-нибудь корпусу на подчиненную должность не дозволяли ему его зрелый возраст и чин. Таким образом, ему оставалось только предельно поход в свите императора. Что это значило, или, вернее, насколько это ничего не значило, было для него очевидно, и он чувствовал, что из такого положения ничего достойного его не получится. И без того уже главная квартира императора была битком набита знатными бездельниками; для того чтобы среди них выдвинуться своими советами и сделаться полезным, надо было бы, по крайней мере, обладать талантом опытного интригана и хорошо владеть французским языком. Полковнику Гнейзенау недоставало ни того, ни другого. Поэтому он был вполне прав, когда оставил мысль устроиться в России. Так как он уже посетил раньше Англию и встретил там благосклонный прием у принца-регента, то он полагал, что будет иметь возможность сделать больше для правого дела, вновь отправившись в Англию.

Так как он скоро убедился в Вильно, что приготовления русских далеко не отвечали грандиозности предстоящей борьбы, то не без основания у него возникла очень сильная тревога за исход войны. Единственную надежду он возлагал на трудность завершения предприятия, задуманного французами; при этом он считал необходимым сделать все возможное, чтобы добиться диверсии со стороны Англии, Швеции и Германии в тылу у французов. Этот взгляд еще более укреплял его в его намерении совершить поездку в Англию, куда он и отбыл в скором времени.

Все вооруженные силы России на западной границе империи состояли из первой и второй западных армий и резервной армии. Первая достигала приблизительно 90 000 человек, вторая — 50 000, а третья — 30 000, всего, следовательно, около 170 000 человек, к которым надо еще прибавить 10 000 казаков.

Первая западная армия под начальством генерала Барклая, являвшегося одновременно и военным министром, стояла вдоль Немана; вторая, которою командовал князь Багратион, — в южной Литве, а резервная армия под командой генерала Тормасова — на Волыни.

Во второй линии на Днестре и Двине находилось около 30 000 человек из запасных частей и новобранцев.

Верховное командование над всеми силами намеревался взять на себя император. Он никогда не служил в действующей армии, а также не имел командного стажа. В течение нескольких лет в Петербурге генерал-лейтенант Пфуль преподавал ему основы военного искусства.

Пфуль служил в прусском генеральном штабе в чине полковника и оставил прусскую службу в 1806 г. после сражения под Ауэрштэдом, чтобы вступить на русскую службу, где он дошел до чина генерал-лейтенанта, не занимая каких-либо ответственных должностей.

В Пруссии Пфуль пользовался репутацией чрезвычайно талантливого человека. Он, Массенбах и Шарнгорст в 1806 г. были тремя вождями прусского генерального штаба. У каждого из них были свои, ярко выраженные особенности, но лишь Шарнгорст засвидетельствовал на практике свои военные знания. Своеобразие Пфуля было, пожалуй, самым необычным, но в то же время трудно характеризуемым. Он был очень умным и образованным человеком, но не имел никаких практических знаний. Он давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенным хотя бы в малейшей степени духом исторического исследования. Явления новейших войн коснулись его лишь поверхностно. Таким образом, он составил себе крайне одностороннюю и скудную систему представлений о военном искусстве, которая не могла бы выдержать ни философской критики, ни исторических сопоставлений. Если в его образовании наблюдался почти полный пробел в отношении исторической критики, а в жизни отсутствовало какое бы то ни было соприкосновение с внешним миром, то, с другой стороны, он, вполне естественно, являлся врагом обычного филистерства, поверхностности, фальши и слабости. Та злая ирония, с которой он выступал против этих пороков, свойственных огромному большинству, и

создала ему главным образом репутацию крупного таланта, соединявшего глубину и силу. По своей отчужденности и замкнутости он был совершеннейшим оригиналом, но ввиду отсутствия в нем какого-либо чудачества таковым не считался.

При всем том прямолинейность, глубокая искренность, отвращение ко всякой половинчатости и фальши и способность к восприятию всего великого могли бы сделать его человеком выдающимся, способным также и к военной деятельности, если бы его ум, чуждый явлениям внешнего мира, не приходил в полное замешательство, как только этот мир властно вторгался в его жизнь. Автор этой книги никогда не встречал человека, который так легко терял бы голову, который с умом, устремленным на все великое, был бы побеждаем самыми ничтожными явлениями мира действительности. Это было вполне естественным последствием его замкнутого самовоспитания. Впечатлительный и мягкий по природе, он рассудочным путем выработал в себе величие во взглядах и решительность, которые были ему по природе несвойственны. Обособившись от внешнего мира, он не удосужился приучить себя к борьбе с ним в этой чуждой для него сфере. До 1812 г. условия службы никогда не принуждали его к этому. В революционных войнах он большей частью играл второстепенную роль, и лишь по окончании военных действий в качестве генерал-квартирмейстера при фельдмаршале Меллендорфе занял крупный пост. Находясь в составе генерального штаба в годы мира, он, подобно другим офицерам генерального штаба, занимался иллюзорной деятельностью и все время вращался исключительно в мире абстрактных идей.

В 1806 г. он состоял офицером генерального штаба при короле; но так как король в действительности не командовал, то и Пфуль не имел настоящего дела. После постигшей Пруссию катастрофы он с иронией внешне начал нападать на все случившееся: он смеялся, как безумный, над поражением наших армий и вместо того, чтобы в тот момент, когда образовался огромный идейный провал, выступить вперед, проявить свою практическую дееспособность, прикрепить к еще здоровым

нитям, уцелевшим от порванной ткани, новые нити, как то сделал Шарнгорст, он с чрезмерной поспешностью признал все потерянным и перешел на русскую службу.

Здесь, следовательно, его поведение дает прежде всего доказательство того, что он не ощущал в себе практического призвания к разрешению трудных задач. Самый переход свой на русскую службу он осуществил крайне неловким образом: он искал и добился службы в чужой стране, в Петербурге, как раз в тот момент, когда был послан туда с поручением.

Если бы император Александр обладал бóльшим знанием людей, он, конечно, не проникся бы особым доверием к способностям человека, который так рано покидает побежденную сторону и при этом ведет себя столь нетактично.

В 1795 г. в главной квартире фельдмаршала фон-Меллендорфа в Гохгейме Пфуль заявил: «Я уж ни о чем не забочусь; ведь все равно все идет к чорту!». В 1806 г., во время своего бегства, он заявил, насмешливо снимая шляпу: «Прощай, Прусская монархия». В ноябре 1812 г., когда французская армия уже начала отступать, Пфуль заявил в Петербурге автору этой книги: «Поверьте мне, из всей этой истории никогда ничего путного не выйдет». Таким образом, он всегда оставался верен себе.

Автор так долго задержался на характеристике этого человека потому, что, как мы увидим в дальнейшем, многое с ним соприкасается, и, как тогда, так и впоследствии, ему приписывалось гораздо более значительное влияние на события, чем это вообще возможно для личности, обладавшей такими качествами.

Давая не вполне лестную оценку ума и духовных качеств этого человека, мы должны в интересах справедливости сказать, что трудно было найти более доброе сердце и более благородный и бескорыстный характер.

Пфуль был настолько непрактичным человеком, что за шесть лет, проведенных им в России, он не подумал о том, чтобы научиться русскому языку; мало того, что еще поразительнее, ему даже не пришло в голову познакомиться ни с руководящими лицами правительства, ни с организацией русского государства и русской армии.

Император понимал, что при таком положении на Пфуля можно смотреть лишь как на отвлеченный ум и что ему нельзя поручить никакой активной роли. Поэтому он был лишь советником и другом императора, а формально считался также его генерал-адъютантом. Еще в Петербурге он составил для императора план кампании, который он теперь привез с собой в Вильно и в соответствии с которым уже были приняты некоторые подготовительные меры.

Князь Волконский. Он был первым генерал-адъютантом императора и возглавлял в административном отношении генеральный штаб. Поэтому он мог бы смотреть на себя как на фактического начальника генерального штаба на все время войны с момента принятия на себя императором верховного командования. Однако, последнее не имело места, и Волконский не принимал в ведении войны почти никакого участия. Он был человек добродушный, верный друг и слуга императора.

Генерал-лейтенант Аракчеев — русский в полном смысле этого слова человек, чрезвычайно энергичный и хитрый. Он был начальником артиллерии и пользовался полным доверием императора; но так как ведение войны было делом, совершенно ему незнакомым, то он столь же мало в него вмешивался, как и Волконский.

Генерал Армфельд — пресловутый швед, всюду пользовавшийся репутацией великого интригана. Крупные вопросы ведения войны, повидимому, и для него оставались совершенно чуждыми, а потому он не добивался назначения на какой-либо ответственный пост и довольствовался, подобно Пфулю, званием генерал-адъютанта, но в любое время был готов завязать интриги.

Генерал Беннигсен. Он был одним из старейших генералов русской армии; в данное же время он не был призван ни на какой командный пост, вероятно, потому, что еще помнили, как неудачно он вел кампанию 1807 г. Он находился в Вильно якобы исключительно из вежливости, так как его имения были расположены поблизости, и он поэтому считал неудобным держаться вдали от императора. Однако, он, вероятно,

стремился получить назначение на какой-либо командный пост.

Остальные лица военной свиты императора, среди которых, правда, было несколько генерал-лейтенантов, были еще более незначительны и не могли оказать никакого влияния на ход войны.

Из этого можно видеть, как мало император Александр подготовился к принятию действительного верховного командования. Повидимому, он ни разу не продумал этой задачи до полной ясности и ни разу формально ее не высказал. Так как обе армии пока были разъединены, а Барклай в качестве военного министра в известной степени распоряжался и второй армией, то, в сущности, понятие общего командования имелось лишь у Барклая и в его штабе. У него был начальник штаба в лице генерал-лейтенанта Лобанова, был и генерал-квартирмейстер в лице генерала Мухина, генерал-интендант и т. д. Все эти лица приступили к формальному исполнению обязанностей, связанных с их должностями; генерал Барклай ежедневно отдавал приказания, получал рапорты и донесения и т. д. У императора же все это происходило крайне нерегулярно. Большинство распоряжений он делал через Барклая, кое-что проходило через руки Волконского, и даже Пфулю приходилось несколько раз вмешиваться в дела.

Когда император прибыл в Вильно с генералом Пфулем, последний как чужеземец среди русских, смотревших на него с завистью, недоверием и недоброжелательством, оказался совершенно изолированным. Он не знал языка, не знал людей, не знал ни учреждений страны, ни организации войск, у него не было определенной должности, не было никакого подобия авторитета, не было адъютанта, не было канцелярии; он не получал рапортов, донесений, не имел ни малейшей связи ни с Барклаем, ни с кем-либо из других генералов и даже ни разу не сказал с ними ни единого слова. Все, что ему было известно о численности и расположении войск, он узнал лишь от императора; он не располагал ни одним полным боевым расписанием, ни какими-либо документами, постоянно справляться с которыми необходимо

при подготовительных мероприятиях к походу. В подаваемых им докладных записках нередко отсутствовали фамилии старших начальников, о которых он хотел говорить, и ему приходилось выходить из положения, расписывая различные должности, занимаемые ими.

Надо было быть безумным, чтобы взять на себя в таких условиях руководство военными действиями, представлявшими такую трудную задачу, как кампания 1812 г. Русская армия насчитывала 180 000 человек по самой высокой оценке, неприятельская же по самому скромному подсчету равнялась 350 000 человек, причем вождем ее был Наполеон.

Таким образом, Пфулю следовало бы либо совершенно отговорить императора от мысли о верховном командовании, либо потребовать совершенно другой подготовки и организации. Ни того, ни другого он не сделал, а поступал, как поступают лунатики, о которых рассказывают, что они бродят опасными путями по коньку крыши, пока не будут разбужены и не рухнут с высоты.

В то самое время, когда русская армия на границе не превышала 180 000 человек, утверждали, что император платит жалованье из расчета армии в 600 000 человек; автор этой книги считал это утверждение насмешливым преувеличением, хотя он его слышал из уст высокопоставленного лица, а между тем это была сущая правда.

Распределение русских сил, имевшихся действительно в наличности, было приблизительно следующее:

На границе Польши и Пруссии. . .	180 000 человек	
По Двине и Днепру запасных батальонов и новых формирований	30 000	»
В Финляндии	20 000	»
В Молдавии	60 000	»
На восточной границе	30 000	»
Внутри страны новых формирований и запасных частей	50 000	»
Гарнизонных войск	50 000	»

Итого 420 000 человек

Сюда не вошли казаки. Если прибавить и эту крупную массу (впрочем, численность казаков в составе западной армии к началу войны не превышала 10 000 человек, а в течение кампании никогда не превосходила 20 000 человек), а также и армию денщиков и других нестроевых и принять во внимание многочисленные злоупотребления, которые в русской армии являлись наполовину узаконенными, а также размеры расхождения между фактической наличностью и списочным составом, то станет понятным, каким образом число 420 000 имеющихся налицо людей в армии могло возрасти до тех 600 000, содержание которых приходилось оплачивать.

Готовясь к войне с Францией, русские лишь незначительно усилили свою армию в предыдущем году. Это доказывает, что они едва ли могли бы ее значительно увеличить во время войны.

Приблизительно можно считать, что к моменту начала войны подкреплений было 80 000 человек. Они влились в запасные части и образовали те силы, которые присоединились к армии частью на Двине и Днепре, а частью впоследствии в Смоленске и Калуге. Не считая ополчения, пополнение действующей армии в течение всей войны, вероятно, не превышало 100 000 человек.

Итак, в результате этих подсчетов мы приходим к следующим заключениям:

Во-первых, русская армия должна была состоять из 600 000 человек и, вероятно, без чрезмерного напряжения не могла бы достигнуть большей численности.

Во-вторых, в 1812 г. из этого числа в действительности налицо было приблизительно 400 000 человек регулярных войск.

В-третьих, из этих 400 000 человек в первое время удалось противопоставить французам только 180 000 человек.

Такое дробление вооруженных сил наблюдается повсюду; для примера вспомним, что в 1806 г. Пруссия, содержащая армию в 250 000 человек, в первый момент имела возможность противопоставить французам в Тюрингии не более 100 000 человек. Хотя мероприятия Пруссии в 1806 г. и России в 1812 г. могли бы быть

более удачными, все же не мешает сохранить в памяти главные итоги этих войн, чтобы при случае не слишком переоценивать силы своего противника.

В данном случае Россия несколько запоздала со своими приготовлениями к войне, а мир с Турцией был заключен на несколько месяцев позже, чем было бы желательно. Двумя месяцами позднее Россия могла бы выступить с лишними 150 000, что почти удвоило бы ее силы.

Поэтому император и генерал Пфуль пришли к совершенно правильному заключению, что подлинное сопротивление можно будет оказать лишь позднее, в глубине страны, ибо на границе силы были недостаточны. В соответствии с этим генерал Пфуль выдвинул мысль добровольно отнести военные действия на значительное расстояние внутрь России, таким путем приблизиться к своим подкреплениям, выиграть некоторое время, ослабить противника, принудив его выделить ряд отрядов, и получить возможность, когда военные действия распространятся на большом пространстве, стратегически атаковать его с флангов и с тыла. На императора эта мысль произвела сильное впечатление, так как она опиралась на пример кампании Веллингтона 1811 г. в Португалии.

Рассуждая отвлеченно, можно думать, что идеи Пфуля в русской кампании 1812 г. получили полное осуществление. Однако, в действительности это не так. Очень большое значение на войне имеет масштаб. То, что очень важно для пространства в 100 миль (миля равна 7,5 километра), может оказаться совершенно иллюзорным на пространстве 30 миль. Нельзя даже сказать, чтобы идея Пфуля послужила той моделью, по которой впоследствии в действительности проводилась кампания в грандиозных размерах; на самом деле, как мы в дальнейшем увидим, кампания развернулась сама собой, а идея Пфуля тем менее может рассматриваться как руководящая мысль, хотя она и сама по себе явилась ложной. Этот план Пфуля, однако, послужил случайным поводом к тому обороту, который приняла кампания, в чем мы убедимся из дальнейшего.

План Пфуля заключался в том, чтобы первая западная армия отступила в укрепленный лагерь, для которого он выбрал местность по среднему течению Двины, и чтобы туда были направлены ближайшие подкрепления и накоплены значительные запасы продовольствия; в то же время Багратион со второй западной армией должен был ударить в правый фланг и тыл неприятеля, если бы тот последовал за первой армией. Тормасов должен был оставаться на Волыни для защиты ее от австрийцев.

Каковы же были основные принципы этого плана?

1. Приближение к подкреплениям. Местность, которую выбрали, отстояла от границы на 20 миль; рассчитывали довести численность первой западной армии до 130 000 человек; однако, размеры подкреплений, оказавшихся там, были ниже ожидаемого и, как передавали автору, едва достигали 10 000, так что армия к этому времени приблизительно насчитывала 100 000 человек. Итак, отступление было еще недостаточно глубоким для получения значительных подкреплений. Впрочем, эту ошибку в плане не следует рассматривать как ошибку в его основной идее. Сам император, вероятно, имел ошибочные данные, а поэтому для Пфуля было простиительно ошибаться.

2. Ослабление неприятеля при продвижении вперед на таком расстоянии, когда его не задерживают крепости, никогда не бывает значительным, а в данном случае могло почитаться совершенно ничтожным.

3. Наступление Багратиона, направленное на фланг и тыл неприятеля, само по себе не может рассматриваться как реальная предпосылка, ибо если армия Багратиона должна была сражаться позади противника, то она уже не могла сражаться впереди его, и достаточно было для неприятеля противопоставить ей соответствующую массу войск, чтобы снова привести все в равновесие, причем за противником еще оставалось то преимущество, что он находился между нашими армиями и мог атаковать каждую из них порознь превосходными силами.

Фланговые операции в стратегическом отношении следует рассматривать как действительно эффективный

фактор лишь в том случае, когда операционная линия имеет очень большое протяжение и неприятельская территория находится по обеим сторонам ее; в таком случае появляющиеся время от времени партизанские отряды, представляя сами по себе известную угрозу, требуют для защиты и обеспечения этой линии затраты таких усилий, которые влекут за собой значительное ослабление главных сил армии. Это имело место в 1812 г., когда французы проникли в глубь страны до Москвы, овладев расположенными справа и слева областями только до Днепра и Двины.

Далее, стратегические фланговые операции бывают действительны тогда, когда неприятельская армия в такой мере достигла пределов сферы своей досягаемости, что она уже не может извлечь никакой выгоды из победы, одержанной над противником. В этом случае мы можем армию ослабить, не подвергая свои войска опасности. И, наконец, в том случае, когда решение уже имело место и когда все сводится к тому, чтобы преградить неприятелю путь отступления, как то имело место в 1812 г., когда Чичагов двинулся в тыл Наполеона.

Во всех прочих случаях простой обход еще ничего не достигает; напротив, это мероприятие, как ведущее к более значительным и решающим успехам, является и более рискованным; таким образом, оно требует больше сил, чем фронтальное сопротивление, и, следовательно, является неподходящим для слабейшей стороны. Всего этого Пфуль себе отчетливо не уяснил; впрочем, в те времена вообще по этим вопросам не было ясного представления, и каждый действовал по своему усмотрению.

4. Укрепленный лагерь. То, что на сильной позиции малое число может оказать сопротивление большому—это всем известная истина. Но тогда необходимо, чтобы эта позиция располагала совершенно свободным тылом, как, например, позиция Торрес-Ведрас, или, по крайней мере, составляла бы одно целое с близко к ней расположенной крепостью, как Бунцельвицский лагерь в Семилетнюю войну, и, таким образом, не так легко могла бы быть взята голодом.

Русский лагерь был намечен близ Дриссы на Двине. Пфуль еще в Петербурге посоветовал императору послать с целью выбора места лагеря флигель-адъютанта полковника Вольцогена, очень умного и образованного офицера, который еще до 1806 г. перешел с прусской службы на русскую. Мы не знаем в точности, какие непосредственные инструкции были ему даны, но в результате он не сумел найти на этой местности, правда, очень бедной позициями, другого пункта, кроме как у Дриссы, где небольшая лесная поляна, частью прикрытая болотами, представляла место для лагеря, тыл которого примыкал к Двине. Выгоды расположения здесь заключались в том, что река образовывала вогнутый полукруг, длина хорды которого равнялась часу пути. Перед этой хордой проходил фронт лагеря, имевший форму плоской дуги и опиравшийся обоими концами на реку, протекавшую здесь между песчаными берегами, которые, однако, имели в высоту до 50 футов; на правом берегу реки, выше и ниже фланговых опорных пунктов лагеря, впадало в Двину несколько маленьких речек, среди которых Дрисса — наиболее значительная; они создавали условия для выгодного развертывания и благоприятное поле боя против неприятеля, переправившегося через реку для того, чтобы атаковать лагерь с тыла.

Плоская дуга, очерчивавшая фронт лагеря, была усилена по указаниям самого генерала Пфуля тройным рядом открытых и сомкнутых укреплений, а семь мостов должны были обеспечить отступление. По ту сторону реки не было никаких укреплений. На этом участке Двина, в сущности, представляет незначительную реку, хотя и довольно широкую, но крайне мелкую, так что через нее можно было переправиться даже вброд. Как видно уже с первого взгляда, тактическая сила этого пункта была невелика и сводилась единственно к силе укреплений.

Еще менее надежно было стратегическое положение этого пункта. Дело в том, что Дрисса находится между дорогами, ведущими из Вильно на Петербург и на Москву, т. е. ни на той, ни на другой дороге.

Кратчайшая дорога из Вильно на Петербург проходит через Друю на Двине, а оттуда на Себеж и Псков, а кратчайшая дорога на Москву идет через Витебск. Дрисса находится в четырех милях от первой и в двадцати четырех милях от второй.

Эта неопределенность положения избранной укрепленной позиции особенно не понравилась в Вильно; никто не мог понять, какой смысл этой позиции. По этому поводу автор спросил генерала Пфуля, какой линии отступления предположено вообще держаться: на Москву или на Петербург? На это Пфуль ответил, что это будет зависеть от обстоятельств. Этот ответ отчетливо свидетельствовал об отсутствии ясности мысли и решимости, ибо невозможно ставить решение столь важной альтернативы в зависимость от меняющихся условий обстановки.

Дрисский лагерь с тыла был прикрыт одной лишь рекой, по ту сторону которой не было никаких окопов и даже ни одного населенного пункта, пригодного для обороны; имелся лишь ряд дощатых сараев, в которых были сложены мешки с мукой. Так как переправа через Двину не представляла ни малейшего препятствия, то продовольственные запасы армии, не будучи защищены хотя бы естественными преимуществами местности, все время внушали бы тревогу за их целость.

Таким образом, укрепленная позиция на Дриссе, в сущности, осталась голой идеей, абстракцией; из всех тех требований, которым она должна была отвечать, она не удовлетворила почти ни одному. Плоская дуга фронта, расположенная на ровной местности, окруженная лесом на расстоянии 800 шагов от нее, опирающаяся обими флангами на реку, которую можно перейти вброд, образует, в сущности, весьма неудобное поле сражения. Далее, это был пункт, расположенный не на прямом пути отступления, и, следовательно, он являлся вырванным из общей системы движения армии и потому предоставлялся самому себе; пункт, расположенный не у моря, не близ крепости, даже не по соседству с настоящим городом (Дрисса представляет собой местечко, состоящее из деревянных построек, и то находится не прямо позади лагеря, а сбоку, в стороне от

системы оборонительных сооружений), — такой пункт, конечно, нельзя назвать стратегическим пунктом.

Впрочем, мы не в праве утверждать, что вина в этой ошибке лежит на подполковнике Вольцогене. Район был предуказан ему Пфулем, а в этой части Литвы надо благодарить судьбу, если удастся найти в лесах достаточно обширное пространство, чтобы развернуть на нем сколько-нибудь значительную армию.

Эту позицию едва ли можно рассматривать как такую, которая могла бы усилить мощь вооруженных сил. В сущности, это была лишь игра мыслей Пфуля, лишенная всякого реального содержания, и как таковая впоследствии быстро исчезла пред лицом подлинных явлений мира действительности. Единственное благо, которое принесла эта идея, — это вызванное ею немедленное отступление к Двине.

Итак, мы не можем найти в плане Пфуля каких-либо реальных предпосылок, повышавших способность к сопротивлению; и ничто в этом плане не могло уравновесить тех невыгодных условий, в которые попадали русские, уклоняясь от простейших форм сопротивления и отступления. Наиболее выдающиеся деятели виленской главной квартиры, как генералы Барклай, Беннигсен и Армфельд, не могли освоиться с этим планом кампании и стремились подорвать доверие императора к нему и к самому генералу Пфулю. Завязалась своего рода интрига, направленная на то, чтобы убедить императора принять сражение под Вильно. Вероятно, полагали, что французы перейдут через границу как раз на том же участке фронта, на котором разместились русские для защиты ее, а именно от Самогитии до Волыни; при таких условиях надеялись, что в избранном пункте у Вильно не окажется чрезмерного перевеса сил противника. Без подобного неразумного предположения само возникновение мысли о сражении было бы совершенно необъяснимым.

Таким образом, уже в Вильно возникла борьба противоположных мнений, которая, конечно, пошатнула доверие императора к плану Пфуля.

К этому времени прибыл в Вильно подполковник Вольцоген, находившийся в переходный период в корпусе генерала Эссена в качестве начальника штаба.

Он владел русским языком и был более близко, чем генерал Пфуль, знаком с главными действующими лицами. Он решил добиться назначения к генералу Барклаю с тем, чтобы в известной мере перекинуть мост между ним и генералом Пфулем. Он уговорил последнего испросить у императора откомандирования в его распоряжение офицера для организации небольшой канцелярии. Выбор его пал на автора. Последнему было поручено съездить в Дриссу, чтобы посмотреть, насколько продвинулись там работы, и одновременно наметить на пути туда подходящие места для биваков.

Автор в сопровождении русского фельдъегеря отправился туда 23 июня. Когда он прибыл в Дриссу, офицер, руководивший там работами, готов был увидеть в нем шпиона, так как он не мог предъявить никакого документа, кроме написанного на французском языке приказа генерала Пфуля, на которого в армии не смотрели как на начальство. Все же автору удалось рассеять эти подозрения, и он получил разрешение осмотреть лагерь.

Этот инцидент наглядно показал автору то, чего он в общем опасался, а именно, что положение генерала Пфуля приведет лишь к ряду унижительных недоразумений и вызовет крайне опасное замешательство.

Автор нашел укрепления лагеря расположенными по системе, изобретенной самим генералом Пфулем. Наружный пояс состоял из ряда окопов для стрелков; шагах в пятьдесят или ста позади находился ряд укреплений, попеременно открытых и сомкнутых; первые предназначались для батарей, вторые для отдельных батальонов, которые должны были прикрывать эти батареи. Позади этого полукруга, в пятистах или шестистах шагах, находился второй ряд сплошь сомкнутых укреплений, которые должны были играть роль резервной позиции; наконец, в центре, в третьей линии, помещалось укрепление несколько большего размера, своего рода редюит, предназначенный для прикрытия отступления.

Хотя эта система была, очевидно, чересчур искусственна, число отдельных укреплений слишком велико и вся система в целом, казалось, была придумана без достаточно практического смысла, тем не менее оборона этого укрепленного лагеря значительной массой войск при хорошо известной храбрости русского солдата позволяла ожидать очень упорного сопротивления. Более того, можно с уверенностью утверждать, что если бы французы вздумали непременно овладеть лагерем с фронта, то они разбились бы о него, не достигнув своей цели.

Укрепления имели хороший профиль, но грунт был песчаный; при этом никто не подумал об усилении позиции посредством сооружения искусственных препятствий: палисадов, засек, волчьих ям и т. п., и с этой стороны лагерь оставлял желать многого. Автор побудил штаб-офицера, руководившего этими работами, задуматься над дополнительным усилением лагеря и тотчас же приступить к возведению искусственных препятствий.

Из семи мостов еще ни один не был построен, а так как офицер, руководивший этими работами, не обладал ни опытом, ни знаниями в этой области, то он сознался автору в своем затруднительном положении, добавив, что при многообразии размеров собранных для этой цели судов и лодок он не знает, как выполнить эту работу. Автор обратил его внимание на те вспомогательные средства, которые можно использовать в подобных случаях, и обещал похлопотать о присылке военного инженера, который возьмется за эту работу.

На месте автору бросилось в глаза как наиболее существенный недостаток Дрисского лагеря — это полное отсутствие каких-либо укреплений на правом берегу Двины. Городок Дрисса лежал против крайнего левофлангового опорного пункта, но как поселок, состоящий из деревянных домов, не обнесенный стеною, не обладал ни малейшей обороноспособностью. Позади моста не было ничего, что представляло бы какую-либо защиту; все продовольственные запасы, состоявшие преимущественно из огромного количества мешков с мукою, были навалены под простыми навесами, не имевшими боковых стен,

и, следовательно, столь же легко могли быть уничтожены пожаром, как и приведены в негодность непогодой.

Мысль Пфуля заключалась в том, чтобы из 120 000 человек, которые по его предположению должны здесь сосредоточиться, 50 000 оставить в укрепленном лагере, что было совершенно достаточно для защиты его, а с остальными 70 000 встретить ту часть неприятельских сил, которые переправятся через реку для атаки лагеря с тыла.

Если бы неприятель переправился через реку с чрезмерно большими силами и, таким образом, чересчур ослабил бы себя на левом берегу, то Пфуль намеревался двинуться с превосходными силами из лагеря и атаковать эту ослабленную часть неприятельской армии. Все преимущество, представляемое лагерем, заключалось бы, следовательно, в том, что русские располагали бы более коротким и удобным сообщением между тем и другим берегами реки, в то время как неприятель, вероятно, был бы вынужден поддерживать связь между двумя частями своей армии при помощи одного моста, и притом несколько удаленного. Вместе с тем, что бесспорно, это преимущество не могло иметь решающего значения; на нем никак нельзя было основывать расчет на успех боя 120 000 человек, вовсе лишенных пути отступления, с превосходными силами противника. Кроме того, для таких наступательных действий на любом из берегов реки надо было, чтобы местные условия этому благоприятствовали; но местность перед фронтом позиции на левом берегу реки не отвечала этому требованию, так как лагерь был здесь окружен болотом и лесами, не допускавшими даже обзора сил противника; кроме того, необходима была известная возможность обороны и на другой стороне реки для того, чтобы в случае перехода в наступление на левом берегу можно было бы обеспечить небольшим отрядом свои магазины на правом; последнее обстоятельство исключалось, так как местность была ровная и на ней не имелось ни следа каких-либо окопов.

Если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла,

и безразлично, было бы их 90 000 или 120 000 человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции.

Пфуль остановился на этой идее укрепленного лагеря, так как вследствие своей односторонности он ничего лучшего придумать не мог; сражение в открытом поле при неравенстве сил не сулило успеха; он поэтому стремился добиться равновесия при помощи более искусственной, более сложной обороны. Но, как это часто бывает при стратегическом маневрировании, он не исследовал основательно тех причин, от которых ждал известных результатов. Не включая в свой план никакого нового принципа, повышающего сопротивление, он отказался от простейшего пути непосредственной обороны и избрал более сложный путь, который мог привести русскую армию к опаснейшей и немедленной катастрофе.

Русская армия избегла этой опасности лишь благодаря чрезмерной неловкости и слабохарактерности Пфуля, которые похоронили его план раньше, чем он успел вызвать катастрофу.

На обратном пути автор 28 июня застал главную квартиру императора уже в небольшом городке Свенцянах, в трех переходах от Вильно. Война уже вспыхнула, и началось отступление армии. Главная квартира генерала Барклая находилась на два перехода ближе к Вильно.

Автору пришлось представить доклад императору о том, в каком положении он нашел дела в Дриссе. Генерал Пфуль, естественно, присутствовал при этом докладе. Задача, как можно себе представить, была нелегкая. То, что можно было сказать против Дрисского лагеря, било непосредственно генерала Пфуля по самому чувствительному месту. В то время автор был адъютантом этого генерала, который чрезвычайно дружелюбно принял его в Вильно и рекомендовал его императору; кроме того, поручение, данное автору, вовсе не заключалось в том, чтобы представить критику основной идеи укрепленного лагеря, а в том, чтобы доложить, в каком положении он застал работы. С другой стороны, в этом бесконечно важном вопросе автор так близко принимал к сердцу те бросавшиеся в глаза крупные недостатки

и промахи, которые он обнаружил в замысле, связанном с этим лагерем, что он ощущал непреодолимую потребность обратить внимание императора на те опасности, которые нависли над армией и начавшейся кампанией. Император, доверие которого к генералу Пфулю, как мы указали выше, было несколько поколеблено еще в Вильно, с своей стороны ощущал потребность, чтобы его снова убедили в правильности первоначального решения безусловной, основанной на искреннем убеждении похвалой. Автор, заранее обдумав все эти обстоятельства, принял решение в своем устном докладе, который он сопровождал памятной запиской, ограничиться рамками данного ему поручения, но в то же время слегка коснуться тех затруднений, в которых можно было запутаться. Последствием этой беседы было то, что у императора углубилось подозрение, что начатое им предприятие было недостаточно зрело обдумано. Второй принц Ольденбургский, супруг будущей королевы Вюртембергской, следовательно, зять императора, находившийся в главной квартире и пользовавшийся доверием и дружбой императора, несколько дней спустя сказал автору, что императору показалось, будто автор не вполне откровенно высказал свое мнение. Автор ответил, что он хотел лишь обратить внимание на важнейшие обстоятельства, которые еще надлежит обсудить в этом деле, и что действительно ему при этом рисовались некоторые затруднения, которые надо во всяком случае предусмотреть заранее, чтобы не быть застигнутым ими врасплох. Принц сказал, что император решил еще раз исчерпывающим образом поговорить с глазу на глаз об этом предмете с автором. Этот разговор так и не состоялся, так как император уже начал обсуждать вопрос о лагере с другими хорошо знакомыми ему офицерами, которые высказывались против лагеря более категорическим образом.

В это время, т. е. когда стали приближаться к Дрисскому лагерю, в главную квартиру императора прибыл генерал-лейтенант граф Ливен. Он был русским послом в Берлине и чрезвычайно любезно способствовал переходу автора на русскую службу. Автор посетил его.

Граф Ливен разделял его мысли и чувства по вопросам ведения войны. В Берлине Ливен имел много бесед с выдающимися офицерами о положении русского государства. Господствовавшее в Берлине мнение заключалось в том, что Наполеона должны погубить огромные размеры Российской империи, если Россия их использует надлежащим образом, т. е. будет оберегать свои силы до последнего мгновения и ни при каких условиях не заключит мира. Эту мысль, в частности, высказал Шарнгорст. Когда граф Ливен прибыл в главную квартиру, он был поглощен этой идеей и, конечно, говорил и с императором в этом смысле. Формулировка его мысли, услышанная автором от него еще в Берлине, сводилась к тому, что первый пистолетный выстрел должен раздаться только под Смоленском. Хотя эта формулировка заключала в себе неверную мысль, так как постоянное сопротивление при отходе составляет необходимую и весьма существенную часть этого рода обороны, но все же главная идея, в ней заключенная, была чрезвычайно важна. Она должна была бы оказать благотворное влияние, если бы нашла отклик в руководстве; она подчеркивала, что не следует опасаться очистить всю страну до Смоленска и что лишь на этом рубеже должна начаться серьезная война.

Автор передал генералу Пфулю эту идею генерала Ливена и пытался склонить его к более смелому замыслу, чем его Дрисский лагерь. Однако, Пфуль менее, чем кто-либо иной, мог уловить и усвоить себе чужую мысль; он утверждал, что это преувеличение, не приводя, однако, никаких доказательств.

Этот разговор с Пфулем снова возбудил в авторе чувство уныния по поводу руководства военными действиями. Это чувство еще более усилилось благодаря тому, что ежедневно происходило на его глазах.

Командовавший армией генерал Барклай, главная квартира которого находилась на расстоянии одного перехода позади главной квартиры императора, неохотно подчинялся исходившему оттуда нерешительному руководству военными действиями. Неприятель не напирал на него слишком энергично, и это побудило Барклая остановиться

там, где по общему плану он не должен был задержаться. Пфуль беспокоился о том, как бы неприятель не достиг Дриссы раньше русской армии. Автора неоднократно посылали в главную квартиру генерала Барклая, дабы побудить его к более быстрому отступлению. Хотя при генерале Барклае состоял подполковник Вольцоген, служивший посредником, однако, всякий раз автор встречал довольно плохой прием. У русского арьергарда было несколько удачных стычек с французским авангардом; это внушило и войскам и старшим начальникам известную самоуверенность, и генерал Барклай, человек весьма спокойный, опасался, как бы этот бодрый дух войска не был подорван непрерывным отступлением.

Автор не разделял беспокойства генерала Пфуля, усматривая в нем признаки известной слабости, а потому всякий раз крайне неохотно отправлялся к генералу Барклаю, и хотя спокойствие и кажущаяся самостоятельность последнего ему и нравились, однако, непослушание и отсутствие доброй воли со стороны этого генерала вызывали в нем беспокойство.

Автор думал про себя, что в таком великом и важном деле необходимо стоять близко к самому делу, ясно представлять положение вещей в каждом отдельном случае и лишь в соответствии с ним и на основе его принимать решения. Правда, путем исторических сопоставлений можно возбудить представления, связанные с более отдаленными целями, и, если есть время, дать им созреть, но нельзя посредством их вести армии в бой. С другой стороны, противодействие и неповиновение в момент выполнения важнейших военных операций являются предвестниками неизбежной гибели.

Эти ощущения достигли у автора высшего напряжения в Видзах. Этот город находится приблизительно на полпути между Вильно и Дриссой. В то время как главная квартира императора находилась там, внезапно поступило донесение, что неприятель обошел русскую армию с левого фланга. Отсюда, казалось, следовало, что необходимо было изменить диспозицию марша во избежание поражения на следующий день отдельно двигав-

шихся колонн превосходными силами противника. Автор в данном случае, как и вообще об этом походе, не собрал никаких заметок, относительно дней, численности и населенных пунктов; тот, кто в этих его записках захочет отыскать такого рода исторические данные, будет неудовлетворен. Автор заботился главным образом о том, чтобы при посредстве впечатлений, полученных им, и картин, прошедших перед его глазами, подготовить несколько красочных мазков для будущей картины событий. Генерал Пфуль, у которого жил автор, был внезапно вызван к императору, причем ему было сказано, чтобы он привел с собою и автора. Когда мы пришли, император находился в кабинете; в обширной комнате перед этим кабинетом находились князь Волконский, генерал Аракчеев, полковник Толь и капитан гвардии граф Орлов. Полковник Толь служил в генеральном штабе и вскоре был назначен генерал-квартирмейстером армии генерала Барклая, что в русской армии означает должность помощника начальника штаба. Начальник штаба ведал общим ведением дела, а генерал-квартирмейстер—специально тактическими и стратегическими вопросами. Хотя полковник Толь еще не состоял в должности генерал-квартирмейстера, однако, он уже тогда занимал приблизительно соответствующее положение.

Граф Орлов был адъютантом князя Волконского, но так как последний совершенно не вмешивался в вопросы ведения войны, то тем меньше приходилось считаться с этим молодым офицером.

Князь Волконский сообщил генералу Пфулю полученное известие и сказал ему, что император желал бы знать, что теперь следует предпринять. А так как подполковник Клаузевиц совершил осмотр позиции на пути движения к Дриссе, то он также приглашен сюда; пусть же генерал Пфуль вместе с этим офицером и полковником Толем обдумают, какие меры в настоящее время лучше всего принять.

Генерал Пфуль немедленно заявил, что создавшееся положение вытекает из неповиновения, проявленного генералом Барклаем. Князь Волконский, повидимому, согласился с этим, но тут же вполне резонно заметил, что

тем не менее в настоящее время важнейший вопрос состоит в том, как следует поступить. Тут Пфуль показал себя со всем присущим ему своеобразием. С одной стороны, он был приведен в явное замешательство неожиданными событиями, с другой — долго сдерживаемые огорчения толкали его к иронии, к которой он всегда был склонен; он и теперь откровенно стал на этот путь и с видимым удовольствием заявил, что так как его совету не последовали, то он не может взять на себя и указание выхода из создавшегося положения. Он говорил это, быстро бегая взад и вперед по комнате.

Автор готов был провалиться сквозь землю при этой выходке Пфуля. Как ни расходился он с Пфулем во взглядах, однако, другие, естественно, отождествляли его с последним. Всякий полагал, что он ученик Пфуля и, как таковой, проникнут его идеями и восхищается его способностями. Поэтому автор считал себя ответственным за поведение Пфуля, как за свое собственное.

Хотя та унижительная роль, на которую без всякой вины с его стороны автор оказался обреченным, имела лишь крайне ничтожное значение среди столь важных обстоятельств, тем не менее всякий найдет вполне прощательным и свойственным человеку, что именно то положение, в котором оказался автор, прежде и больше всего волновало его; в конце концов ведь мы не можем полностью отрешиться от чувства собственного достоинства, и если нам и приходится в некоторых случаях поступиться им, то все же рана, нанесенная собственному достоинству, вначале является очень болезненной.

Князь Волконский и генерал Аракчеев с видимым нетерпением ждали, чем кончится все это дело, не проявляя ни малейшего желания в него вмешиваться; каждую минуту император мог отворить дверь и спросить, чем кончилось совещание, — при такой обстановке совещаться пришлось трем младшим офицерам. Полковник Толь, граф Орлов и автор вместе подошли к столу, на котором была разложена карта, чтобы изучить положение дела. Граф Орлов, как молодой офицер, еще никогда не занимавшийся крупными оперативными вопросами, но отличавшийся живым умом, внес сразу ряд чрезвычайных

предложений, которые мы, остальные двое, не могли признать практичными. Полковник Толь предложил ряд изменений в направлении марша на следующий день, которые сами по себе были целесообразны, но легко могли вызвать замешательство, так как было уже слишком поздно и нельзя было уверенно рассчитывать на своевременную рассылку приказа. Автору же весь вопрос рисовался далеко не в том угрожающем освещении, как воспринимали его другие, даже если бы все в действительности было так, как это предполагалось. К тому же он оценивал полученное донесение как весьма сомнительное. Поэтому он держался мнения, что следует оставить в силе принятые решения и не предпринимать никаких изменений. На военном совете обычно одерживает верх мнение того, кто не хочет что-либо предпринимать. Так случилось и здесь. Полковник Толь присоединился к мнению автора, и было решено доложить императору, что лучше всего оставить в силе прежние распоряжения. Император открыл двери. В них прошли генерал Пфуль и полковник Толь, и совещание закончилось. На следующий день выяснилось, что донесение было ложным; армия достигла Дрисского лагеря, не встретив ни одного неприятельского солдата, за исключением тех, которые нажимали на арьергард.

Этот инцидент самым наглядным образом убедил автора, что при таком командовании армией дела не могут идти хорошо. Надо думать, что доверию императора к генералу Пфулю нанесен был новый тяжкий удар, так как его больше не приглашали к императору, как то ранее часто имело место.

Тогда автор попытался обратить внимание самого генерала Пфуля на потерю им доверия императора и на все невыгоды его положения, дабы внушить ему мысль о необходимости выйти из него. Он откровенно заявил Пфулю, что, хотя он и не считает генерала Барклая пригодным для того, чтобы с успехом командовать большой армией против Наполеона, ему все же кажется, что он человек спокойный и решительный и хороший солдат; что, видимо, доверие императора с каждым днем все более и более склоняется к нему и что если бы гене-

ралу Пфулю удалось убедить императора передать верховное командование генералу Барклаю, то этим, по крайней мере, было бы установлено единство и увязка в маневре армий. Автор был уверен, что он идет навстречу благородным чувствам генерала, который при всей своей односторонности и обособленности не имел ни тени эгоизма.

8 июля, когда главная квартира императора вступила в Дрисский лагерь, император призвал генерала Пфуля, чтобы совместно с ним и несколькими другими офицерами своей свиты объехать лагерь. Пфуль пояснял императору цель и назначение отдельных укреплений, причем дело не обошлось без небольших недоразумений. Император, повидимому, искал подтверждения слов Пфуля, глядя на выражение лиц, сопровождавших его. Однако, большей частью на их лицах было написано сомнение. Полковник Мишо, флигель-адъютант императора, перешедший с сардинской службы на русскую, начал службу военным инженером; он, следовательно, был специалистом и, кроме того, пользовался репутацией очень образованного и способного офицера. Повидимому, он со всем планом в целом не был согласен и именно он вскоре после этого громко высказался против Дрисского лагеря и тем самым вызвал окончательное решение императора.

Впрочем, в данное время еще не вполне отказались от первоначальной мысли, так как автору было поручено на следующий день осмотреть местность на правом берегу реки и выбрать позиции, на которых можно было бы оказать сопротивление неприятелю в случае его переправы через реку в целях обхода нашего фронта.

Между тем, военные события в общем слагались отнюдь не так, как то наметил в своем плане генерал Пфуль. Когда с открытием военных действий настал момент отдать приказ генералу Багратиону перейти в наступление против тыла неприятеля, то на это нехватило решимости; или доклады генерала Пфуля, или сознание недостаточности сил привели к тому, что Багратион выбрал такой путь отступления, который дал ему возможность впоследствии соединиться с первой западной

армией. Таким путем была избегнута главнейшая катастрофа, которую мог вызвать план Пфуля, т. е. полное уничтожение армии Багратиона.

Итак, император увидел, что тот план кампании, который он первоначально поддерживал, являлся уже наполовину развалившимся; он увидел, что его армия в Дриссе на одну шестую слабее, чем он надеялся; со всех сторон раздавались сомнительные отзывы о Дрисском лагере; он потерял доверие к своему первоначальному плану и к его инициатору и начинал сознавать трудность подобного руководства военными действиями; генерал Барклай в своих докладах самым энергичным образом возражал против сражения под Дриссой и требовал прежде всего соединения обеих армий, в чем он был совершенно прав. При таких обстоятельствах император принял решение отказаться от командования армией, временно поставить во главе всех войск генерала Барклая, сперва отправиться в Москву, а оттуда в Петербург, чтобы повсюду ускорить работу по усилению армии, позаботиться о снабжении ее продовольствием и другими запасами и организовать ополчение, в котором взялась бы за оружие значительная часть населения страны. Несомненно, что лучшего решения император принять не мог.

Генерал Пфуль оказался в чрезвычайно стесненном положении; император уже несколько дней не говорил с ним ни слова, а свита начала его совершенно избегать. Тут автор вновь еще раз настаивал, чтобы Пфуль предупредил разрыв, сам отправился бы к императору и высказался бы за безусловную передачу командования армией в руки генерала Барклая. Не без горького чувства решился генерал на этот шаг; тем большую честь это делает его благородному сердцу. Он немедленно пошел к императору, который принял его очень ласково и сделал вид, что свое решение он принимает исключительно по совету генерала, что едва ли соответствовало действительности, так как в таком случае это произошло бы не без сопротивления и лишь после более длительного обсуждения.

Так как теперь было окончательно решено не принимать сражения в Дрисском лагере, да и невозможно

было для генерала Багратиона присоединиться здесь к первой армии, то генерал-от-кавалерии принц Александр Вюртембергский, дядя императора, который в качестве витебского губернатора находился в главной квартире императора со времени прибытия ее в Дриссу, предложил занять намеченную им позицию под Витебском, которая по его описанию была неприступна. Итак, было решено двинуться на Витебск.

Французы еще не миновали Дрисской позиции. Дорога через Полоцк на Витебск была еще свободна, и так как неприятель до сих пор не слишком сильно напирал на наш тыл, то можно было надеяться выполнить, не подвергаясь особой опасности, это передвижение, по существу являвшееся, ввиду положения Витебска, фланговым маршем, прикрытым Двиной. В Витебске рассчитывали уже во всяком случае соединиться с Багратионом, притом дорога на Витебск продолжалась дальше на Смоленск; где выходила на большой московский тракт; она представляла вполне естественную линию отступления для соединения как с Багратионом, так и с подкреплениями, двигавшимися из центральных областей. Это направление было признано генералом Барклаем единственным по своей целесообразности, вероятно, скорее по этим соображениям, чем из-за обещанной герцогом Александром Вюртембергским сильной позиции под Витебском. Очевидно, дело обстояло именно так, и автор почувствовал огромное облегчение и радость, когда он увидал, что оно приняло такой оборот.

Правда, положение русской армии было еще весьма опасным, и общее положение на театре войны складывалось для нее еще далеко не благоприятно; однако, таково уже свойство человеческого мышления, что избавление от непосредственно грозившей крайней беды представляется уже великим счастьем; при малейшем улучшении обстоятельств человек готов отдаться радужным надеждам.

Итак, император решил покинуть армию. Он приказал, однако, своей главной квартире остаться при ней частью, вероятно, для того, чтобы его внезапному отъезду не придавалось слишком большого значения и чтобы этот отъезд не имел окончательного характера и не вы-

звал уныния в войсках, а частью еще и потому, что, не будучи в состоянии предугадать, какой оборот примут дела, он действительно хотел сохранить за собой возможность возвратиться к армии. Он предоставил генералу Пфулю на выбор: или остаться при главной квартире, или отправиться в Петербург. Генерал избрал первое, как то сделал бы в подобном случае каждый солдат; пока в этой главной квартире оставались лица одного с ним ранга, пребывание в ней не казалось ему чем-либо унижающим его достоинство. Однако, генерал Барклай, для которого присутствие в его главной квартире всего этого обоза и всей этой толпы знатных офицеров было крайне неприятным, распорядился, чтобы императорская главная квартира всегда находилась на один переход впереди армии. Таким образом, она казалась включенной в категорию тяжелого обоза, что для офицеров, в ней находившихся, было крайне тягостно. Мало-помалу император вызывал одного за другим этих знатных генералов для выполнения особых поручений, и генерал Пфуль почувствовал, наконец, что ему не пристало дольше оставаться в таком положении; он отбыл в Петербург.

В главной квартире генерала Барклая произошла перемена, коснувшаяся двух главных действующих лиц: начальника штаба и генерал-квартирмейстера. Генерал Лобанов получил под начальством великого князя Константина командование гвардией, которая составляла шестой корпус. На место генерала Лобанова был назначен генерал-лейтенант маркиз Паулуччи. Он отличился в войне против турок и персов. Это был человек беспокойного ума, отличавшийся необыкновенной говорливостью. Одному небу известно, каким образом из этих его качеств сделали вывод относительно его исключительной способности руководить крупными операциями и разрешать труднейшие вопросы войны. Обладая сумбурной головой, он отличался отнюдь не добродушным характером, а потому скоро стало ясно, что ни один человек не сможет с ним ужиться. Он оставался начальником штаба лишь несколько дней, а затем его отозвали в Петербург; впоследствии он был назначен губернато-

ром Риги; в обороне этой важной крепости он сменил генерала Эссена. Уже в Полоцке вместо него начальником штаба армии был назначен генерал-лейтенант Ермолов, прежде служивший в артиллерии.

Это был человек сорока с небольшим лет, с характером честолюбивым, пылким и твердым, притом не лишенный ума и образования. Таким образом, он был, безусловно, лучше всех своих предшественников, так как от него, по крайней мере, можно было ожидать, что он заставит слушаться приказов по армии и сумеет придать известную энергию мероприятиям командования, что при мягкости и недостатке живости в характере главнокомандующего воспринималось как необходимое дополнение. Но так как ранее ему не приходилось много раздумывать над крупными операциями и мероприятиями, вызываемыми ходом войны, и так как он еще не выработал в себе отчетливой точки зрения, то теперь, когда ему надо было принимать решения и действовать, он почувствовал, насколько чуждо ему все это дело. Поэтому он ограничил свою деятельность общим управлением делами армии, предоставив своему генерал-квартирмейстеру область тактических и стратегических мероприятий.

Генерал-квартирмейстером, как мы уже указывали выше, первоначально был генерал Мухин, не понимавший ни одного слова на иностранных языках, а следовательно, никогда не читавший других книг кроме написанных по-русски. Назначен он был на эту должность лишь потому, что он выделялся искусством съёмки местности и черчения карт. В армиях, еще отсталых в отношении образования, эта специальность обычно почитается воплощением всей военной науки. Конечно, такой человек вскоре неизбежно должен был обнаружить свою несостоятельность; он был заменен полковником Толем.

Полковнику Толю было за тридцать лет. Он выделялся как самый образованный офицер в генеральном штабе. Он был человек довольно способный и с сильной волей. Он уже много времени занимался стратегическими вопросами и постоянно следил за всеми новинками военной литературы, а теперь всецело был поглощен последней новинкой — идеями Жомини. Следовательно,

в известной степени он был в курсе дела, и хотя далеко еще не выработал в себе отчетливых представлений путем собственного размышления — ему не доставало творческого духа для того, чтобы составить крупный план, охватывающий и увязывающий кампанию в целом. У него во всяком случае хватало способностей и знаний для того, чтобы удовлетворять ближайшим потребностям текущего момента и воспрепятствовать применению чересчур непригодных дедовских методов ведения операций.

Он лишь наполовину пользовался доверием генерала Баркляя — отчасти потому, что генерал отличался несколько холодным темпераментом, не позволявшим ему легко сходитья с другим человеком, отчасти же потому, что полковник Толь был совершенно лишен известной чуткости и тактичности — качеств, безусловно, необходимых на подобных должностях; он был известен своей резкостью по отношению как к начальникам, так и к подчиненным.

Полковник Вольцоген остался при главной квартире генерала Баркляя. Этот офицер по своим исключительным познаниям, которыми он, вероятно, превосходил всех находившихся тогда в русской армии, по изобретательности и находчивости своего выдающегося ума мог бы быть лицом, вполне подходящим для должности генерал-квартирмейстера армии, если бы пресловутая ученость генерального штаба не мешала иногда проявлению присущей Вольцогену от природы силы мысли, не делала бы его менее пригодным для этой роли. Кто хочет действовать в такой стихии, какой является война, тот может книжным путем воспитать только свой разум. Но если он придет с готовыми уже мыслями, не вытекающими из побуждений данного момента и не облеченными в плоть и кровь, то поток событий опрокинет начатую постройку, прежде чем она будет готова. При этом он никогда не будет понятен другим, практически мыслящим людям и менее всего сможет заслужить доверие лучших из них, прекрасно знающих, чего они хотят. Так случилось и с полковником Вольцогеном. К тому же он недостаточно владел русским языком, чтобы не на-

помянуть ежеминутно своему собеседнику, что он иностранец. В его характере была большая склонность к политике. Он был слишком умен, чтобы полагать, что иностранец с чуждыми идеями сможет завоевать в массе русской армии доверие и авторитет, чтобы действовать открыто и искренно. Но он рассчитывал на слабость и непоследовательность большинства людей и полагал, что умный и целеустремленный человек может вертеть ими так, как ему понравится. Это стремление придавало всему его существу и поведению что-то таинственное, и большинство русских видело в этом склонность к интриге. Этого одного было достаточно, чтобы сделать его подозрительным в глазах русских, причем последние не задавались вопросом, каковы же были его действительные намерения и могли ли они быть в данных обстоятельствах чем-либо иным, кроме желания сделать лучшее для русской армии и помочь успеху того дела, которому все мы служили. Чтобы незаметно руководить людьми и обрабатывать их, нужна внушающая доверие индивидуальность. Этим свойством полковник Вольцоген не обладал; он скорее выделялся сухой серьезностью, и ему никак не удавалось добиться такого положения, которое отвечало бы его уму и способностям. Поэтому его обошли при замещении должности генерал-квартирмейстера. Он решил проделать кампанию в свите генерала Баркляя в надежде, что хотя бы в нескольких случаях ему удастся принести пользу. Не могу сказать, в какой мере он достиг этой цели и удавалось ли ему время от времени предупреждать ошибочные решения; ведь лишь в этом и могла состоять его деятельность, так как вплоть до смены главнокомандующего положительное проявление воли почти не имело места. Русские относились к полковнику Вольцогену с возрастающей подозрительностью; к тому же и генерал Барклай не проявлял к нему особого доверия. Русские смотрели на него с своего рода суеверным страхом, как на злого гения, приносящего несчастье командованию армией.

Автор использовал пребывание графа Ливена в Дрисском лагере, чтобы получить должность офицера генерального штаба крупного войскового соединения. Он

хотел получить назначение в арьергард. Генерал Ливен и полковник Вольдоген выхлопотали это назначение у генерала Барклая, отдавшего соответственное распоряжение на марше в Полоцк, не посоветовавшись ни с генералом Ермоловым, ни с полковником Толем. Последние отнеслись к этому назначению с большим неудовольствием, так же как и к проходившему таким же путем назначению в пятый армейский корпус подполковника фон-Люцова; и между ними и полковником Вольдогеном произошла довольно неприятная сцена, но тем не менее эти назначения остались в силе¹.

Таким образом, автор попал к генералу графу Петру Палену, который командовал арьергардом, прикрывавшим отступление на правом берегу Двины.

Генерал граф Пален считался одним из лучших кавалерийских офицеров русской армии. Ему еще не исполнилось сорока лет; это был человек простой в обращении, с открытым характером, правда, без особых дарований и научных познаний, но отличавшийся находчивым умом и светской воспитанностью. Как солдат он служил с отличием, был очень храбр, спокоен и решителен, а на занимаемом им посту эти качества имеют первенствующее значение. Так как он в совершенстве владел немецким языком, да и вообще по существу более походил на немца, чем на русского, то автору это назначение было особенно приятно. Но его неприятно поразило назначение к графу Палену в качестве старшего офицера генерального штаба (обер-квартирмейстера) корпуса. Автор совершенно определенно про-

¹ Лео фон-Люцов — младший брат известного партизанского вождя — служил до 1806 г. в прусской гвардейской пехоте; в 1809 г. перешел на службу в австрийскую армию и по заключении мира последней отправился в 1810 г. в Испанию. Попав по капитуляции Валенсии в плен в 1811 г., он бежал из южной Франции, где был интернирован, пробрался пешком через Швейцарию и южную Германию и далее через северную Германию, Польшу и Россию, прошел между частями французской армии и присоединился к русской армии, когда она еще не покинула Дрисского лагеря; там он был зачислен в генеральный штаб с чином подполковника. Автор не знает другого немецкого офицера, который участвовал бы во всех трех войнах — австрийцев, испанцев и русских — против Франции.

сил назначить его либо вторым офицером генерального штаба, либо адъютантом, так как он почти совсем не знал русского языка; но полковник Толь был бы очень доволен, если бы назначение, состоявшееся по рекомендации полковника Вольцогена, сразу выявило свою нецелесообразность.

Граф Пален принял автора с несколько барственным равнодушием, сразу спросил его, знает ли он русский язык, на что тот, конечно, должен был дать отрицательный ответ, потому что изучение этого языка в Вильно в течение одного месяца едва позволило знать лишь несколько необходимейших фраз. Автор предложил графу смотреть на него преимущественно как на своего адъютанта, а не как на начальника его штаба, и соответственно использовать его, что тот, однако, отклонил.

Таким образом, автор вторично оказался поставленным в ложное положение, и ему не оставалось иного выхода, как принять решение завоевать уважение русских тем, что он не будет бояться ни трудов, ни опасностей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДАЛЬНЕЙШИЙ ХОД КАМПАНИИ

Генерал Барклай, оставив на среднем течении Двины под командой генерала Витгенштейна около 25 000 человек для прикрытия дороги на Петербург, с разрешения императора выступил 14 июля из Дриссы, где, следовательно, задержался всего лишь 6 дней, и направился к Витебску. Мешкать, конечно, не приходилось, так как, в сущности говоря, французы уже давно могли туда подойти. Только продолжительная остановка их в Вильно дала возможность выполнить это фланговое движение для выхода на Московскую дорогу. Барклай надеялся, что там он во всяком случае сможет соединиться с Багратионом; ему была обещана позиция более сильная, чем у Дриссы. Во всяком случае он выигрывал дорогу на Москву и мог по справедливости благодарить бога прежде всего уже за то, что ему удалось выбраться из дрисской мышеловки. Значительное ослабление армии вследствие выделения корпуса Витгенштейна было, конечно, большим минусом, тем более, что силы и так были неравны, и это с каждым днем становилось все более ясным. Однако, можно было рассчитывать, что французы оставят против Витгенштейна лишь соответствующие силы; к тому же было совершенно немислимо оставить без всякого прикрытия дорогу к столице, в которой находилось правительство, потому что при огромном превосходстве сил французов представлялось вполне

возможным, что Наполеон пошлет значительные силы на Петербург, и, несмотря на удаленность от операционной линии на Москву, все же в конечном счете Петербург сможет быть захвачен. Выделение же значительного русского корпуса для прикрытия этой дороги делало такой проект почти невыполнимым, так как к этому корпусу впоследствии могли бы присоединиться резервы, ополчение и пр., а французам пришлось бы направить туда значительно большие силы, чтобы иметь возможность достичь Петербурга со сколько-нибудь соответственными силами. Следовательно, выделяя корпус Витгенштейна, Барклай действовал вполне разумно.

Тем не менее это ставило армию в Витебске в чрезвычайно опасное положение, так как можно было предвидеть с достаточной уверенностью, что Багратион туда не подойдет, а расчет на сильную позицию, если бы даже таковая действительно была создана, сам по себе являлся недостаточным. К этому надлежит добавить, что движение к Витебску являлось подлинным фланговым маршем протяжением в 24 мили, что одно уже представляло значительные трудности, так как французы снова пришли в движение и выдвинули свой центр в Глубокое. Марш был в достаточной мере защищен Двиною, но под самым Витебском надо было переправиться на левый берег, а это легко могло оказаться невыполнимым. Русской армии и на этот раз повезло, и, пожалуй, одной из величайших ошибок, допущенных Наполеоном, было то, что он не извлек крупного преимущества из ошибочного отхода русских к Дриссе.

Марш к Витебску был выполнен в 10 дней, следовательно, без какой-либо излишней поспешности, так как кавалерийские части выяснили, что французы еще не взяли направления на Витебск.

Прибыв в Витебск, Барклай прошел через город и развернул армию на левом берегу Двины, имея перед фронтом небольшой ручей, впадающий в Двину под Витебском, а город на правом фланге. Это расположение было так намечено, чтобы путь отступления, т. е. дорога на Москву через Поречье, представлял продолжение левого фланга, в тылу же на расстоянии одной мили на-

ходила Двина, которая здесь протекает в довольно глубокой долине. Более отвратительное поле сражения трудно себе представить. На следующий день после своего прибытия генерал Барклай продвинул вперед к Островну в качестве авангарда корпус генерала Толстого-Остермана. 25 июля Мюрат атаковал последнего и нанес ему чувствительное поражение, так что 26-го пришлось выслать вперед для усиления Толстого-Остермана еще одну дивизию под командой генерала Коновницына. Все эти силы отступили на расстояние нескольких миль от Витебска. В тот же день подошел, наконец, в Витебск последний корпус генерала Дохтурова с общим арьергардом под командой генерала Палена, и 27-го рано утром Пален был выдвинут вперед навстречу неприятелю на смену оттесненному авангарду.

Трудно понять, почему генерал Барклай выполнял свой марш к Витебску столь медленно. Тогда говорили, что это имело целью дать время обозам уйти вперед; эта причина, а также, быть может, смутная идея соразмерять свой марш с маршем неприятеля и не очищать территории в большем размере, чем это оказывается необходимым, могли явиться оправданием такого образа действия. Барклай чуть было не поплатился за такое несвоевременное хладнокровие.

Под Витебском действительно намеревались дожидаться Багратиона, который, как предполагали, находился в направлении на Оршу, и в случае необходимости имелось в виду даже принять здесь сражение. Эта мысль являлась в высшей степени нелепой, и мы назвали бы ее безумной, если бы спокойный Барклай был способен на нечто подобное. Русская армия, не считая казаков, насчитывала приблизительно 75 000 человек. Около двухсот тысяч неприятеля могли каждую минуту подойти и атаковать ее. По самой скромной оценке силы противника достигали 150 000. Если бы позиция русских оказалась обойденной с левого фланга, а это можно было наперед предсказать с математической точностью, то для них почти не оставалось никакого отступления, и армия не только была бы отброшена от дороги на Москву, но и оказалась бы под угрозой полной гибели.

Барклай занимал эту позицию уже пятый день, и все полагали, что он твердо решил принять здесь сражение, которое, как некоторые утверждали, он желал дать еще в Вильно, и только у Дриссы считал его крайне несвоевременным. Автор был в полном отчаянии от этой мысли. Корпус генерала Палена, при котором он состоял, от самого Полоцка составлял арьергард, но ему почти не пришлось встретиться с неприятелем, так как главные силы его двигались по левому берегу Двины. 26 июля после большого перехода этот корпус прибыл ночью в Витебск и должен был выступить на рассвете по дороге на Сенно, причем его состав был доведен до 14 батальонов, 32 эскадронов и 40 орудий.

Генерал Пален занял со своим корпусом позицию приблизительно в 2 милях от Витебска с правым крылом, опирающимся на Двину; фронт был прикрыт небольшим ручьем. Не совсем удачно расположил он большую часть своей кавалерии на правом фланге, руководствуясь тем, что здесь между краем долины, довольно густо заросшим деревьями и кустарником, и рекой находилась небольшая равнина, а по общепринятым взглядам кавалерии подобает находиться на равнине. Пространство это, однако, было настолько узко, что ее пришлось разместить в шахматном порядке в три или четыре линии, вследствие чего она в бою понесла большие потери от неприятельского артиллерийского огня.

Высоты были заняты пехотой и артиллерией. Однако, все четырнадцать батальонов были в очень слабом составе и в общей сложности состояли лишь из 3 000 — 4 000 человек; при этом желательно было занять не слишком узкий фронт, чтобы сколько-нибудь прикрыть дорогу; это было особенно необходимо, так как в тылу проходила глубокая долина Лучесы; в результате пришлось принять очень неглубокое построение, хотя и в две линии, но с большими интервалами между батальонами. На левом фланге не было какого-либо опорного пункта, что было вполне естественно, так как при столь коротком фронте не легко найти опору для обоих флангов; поэтому при полном отсутствии резервов и неглубоком построении всякий охват нашего левого фланга пред-

ставлял большую опасность. Многочисленные участки леса и кустарника, находившиеся как на самой позиции, так и вокруг нее, препятствовали обзору и этим еще более ухудшали положение. При таких условиях сопротивление не могло быть особенно упорным, и если оно все же длилось от 5 часов утра до 3 часов пополудни, то это нужно приписать лишь крайне вялому натиску французов.

Это обстоятельство кажется совершенно непонятным, так как сам Наполеон прибыл в авангард и лично руководил боем. Но, как теперь нам стало известно, он предполагал, что русская армия продолжает удерживать свою позицию под Витебском, и готовился к большому сражению.

Граф Пален отступил за Лучесу на ту самую позицию, которую перед тем занимала русская армия и которую генерал Барклай покинул в тот же день.

Когда французская армия серьезно придвинулась вплотную, Барклай начал испытывать некоторую тревогу относительно положения, в котором он собирался дать сражение, и потому в последнюю минуту изменил свое решение.

Нам еще не раз предстоит встретиться с подобным образом действий со стороны Барклая. В данном случае это явилось истинным счастьем, и мы вправе сказать, что русская армия здесь вторично была спасена.

Автор чувствовал себя вполне счастливым и готов был на коленях благодарить бога за то, что он отклонил наш путь от разверзшейся бездны.

Бой, данный графом Паленом, произвел на автора крайне отрицательное впечатление. Расположение, занятое графом, совершенно не соответствовало тем правилам и взглядам, которые автор усвоил себе относительно употребления войск в бою. Хотя местность на высотах за краем долины являлась не вполне открытой, но все же она не представляла собой густого леса. Для небольших кавалерийских частей, состоявших из двух-трех эскадронов или полка, повсюду представилась возможность проявить свою деятельность; поэтому следовало бы кавалерию поставить позади пехоты. Построение благодаря этому

приобрело бы большую глубину, и из всей массы конницы можно было бы взять два-три полка на левый фланг для наблюдения, а другие два полка — для поддержки пехоты. При таком построении различные роды оружия оказали бы друг другу взаимную поддержку, а на высотах мы были бы вдвое сильнее. Ведь все зависело от положения дел на этих высотах, так как над узкой равниной между ними и рекой, едва достигавшей 600 шагов в ширину, можно было господствовать одним лишь артиллерийским огнем; да и вообще неприятель не мог продвигаться в промежутке между нашей позицией и рекой.

Так как автор находился при графе Палене еще всего одну неделю, то, естественно, он не успел приобрести на него большого влияния, а граф Пален занял свою первоначальную позицию, не подумав о том, чтобы с кем-нибудь поговорить об этом. После того как войска уже таким образом расположились, в дальнейшем ничего путного получиться и не могло; кроме того, в самом бою активное участие в нем иностранца, не владеющего языком страны, почти невозможно. Прибывают донесения на русском языке, по поводу этих донесений идет перекрестный разговор, приказания отдаются на русском же языке, и, таким образом, руководство всем боем проходит на глазах иностранного офицера, причем он не может понять ни одного слова из всего сказанного. Может ли он потребовать от командира корпуса или хотя бы от другого хорошо осведомленного офицера перевода всех донесений, соображений и распоряжений! Не успеешь оглянуться, как утрачиваешь понимание общей связи событий, и если иностранец не является крупной персоной, то он теряет всякую возможность проявить себя. Таким образом, первый бой, в котором автор мог бы по занимаемой им должности оказать известное влияние на способ использования имевшихся сил, получил оформление, совершенно противоречившее его убеждениям, причем он сам чувствовал себя настолько бесполезным, что предпочел бы находиться в строю в роли младшего офицера. Поэтому он очень обрадовался, когда вместе с подкреплениями, подошедшими 27 июля уже после боя к корпусу Палена, прибыл и старший

в чине офицер генерального штаба. С этого времени автор, по крайней мере, не чувствовал себя ответственным за успех тех распоряжений, на содержание которых он не мог оказать никакого влияния.

27-го Барклай выступил тремя колоннами на Смоленск, куда направился и Багратион после тщетной попытки пробиться через Могилев. Марш на Смоленск совершен был главными силами по дороге на Поречье, следовательно, довольно кружным путем; один лишь Дохтуров двигался по прямой дороге на Рудню. Совершенно непонятно, почему Наполеон не продвинул вперед свое правое крыло, чтобы перехватить у русских этот путь. Правда, он не мог бы этим преградить русским дорогу на Москву, так как отступающий всегда может кружным путем вновь опередить противника, и если он не взял совершенно ложного направления, то в обширной стране его не легко отрезать. Однако, для русских представляло все же не малый, хотя и побочный интерес попасть в Смоленск, чтобы скорее соединиться с Багратионом; в Смоленске можно было продержаться несколько дней; там находились значительные запасы и кое-какие подкрепления, поэтому для Наполеона, безусловно, представляло интерес отбросить русских от этого города. Однако, он преследовал русских только до Рудни и сделал в Витебске вторичную остановку, во время которой подтянул к себе остальные части своего правого крыла, имевшие задачу действовать против Багратиона и по возможности его отрезать. Таким образом, русские, занимавшие ранее растянутую линию фронта, выиграли время для того, чтобы соединиться у Смоленска, причем ни одна часть не была отрезана. Итак, ошибочное движение их к Дриссе пошло им на пользу. Переход до Смоленска был выполнен без малейших затруднений, и арьергардам всех трех колонн, хотя они находились ежедневно на виду у неприятеля, не пришлось выдержать ни одного серьезного боя.

Итак, результатом похода до сих пор было то, что русские очистили полосу своей территории глубиной в 60 миль и пожертвовали всеми находившимися там довольно значительными складами. Людей же и орудий

они потеряли сравнительно немного: около 10 000 человек и 20 орудий. Теперь у них была большая армия в 120 000 человек в центре и две небольшие армии, приблизительно по 30 000 человек каждая, на флангах. Кроме того, вступали в дело Рига и Бобруйск; Бобруйская крепость была поддержана наблюдательным корпусом Гертеля, стоявшим под Мозырем.

Между тем, французы в первые же недели их наступления понесли огромные потери больными и отставшими и терпели такие лишения, что не трудно было заранее предвидеть в ближайшем будущем полное их истощение. Это не укрылось от русских. Генерал Шувалов, посланный из Свендьян в главную квартиру французского императора с политическим поручением, вернулся в Видзы в полном изумлении от того состояния, в котором он нашел большую дорогу, по которой следовали французские войска; она вся была усеяна трупами лошадей и была полна заболевшими и отставшими. Всех захватываемых пленных особенно подробно расспрашивали относительно получаемого продовольствия; выяснилось при этом, что уже под Витебском лошади французской армии получали один лишь зеленый корм, а людям вместо хлеба выдавалась мука, которую им приходилось класть в суп. Единственное исключение в этой картине продовольственного неблагополучия представляла гвардия. Отсюда делали вывод о значительном численном ослаблении неприятельской армии; и если огромная фактическая убыль все же значительно недооценивалась, то эта ошибка уравнивалась тем, что первоначально определяли численность неприятельских сил ниже, чем она была в действительности.

При открытии военных действий численность французских сил, включая сюда и союзников, определяли в 350 000 человек; теперь мы знаем, что она превышала 470 000. Когда русские находились под Смоленском, им было известно, что около 150 000 человек было оставлено под Ригой, против Витгенштейна, под Бобруйском и против Торماسова. Следовательно, русские полагали, что главная армия уменьшилась до 200 000 человек, затем исключили гарнизоны, оставленные на важных эта-

пах и в разных городах, а также больных, убитых, раненых и отставших, общее число которых предполагалось всего лишь в 50 000 человек. В итоге сила главной армии французов определялась русскими всего в 150 000. Правда, и в этом случае на стороне французов сохранялось превосходство сил, но не настолько большое, чтобы мысль о возможности победы над ними была совершенно исключена.

Подсчеты русских не вполне совпадали с действительностью, так как центр Наполеона тогда, т. е. в начале августа, достигал еще 180 000 человек.

Впрочем, такая ошибка прощательна во время войны, где каждый день приходилось совершать марши и когда не было времени собирать в достаточном количестве необходимые данные.

Когда русский император Александр покинул армию, то выполняемые им функции по верховному командованию отпали, и тем самым Барклай обратился в самостоятельного командующего первой западной армией. Однако, император формально не передавал генералу Барклаю верховного командования над обеими армиями, опасаясь обидеть князя Багратиона. Правда, Барклай был старшим генерал-аншефом (генералом-от-инфантерии), и этого обстоятельства в крайнем случае было бы достаточно для того, чтобы иметь некоторый авторитет перед другими генералами; однако, для такого ответственного поста, как командование армиями, значение одного старшинства в чине никогда не считалось достаточным, и во всех государствах признавалось необходимым специальное полномочие монарха. Так как Багратион был лишь немногим моложе Барклая, а боевая слава обоих была приблизительно одинаковая, то император, конечно, предвидел, что определенно подчеркнутое подчинение его Барклаю будет обидным. Как собственно обстояло дело с главнокомандованием, никто в точности не знал, да и теперь, я полагаю, историку не легко ясно и определенно высказаться по этому вопросу, если он не признает, что император остановился на полумере; надо полагать, что он рекомендовал князю Багратиону входить в соглашение

с Барклаем по всем вопросам вплоть до изменений в группировке. Автору неизвестно, имелось ли уже тогда намерение поставить во главе обеих армий князя Кутузова; однако, в войсках стали говорить об этом назначении лишь незадолго перед тем, как оно состоялось, и притом как о мере, ставшей необходимой вследствие нерешительности Барклая. По всей вероятности, император захотел посмотреть, как поведет дело Барклай, и тем самым оставить себе открытым путь для назначения другого главнокомандующего.

Когда Барклай прибыл в Смоленск, то Багратион заявил, что весьма охотно будет служить под его начальством; армия радовалась такому единению, но, по правде говоря, оно было недолговечным, потому что скоро выявилось различие во взглядах, и на этой почве возникли недоразумения.

Но до соединения с Багратионом Барклай мог действовать вполне по собственному усмотрению. Он все время сознавал себя обязанным дать сражение, так как непрерывное отступление вызвало в армии явное недоумение. Впечатление создавалось тем более отрицательное, что приходили известия о блестящих победах на второстепенных фронтах. Засада, устроенная Платовым у Мира 10 июля, привела к весьма блестящему результату; бой Багратиона под Могилевом 21 июля изображался как победоносный прорыв; блестящий захват в плен бригады Кленгеля в Кобрине Тормасовым 26 июля произвел сильное впечатление. О победе Витгенштейна, одержанной им 31 июля под Клястицами, много говорили, умалчивая о неудаче, которая на следующий день постигла его авангард под начальством генерала Кульнева. В первую минуту после получения всех этих сведений моральное состояние и уверенность войск повышались; но когда затем убеждались, что все эти успехи не приостанавливают отступления, то эти чувства быстро переходили в полное недоверие, недовольство и апатию. Раньше никто не думал и не мог себе представить, что возможно отступить до Смоленска, не попытавшись даже принять серьезное сражение. Между тем, необходимость предварительного соединения

с Багратионом являлась достаточным и слишком определенным основанием, которое должен был бы понять любой офицер русской армии.

Таким образом, для отхода до Смоленска у Барклая имелось достаточное оправдание, но с тем большей уверенностью все ожидали здесь сражения; то, что русская армия была еще слишком слаба, что, отступая, она все более и более усиливалась, — все это принадлежало к числу тех соображений, которые никому не приходили в голову. Сам Барклай не отдавал себе в этом ясного отчета, им более руководил естественный страх перед бесповоротным решением и тяжкой ответственностью, чем ясное убеждение. В глубине души он чувствовал себя более склонным к воздержанию от решительных действий, чем к торопливости.

Его штаб, а именно генерал Ермолов и полковник Толь мыслили как и вся армия: довольно отступать. Превосходство сил, какое еще сохранялось у противника, могло быть уравновешено русской храбростью и русской тактикой. Особенно была сильна вера во внезапный переход в наступление, который должен сотворить чудо.

Так ведь написано во всех книгах. Багратиона, пользовавшегося славой хорошего рубаки и, как это всегда бывает с людьми такого рода, смотревшего на неудовлетворительные до сих пор результаты похода со скептическим покачиванием головы, легко было склонить на сторону этой идеи. Итак, полковник Толь пустил в ход все свое красноречие для того, чтобы убедить Барклая, что настало время нанести врагу решительный удар. Французская армия, как говорили они, теперь уже не обладает таким большим превосходством сил над русской.

Первый момент после соединения армий — якобы наилучший для внезапного перехода в наступление. Смоленск — весьма важный пункт, город, которым русские особенно дорожат и из-за которого стоит рискнуть кое-чем.

Французская армия разбросана по квартирам на широком пространстве, а это дает твердые основания рас-

считывать на то, что удастся заставить ее принять бой до полного сосредоточения; тем самым может быть устранена невыгода, возможно, еще имеющегося численного превосходства противника.

Наступление дает огромное преимущество, а русский солдат гораздо более пригоден для атаки, чем для обороны. Последнее свойство, как известно, приписывают себе решительно все армии.

Наконец, Барклай дал себя убедить, и 8 августа он двинул всю армию к Рудне, в районе которой рассчитывали встретить центр неприятельской армии.

Однако, уже на первом переходе распространилось известие, что главные силы неприятеля находятся на дороге в Поречье, а при таких условиях удар по воздуху в направлении Рудни являлся чрезвычайно опасным предприятием, так как он мог привести к потере пути отступления. Хотя это известие не было достоверным и представляло скорее плод различных соображений и догадок и хотя такое сосредоточение французской армии было явно неправдоподобно, так как дорога на Поречье отнюдь не лежала в том направлении, которого до сих пор держался противник, угрожая все время русской армии своим правым флангом, однако, невозможно было уговорить Барклая предпочесть неизвестному известное и помешать ему самому пойти с первой армией по дороге на Поречье, задержав на дороге в Рудню вторую армию.

В русской армии сожалели об отказе от наступательных действий, так как генерал Платов на второй день наступления, раньше чем пришел приказ приостановить его, внезапно напал на передовые части авангарда Мюрата под командой генерала Себастиани у Инкова и захватил обоз этого генерала и 500 человек пленных; всеми это рассматривалось как удачный почин, суливший наилучший успех всему предприятию в целом. Барклай также был чрезвычайно недоволен отменой первоначального решения, и с этого времени стали постоянно возникать разногласия и споры между обоими генералами.

Хотя это наступление русских едва ли привело бы к действительной их победе, т. е. к такому сражению, в результате которого французы были бы вынуждены, по меньшей мере, отказаться от дальнейшего продвижения или даже отойти назад на значительное расстояние, но все же оно могло развиваться в отчаянную схватку. Действительно, при столь широкой разбросанности расположения французской армии быстрый натиск привел бы к отступлению тех частей, которые оказались бы под ударом. А если бы все три колонны русской армии держались в такой близости друг от друга, что могли бы еще в тот же день выполнять отданные утром приказания главнокомандующего, то открывалась возможность охватывающей и весьма успешной атаки тех корпусов, которые непосредственно оказались бы перед русскими войсками; неприятель мог бы понести весьма чувствительный урон, не говоря уже о менее значительных потерях соседних частей, связанных с их поспешным и более или менее беспорядочным передвижением. Все предприятие в целом дало бы в конечном результате несколько блестящих стычек, значительное число пленных и, быть может, захват нескольких орудий; неприятель был бы отброшен на несколько переходов, и, что важнее всего, русская армия выиграла бы в моральном отношении, а французская — проиграла бы. Но добившись всех этих плюсов, все же, несомненно, пришлось бы или принять сражение со всей французской армией, или продолжить свое отступление. Если бы в основе добровольного отхода к центру Европейской России лежала какая-то система, то дальнейшее отступление было бы возобновлено без колебаний, и на весь этот эпизод пришлось бы смотреть лишь как на крупную вылазку из крепости. Но мы не видим и следа подобного подхода к отступлению со стороны тех лиц, которые руководили военными действиями; не подлежит ни малейшему сомнению, что после первых же успехов наступления они сочли бы своей обязанностью и далее сражаться с сосредоточившимися силами неприятеля, чтобы не подать вида, что русские потерпели неудачу; таким образом, тотчас же после достигнутых первых успехов

русским, по всей вероятности, пришлось бы дать оборонительное сражение, исход которого не подлежит никакому сомнению, хотя бы из-за соотношения сил той и другой стороны. Это, надо полагать, и рисовалось Барклаю как исход всего этого предприятия, а такой финал, конечно, не являлся соблазнительным, в особенности при наличии угрозы обхода.

Такой нам представлялась операция в то время; мы и теперь не имеем каких-либо оснований менять свои взгляды. Полководец, который ясно держал бы в своем сознании план глубокого отступления внутрь страны, который был бы проникнут убеждением, что на войне часто следует действовать, не имея достоверных данных, а опираясь лишь на вероятность, и который имел бы достаточно мужества, чтобы кое-что оставить на долю удачи, такой полководец 9 августа дерзко продолжал бы начатое движение и в течение нескольких дней испытывал бы свое счастье в наступлении. Но такой генерал, как Барклай, который ждал спасения только от одержания полной победы, который считал себя обязанным искать таковую в правильном и осторожно подготовленном сражении, который тем более прислушивался к внешним объективным доводам, чем больше в нем замолкали внутренние субъективные, — такой генерал, конечно, не мог не найти во всех обстоятельствах вполне достаточных оснований для того, чтобы отказаться от намеченного предприятия. Мнение полковника Толя и тех офицеров генерального штаба, которые особенно горячо настаивали на продолжении наступательной операции, сводилось к тому, что внезапность наступления и неожиданное нападение на разбросанную неприятельскую армию уже сами по себе вырывают победу и опрокидывают врага. Подобные взгляды, выраженные в такой формулировке, представляют великое зло в военном искусстве, так как они обладают своего рода силой терминологического доказательства, а по существу не содержат в себе никакой определенной мысли. Весь исторический опыт свидетельствует, что подобными стратегическими внезапными нападениями редко достигается подлинная победа, выигрывается лишь известное пространство территории

и создаются выгодные предпосылки для сражения. Ведь для того, чтобы одержать настоящую победу, необходимо встретить значительную часть неприятельской армии и вынудить ее принять сражение, и притом в таких условиях, чтобы иметь возможность охватить ее и, таким образом, добиться наибольшего успеха. Нужно помнить, что одно простое отталкивание противника по прямой линии, которое могло бы сойти за победу, когда оно захватывает всю неприятельскую армию, не является таковой, когда оно направлено лишь против одной ее части. Неприятельские корпуса редко принимают такой удар; большинство их форсированным маршем стремится достигнуть расположенного позади сборного пункта, и за исключением случаев, когда географические условия особенно благоприятствуют этому, редко удается где-либо нанести противнику подлинно крепкий удар. Правда, неприятельская армия таким неожиданным нападением приводится в менее выгодное по сравнению с предшествовавшим положение, но отнюдь не в состояние армии разбитой, и если наступающая армия ранее не располагала достаточными силами, чтобы дать настоящее сражение, то едва ли она окажется в состоянии дать его и вследствие полученных преимуществ. Что выбор хорошей позиции, знакомство с местностью и устройство укреплений дают обороняющемуся в сражении значительные выгоды, когда-нибудь будет считаться вполне естественным и раз навсегда решенным, но для этого надо ясно и твердо установить понятия и каждое из них поставить на свое место. Но еще теперь и в еще большей мере в 1812 г. наступательная форма войны почиталась подлинным волшебным средством, так как наступавшие и продвигавшиеся вперед французы являлись победителями. Тот, кто основательно продумает этот вопрос, должен будет себе сказать, что наступление является на войне слабейшей формой, а оборона сильнейшей, но что первая имеет в виду положительные и, следовательно, более крупные и решительные цели, вторая же — лишь отрицательные, благодаря чему устанавливается равновесие между ними и одновременное существование обеих форм становится возможным. От

этого отступления, уж слишком углубившегося в теорию, вернемся к генералу Барклаю.

Кампания в целом, как она впоследствии сложилась, являлась единственным способом достижения столь полного успеха, но в этой кампании намеченная наступательная операция не представляла какой-либо существенной части, и если ей было суждено завершиться проигранным сражением, то полный отказ от нее надо только приветствовать. Во всяком случае можно было уже предвидеть, что через 4 недели победа станет возможной и даже вероятной, а выиграть еще четыре недели времени до Москвы было возможно.

Тем временем окружавшие Барклая опять принялись за работу, чтобы побудить его предпринять новое наступление; и действительно, простояв 4 дня на дороге в Поречье, он снова совершил 13-го и 14-го два перехода по направлению к Рудне, но на этот раз было уже слишком поздно. Первая попытка атаковать французов вынудила их покинуть квартиры, в которых они расположились на отдых, и они снова двинулись вперед, 14-го перешли через Днепр близ Расасны и пошли на Смоленск. Это побудило сперва Багратиона, а за ним и Барклая двинуться к Смоленску, так как 15-го дивизия Неверовского, выдвинутая навстречу французам к Красному, после крайне неудачного боя укрылась в Смоленске.

Этот город, один из наиболее значительных в России, насчитывал 20 000 жителей, имел старинную крепостную стену вроде той, какая окружает Кельн, и несколько плохих полуразрушенных земляных укреплений бастионного типа. Местоположение Смоленска настолько неблагоприятно для устройства здесь крепости, что потребовались бы крупные расходы на превращение его в такой пункт, который стоило бы вооружить и обеспечить гарнизоном. Дело в том, что город расположен на скате высокого гребня левого берега реки; вследствие этого с правого берега реки очень ясно просматривается весь город и все линии укреплений, спускающиеся к реке, хотя правая сторона и не выше левой; такое положение является противоположным хорошо укрытому от взоров расположению и представляет собой наихудшую форму находж-

дения под господствующими высотами. Поэтому вполне ошибочно было бы утверждение, что русским ничего не стоило бы превратить Смоленск в крепость. Превратить его в укрепленный пункт, который мог бы продержаться одну и самое большее две недели, это, пожалуй, было возможно; но, очевидно, неразумно было бы ради столь краткого сопротивления затрачивать гарнизон в 6 000—8 000 человек и от 60 до 80 орудий, множество снарядов и другого снаряжения.

В том виде, в каком находился тогда Смоленск, защищать его можно было только живой силой, но при этом штурмующий противник был бы вынужден понести огромные потери людьми.

Для русских Смоленск имел то значение, что в данное время в нем находились их продовольственные склады; поэтому, пока они намеревались оставаться в данном районе, было вполне естественно, что они сражались за обладание им. Ввиду этого Багратион поспешил туда 16-го, чтобы занять город свежим корпусом.

В эти минуты Барклай до некоторой степени потерял голову. Из-за постоянно возникавших проектов наступления было упущено время для подготовки хорошей позиции, на которой можно было бы принять оборонительное сражение; теперь, когда русские вновь были вынуждены к обороне, никто не отдавал себе ясного отчета, где и как следует расположиться. По существу, отступление немедленно должно было бы продолжаться, но Барклай бледнел от одной мысли о том, что скажут русские, если он, несмотря на соединение с Багратионом, покинет без боя район Смоленска, этого священного для русских города.

В сущности, окрестности Смоленска совсем не пригодны для оборонительной позиции, так как направление реки в этом месте совпадает с направлением операционной линии; к тому же дорога на Москву проходит близ Смоленска, а именно на расстоянии одного часа ходьбы выше этого города, вдоль самого берега реки. Таким образом, если бы русские попытались одновременно преградить наступление неприятелю и сохранить путь отступления, отходящий в перпендикулярном направлении

к фронту, то пришлось бы расположиться на обоих берегах Днепра, т. е. иметь город либо впереди фронта, либо на самой линии фронта, либо позади. Это была бы весьма невыгодная позиция, потому что для уступающей противнику в силах армии поддержание связи по немногим мостам и через довольно обширный город не является целесообразным. Если бы было решено расположиться лишь на одном берегу Днепра, то путь отступления непременно попадал бы под известную угрозу. Во всяком случае занять позицию на левом берегу было невозможно, так как в таком случае на расстоянии получили позади нее оказался бы Днепр, который, как известно, выше Смоленска поворачивает под углом почти в 90 градусов; к тому же вся французская армия уже находилась на левом берегу Днепра. Все это затрудняло решение, которое предстояло принять Барклаю. Поэтому он решил сделать прежде всего то, что было самым неотложным, а именно отправить 16-го форсированным маршем Багратиона в Смоленск, куда последний уже 15-го послал вперед корпус Раевского, и самому с первой западной армией следовать туда же. 15-го генерал Раевский соединился в Смоленске с отошедшей дивизией Неверовского, и у него, таким образом, образовался гарнизон в 16 000 человек, что в достаточной мере обеспечивало город; уже 16-го была отбита предпринятая с налета атака Мюрата и Нея; однако, Барклай понял теперь, что крайне необходимо обеспечить себе путь отступления; с этой целью он предложил Багратиону отойти утром 17-го на Валутину гору, расположенную на Московской дороге в одной миле от Смоленска, в пункте, где направление дороги и течение реки начинают расходиться в разные стороны и где прекращается то невыгодное для обороны совпадение их, о котором мы говорили выше. Таким образом, это был ближайший к Смоленску пункт, у которого можно было занять позицию. Однако, этот пункт был слишком удален от города, чтобы обладание им и одновременно с этим удержание города могли составить одно тактическое целое.

Исходя из этого, Барклай решил занять Смоленск корпусом первой западной армии и выжидать, что же

французы предпримут дальше. Такое решение было не плохим, так как французы были настолько добры, что переправились со всей своей огромной армией на левый берег Днепра. Теперь обе армии были отделены друг от друга Смоленском и долиной Днепра, а путь отступления Барклая, хотя и являлся как бы продолжением его левого фланга, но все же был прикрыт расположением Багратиона. В таком положении Барклай мог спокойно выжидать, пока французы возьмут Смоленск или начнут подготовку переправы через Днепр. Французы оказались настолько любезными, что начали с первого, и, таким образом, 17-го произошел второй бой за обладание Смоленском, куда сверх корпуса Дохтурова Барклай направил еще три с половиной дивизии свежих войск; таким образом, русские ввели в бой до 30 000 человек. Обе армии являлись свидетелями этого сражения, не имея возможности принять в нем участие. Дохтуров вел оборонительные бои преимущественно в предместьях, так как ни стены, ни укрепления не имели необходимых банкетов и аппарелей. Поэтому он потерял большое число людей; однако, по существу дела, потери французов были еще значительнее. Наконец, русские из предместий города, подавленные численным превосходством, были отброшены в город. Хотя теперь с обороной города было почти покончено, но наступил вечер, а 17-го французы все еще не овладели Смоленском, так как несколько попыток разбить артиллерийским огнем окружавшую город стену не приводили к немедленному успеху. Итак, Барклай достиг своей цели, правда, чисто местного характера: он не покинул Смоленска без боя.

В сущности говоря, оборона Смоленска представляла собой странное явление. Она не могла превратиться в генеральное сражение, потому что естественно, что после потери Смоленска русские, отославшие назад одну треть своих сил с Багратионом, не стали бы ввязываться в новое дело; а если бы русские и не потеряли Смоленска, то здесь они никоим образом не могли перейти в наступление на французскую армию, так как это было бы противно разуму допустить, чтобы французы позволили постепенно подвергать себя истреблению, штурмуя стены

этого города и тем самым подготавливая себе поражение. Следовательно, здесь мог произойти лишь частный бой, который не мог внести изменения в общее положение обеих сторон, выразившееся в наступлении французов и отступлении русских. Преимущества, которыми располагал здесь Барклай, заключались, во-первых, в том, что это был бой, который никоим образом не мог привести к общему поражению, что вообще легко может иметь место, когда целиком ввязываются в серьезный бой с противником, обладающим значительным превосходством сил.

Потеряв Смоленск, Барклай мог закончить на этом операцию и продолжать свое отступление. Второе преимущество Барклая заключалось в том, что русские в предместьях располагали лучшими укрытиями, чем их противник, а стены города вполне обеспечивали отступление. Чисто военный успех заключался и в том, что французы уложили под Смоленском очень много людей (20 000 человек), в то время как потери русских были несколько меньшими, а обстановка позволяла русским легче пополнить эту убыль, чем французам. Когда глубокое отступление внутрь страны должно создать выгодные предпосылки для обороны, то весьма существенно оказывать при отходе постоянное сопротивление с целью истощения сил неприятеля. В этом смысле бой под Смоленском является положительным явлением в кампании, хотя по своей природе он не мог привести к резкому повороту событий. Что касается Барклая, то при его отношениях к русским этот бой имел особое значение; это обстоятельство являлось главным мотивом его действий, о чем мы уже говорили выше.

17-го вечером возник вопрос, продолжать ли далее оборону Смоленска 18-го. Донесения генерала Дохтурова, повидимому, не говорили в пользу такого решения. Город отчасти уже был уничтожен пожаром, который еще продолжался; старые крепостные сооружения не были приспособлены для обороны; оба корпуса, сражавшиеся в нем, значительно пострадали, понеся огромные потери, доходившие до 10 000 человек, т. е. одной трети их состава; если бы французы произвели успешный штурм,

то можно было опасаться, что защитники потеряют и вторую треть людей и притом в гораздо большем числе, чем противник, так как эти потери выразятся преимущественно в захваченных в городе пленных. Таким образом, те условия и выгоды обороны, которые имелись 17-го, уже отпали, и Барклай решил не терять больше сил, покинуть левобережную часть города, отойти в предместье, находящееся на правом берегу реки, и разрушить мост; это и было выполнено в ночь с 17 на 18 августа.

Одновременно с этим решением генералу Барклаю следовало бы принять и другое: 18-го числа отступить и соединиться с Багратионом на Московской дороге. Однако, это решение было отложено до 18-го, а 18-го сочли чересчур рискованным выполнить первый переход, который являлся подлинным фланговым маршем среди бела дня на глазах у неприятеля, тем более, что он уже делал некоторые попытки переправиться через Днепр; эти попытки, однако, были, отбиты. Итак, Барклай решил оставаться в занимаемом расположении еще 18 августа и лишь с наступлением темноты отходить двумя колоннами по кружной дороге, причем вначале он предполагал отступать по дороге на Поречье (Петербургский тракт), а затем повернуть вправо на Московскую дорогу и выйти на нее у Лубина, в 2 милях от Смоленска. Отряд в несколько тысяч человек под командой генерал-майора Тучкова должен был отходить непосредственно по Московской дороге вплоть до установления соприкосновения с тыловыми частями арьергарда Багратиона. Сам Багратион 18-го оставил свою позицию на Валутиной горе и двинулся на Дорогобуж. Генерал Корф должен был оставаться у Смоленска с сильным арьергардом и прикрывать движение.

Решение дожидаться вечера было неизбежно, так как уже упустили возможность использовать для отступления предыдущую ночь. Но диспозиция была составлена неудачно.

Так как большая дорога на Москву была совершенно свободна и генерал-майор Тучков мог по ней пройти с отрядом, составленным из всех родов оружия, то нельзя понять, почему генерал Барклай не послал по ней два

корпуса, приказав трем остальным двигаться кружным путем, чтобы сократить длину колонны. Эти два корпуса имели бы полную возможность оказать достаточно продолжительное сопротивление на многочисленных рубежах, перпендикулярно пересекающих эту дорогу, с тем, чтобы другая колонна успела пройти по кружному пути. Нам кажется, что в данном случае полковник Толь несколько запутался в ухищрениях искусства генерального штаба. Впоследствии, однако, приходилось слышать много похвал искусно организованному кружному движению русской армии.

До сих пор в связи с боем под Смоленском мы обсуждали лишь мотивы, которыми руководились русские. Однако, мы не можем не остановиться хотя бы вкратце на тех мотивах, которыми руководились французы. Сознаемся, что в данном случае мы имеем дело с самым нестижимым явлением во всей кампании. Когда Барклай 7-го пытался перейти в наступление, то Наполеон с 180 000 солдат находился между Двиной и Днепром, и лишь Даву только что переправился с 30 000 человек через Днепр у Расасы. Поэтому для первого было естественнее и легче двинуться на Смоленск по дороге, ведущей туда из Витебска, чем по дороге из Минска. Но ведь Смоленск, очевидно, не мог являться для Наполеона объектом операции; таким объектом являлась русская армия, которую с самого начала кампании он тщетно пытался принудить к сражению. Она находилась непосредственно против него; почему же он не сосредоточил свои войска так, чтобы прямо двинуться ей навстречу? Далее, надо заметить, что дорога, идущая из Минска через Смоленск на Москву, по которой пошел Наполеон, переходит под Смоленском на правый берег Днепра; таким образом, Наполеону все равно пришлось бы вернуться на этот берег. Если бы он двинулся прямо на Барклая, последнему едва ли удалось бы отойти к Смоленску. Во всяком случае он не мог бы задержаться близ этого города, так как французская армия, находясь на правом берегу Днепра, гораздо сильнее угрожала Московской дороге, чем при переходе ее на левый берег, где Смоленск и река на известном участке прикрывают эту дорогу. При

таких условиях Смоленск был бы взят без боя, французы не потеряли бы 20 000 человек и самый город, вероятно, уцелел бы, так как русские еще не перешли к систематическим поджогам оставляемых городов. После же того, как Наполеон подошел к Смоленску, снова является непонятным, зачем ему понадобилось брать этот город штурмом. Если бы значительный корпус переправился выше по течению через Днепр и французская армия сделала бы вид, что следует за ним и грозит захватить Московскую дорогу, то Барклай поспешил бы опередить этот маневр, а Смоленск и в этом случае был бы взят без боя. Если в данном случае не имелось возможности простой угрозой маневра добиться тех же результатов, какие дал бы сам маневр, т. е. заставить отступить противника при помощи одного маневрирования, то это означало бы, что стратегического маневрирования вообще не существует. Мы решительно не в состоянии объяснить себе поведение французского полководца и не можем найти каких-либо оснований, толкнувших его на выбор ошибочного направления, за исключением затруднений в сосредоточении и продовольствии французской армии, вызываемых местными условиями, и больших удобств движения по большим дорогам. Подойдя же к Смоленску, Наполеон хотел ошеломить противника эффектным ударом. По нашему мнению, Наполеон здесь допустил третью и крупнейшую ошибку в этом походе.

Мы оставляем теперь окрестности Смоленска и заметим лишь о бое у Валутиной горы, что генерал Барклай отличился в нем теми качествами, которые составляли лучшее, что в нем было, и которые в известной степени объясняли его призвание на столь высокий командный пост, а именно: спокойствие, стойкость и личная храбрость. Как только он увидел, что французы сильно наседают на большой дороге на генерал-майора Тучкова, то, чтобы выиграть время для колонн, следовавших кружными путями, он лично отправился к этому арьергарду, подтянул к нему ближайшие части из соседней колонны и снова дал в очень выгодных местных условиях большой и чрезвычайно кровопролитный частный бой, в котором французы потеряли, по крайней мере,

столько же, сколько и русские, оценивавшие свои потери в 10 000 человек. Бой этот был неизбежен для Барклай, но он не являлся неизбежным злом, так как давать неприятелю связанные с крупными потерями бои было наруку противнику. Этот бой оказался бы действительным злом лишь в том случае, если бы его особая цель — прикрытие флангового марша — не была достигнута и если хотя бы часть армии Барклай оказалась отрезанной.

Русские потеряли в этих боях в общем около 30 000 человек; так как до сражения у Бородина они пополнили свои силы приблизительно 20 000 человек, то их боевые силы уменьшились в итоге всего на 10 000 человек. Французы же имели под Смоленском 182 000 человек, а под Бородино 130 000. Их убыль составляла, следовательно, 52 000 человек, из которых 16 000 были откомандированы, а именно дивизия Пино, двинутая на Витебск, — 10 000 человек, и дивизия Лаборда, оставленная в Смоленске, — 6 000 человек. Отсюда вытекает, что потери французов в боях, а также больными и оставшими достигали 36 000 человек.

Таким образом, силы обеих армий все более приближались к точке равновесия.

Бои под Смоленском, как мы видели, приняли форму и оборот, вполне отвечавшие для русских смыслу кампании 1812 г., однако, даны они были большей частью из побочных соображений и без отчетливого понимания перспектив этой кампании. Продолжение отступления по прямой дороге, следовавшее затем, происходило исключительно под давлением обстоятельств. Барклай в своем сознании отнюдь не был доволен результатами напряженных усилий, сделанных под Смоленском, хотя и вынужден был делать вид, что рассматривает их как полупобеду; жутко было на его душе; тяжким бременем лежало на его совести сознание, что он приближается к Москве, не попытавшись хорошо подготовленным генеральным сражением остановить или отбросить вторгнувшегося неприятеля. Генеральный штаб ощущал эту потребность в решительном сражении в еще большей степени. Итак, было решено на первой же выгодной позиции, какая встретится на Московской дороге, дать нор-

мальное оборонительное сражение. Первая подходящая позиция нашлась у селения Усвяты, за речкой Уша, в одной миле не доходя до Дорогобужа, куда армия прибыла 21-го. Полковник Толь, который обычно находился в одном переходе впереди, для осмотра позиций на следующий день открыл здесь удобное поле сражения, которое, казалось, обещало наилучшие результаты. Автор этого труда, который как раз в этот период несколько дней находился при Толе, имел возможность близко познакомиться с его мыслями по этому вопросу. Действительно, позиция была чрезвычайно выгодная, но ее нельзя было назвать очень сильной. Она упиралась правым флангом в Днепр, а перед ее фронтом протекала небольшая речка Уша. Последняя незначительна, и долина ее неглубока; все же эта речка образует известное препятствие для наступающего, причем плоский скат долины был весьма благоприятен для действия огня русской артиллерии. Местность перед фронтом в общем была открытая и удобная для обозрения; в тылу она имела отчасти закрытый характер, что давало возможность скрыть от противника свое расположение. Эту позицию должна была занять первая западная армия, вторая же под командой Багратиона должна была расположиться в резервном порядке на расстоянии часа ходьбы назад к Дорогобужу, вследствие чего она оказалась бы стоящей уступом за левым крылом первой армии. Посредством такого скрытого расположения армии Багратиона Толь рассчитывал не только обеспечить левый фланг, который не примыкал к какому-либо препятствию, но и получить возможность перейти в неожиданное для противника наступление. Повидимому, это была излюбленная идея полковника Толя, так как мы встречаем тот же прием в Бородинском сражении, в котором соответственным образом на уступе был расположен усиленный ополченскими дружинами корпус генерала Тучкова; но это повторение было выполнено в меньшем масштабе, так как, во-первых, генерал Тучков не располагал такими силами по сравнению с теми, какие были у Багратиона, и, во-вторых, последний должен был располагаться гораздо глубже. Автор всегда считал такое расположение

весьма целесообразным, он полагал также, что прикрытие флангов там, где естественные препятствия такового не предоставляют, достигается лишь при помощи отодвинутых назад сравнительно сильных резервов, действие которых, таким образом, приобретает более или менее наступательный характер. Поэтому автор проявлял особый интерес к идеям полковника Толя, полагая, что если не сегодня-завтра предстоит сражаться, то лучше сражаться здесь, чем в каком-либо другом месте.

Но генерал Багратион был чрезвычайно недоволен этой позицией: маленький холм, находившийся по другую сторону Уши впереди правого фланга, был признан господствующим над позицией пунктом, и это признавалось основным недостатком данного плана. Полковник Толь, человек чрезвычайно упорный и не слишком вежливый, не захотел сразу же отказаться от своей идеи и стал возражать, что в высшей степени раздражило князя Багратиона, который закончил разговор довольно обычным в России заявлением: «Господин полковник! Ваше поведение заслуживает того, чтобы вас поставить под ружье». В России подобное выражение является не только фразой; как известно, там может состояться в законном порядке своего рода разжалование, причем самый знатный генерал, по крайней мере формально, может быть сделан рядовым. К этой угрозе никак нельзя было отнестись с пренебрежением. Барклай смог бы заступиться за своего генерал-квартирмейстера, лишь выступив в качестве главнокомандующего, и категорическим приказанием заставить князя Багратиона замолчать и повиноваться, но он был далек от этого. Проявить такую авторитетность, пожалуй, было для него и практически невозможно вследствие сложившихся взаимоотношений; к тому же он не обладал достаточно властным характером для такого выступления. Не подлежит также сомнению, что по мере приближения Наполеона решимость дать сражение в нем ослабевала. Итак, оба генерала решили отказаться от позиции, которую так расхваливал полковник Толь, и 24-го занять другую, на одну милю позади, у Дорогобужа, которую князь Багратион признавал гораздо более выгодною.

По мнению автора, эта позиция была отвратительна: перед фронтом ее не было никакого препятствия для подступа к ней, а обзор отсутствовал полностью; довольно обширный, извилистый и всхолмленный Дорогобуж находился позади правого крыла; часть войска, а именно корпус Багговута, располагалась по другую сторону Днепра на еще более невыгодной позиции. Автор от этой перемены был в отчаянии, а Толь пришел в состояние тихого бешенства. По счастью, и это решение оказалось недолговечным; в ночь с 24-го на 25-е армия снова двинулась дальше. Так прошли еще четыре перехода, а именно до 29 августа; постоянно высказывали намерение принять на следующей позиции бой и всякий раз отказывались от него, как только приходили на эту позицию.

Ближайшее подкрепление, которого следовало ожидать, резерв под командой генерала Милорадовича, должно было состоять из 20 000 человек, но в действительности достигало лишь 15 000. На него рассчитывали еще на стоянке в сел. Усвяты, но действительно прибыло оно лишь в Вязме.

Наконец, 29-го, в одном переходе от Гжатска, Барклаю показалось, что он нашел позицию, которая, будучи усилена сооружением ряда намеченных укреплений, допускала принятие боя. Он тотчас приказал усилить ее несколькими укреплениями. Но в этот самый день прибыл Кутузов в качестве верховного главнокомандующего. Барклай вернулся к командованию первой западной армией, а Кутузов пока приказал продолжать отступление.

Об этой перемене в командовании стали говорить лишь за несколько дней до прибытия Кутузова; это доказывает, что назначение Кутузова не было предрешено при отъезде императора из армии; Кутузов в таком случае прибыл бы раньше. В армии полагали, что нерешительность Барклая, мешавшая ему дать генеральное сражение, и недоверие к нему, распространившееся за последнее время в армии, где на него стали смотреть как на иностранца, побудили в конце концов императора поставить во главе всего ведения военных действий того из коренных русских людей, кто пользовался наилучшей боевой репутацией.

Если принять во внимание момент этого назначения, то можно предположить, что решающее значение для смены Барклая имел отказ от уже начатого наступления под Смоленском. Это имело место 7 и 8 августа, а три недели спустя прибыл Кутузов. Надо полагать, что в это время в Петербург поступило много неблагоприятных донесений о Барклае; главным орудием в данном случае, вероятно, послужил великий князь Константин, который под Смоленском еще находился при армии и полностью примкнул к сторонникам идеи наступления. Эти донесения могли поступить в Петербург в середине августа, и этим объясняется то, что при некоторой поспешности Кутузов смог прибыть в армию спустя две недели.

В армии по этому поводу была великая радость. До сих пор, по мнению русских, дела шли очень плохо; таким образом, всякая перемена позволяла надеяться на улучшение. Между тем, относительно боевой репутации Кутузова в русской армии не имелось единодушного мнения: наряду с партией, считавшей его выдающимся полководцем, существовала другая, отрицавшая его военные таланты; все, однако, сходилось на том, что дельный русский человек, ученик Суворова, лучше, чем иностранец, а в то время это становилось особенно необходимым. Барклай не был иностранцем: сын лифляндского пастора, он и родился в Лифляндии; Барклай с ранней молодости служил в русской армии, и, следовательно, в нем ничего не было иностранного, кроме его фамилии и, правда, также акцента, так как по-русски он говорил плохо и всегда предпочитал немецкий язык русскому. В существовавших тогда условиях этого одного уже было достаточно, чтобы его считали иностранцем. То обстоятельство, что подполковник Вольцоген, который находился лишь около 5 лет в России, состоял при особе Барклая, не будучи его адъютантом и не служа в квартирмейстерском штабе, заставляло смотреть на него как на интимного советника Барклая и в самом Барклае видеть как бы иностранца. К Вольцогену же, человеку серьезному и не обладавшему той вкрадчивостью, которая в чести у русских, относились с подлинной ненавистью. Автор этих записок слышал, как один офицер, вернувшийся

из главной квартиры Барклая, изливал свое озлобление, причем сказал: «Вольцоген сидит в углу комнаты, как жирный, ядовитый паук-крестовик».

Так как, по мнению русских, все шло из рук вон плохо, то считали возможным все приписывать предательским советам этого иностранца; никто не сомневался в том, что Барклай действует исключительно под влиянием его тайных нашептываний. Пожалуй, главный импульс такому настроению давали то отвращение и недоверие, которые питали к подполковнику Вольцогену полковник Толь и генерал Ермолов; они полагали, что он порою выступал против их взглядов и что он много напортил своими дурными советами. В частности, Вольцоген принимал участие в решении отказаться от начатого наступления у Смоленска, так как он именно особенно высказывал предположение, будто Наполеон находится на дороге в Поречье. На самом деле Вольцогену оказывали слишком много чести, приписывая Барклаю такое к нему доверие. Барклай был довольно бесстрастный человек, и притом мало восприимчивый в идейном отношении; таких людей обычно покорить нельзя; к тому же надо сказать, что Вольцоген вовсе не был доволен ни Барклаем, ни той ролью, которую он при нем играл; он мирился со своим положением только потому, что надеялся все же в отдельных случаях принести пользу и предотвратить худшее. Во всяком случае его намерения не заслуживали такого недоверия. Только подозрительность могла заставить людей без всякого разумного основания, из-за одной лишь фамилии, смотреть на офицера, являвшегося флигель-адъютантом императора и пользовавшегося его доверием, как на предателя. Это недоверие к иностранцам впервые пробудилось по отношению к Барклаю и Вольцогену, и оно мало-помалу более грубыми, необразованными элементами армии распространилось на всех прочих иностранцев, которых, как известно, всегда было очень много в русской армии. Некоторые русские, которые непосредственно не приписывали дурных поступков иностранцам, все же считали, что их присутствие может прогневить русских богов и что иностранцы приносят несчастье. Впрочем, это было глухое, лишь намечающееся настроение

в армии, о котором автор здесь упоминает потому, что оно очень характерно, и притом подчеркивает, какими глазами русские до этого времени смотрели на события этой кампании. Отдельному иностранному офицеру не ставили это в строку, так как окружавшие его люди всегда наглядно убеждались, что этот офицер, конечно, преисполнен самыми честными намерениями; так, например, автор может похвалиться прекрасным приемом, который ему почти всегда оказывался, и самым дружественным отношением к себе его русских товарищей.

Итак, прибытие Кутузова вновь пробудило в войсках чувство доверия; злой демон в лице чужестранца изгнан закланием чисто русского человека, нового Суворова в несколько уменьшенном масштабе; теперь уже не сомневались, что в ближайшее время будет дано настоящее сражение, в котором видели кульминационный пункт французского наступления.

Однако, если Барклай, спотыкаясь, как человек, потерявший равновесие и не могущий остановиться, дошел от Витебска до Вязьмы, отступая перед Наполеоном, то и Кутузову не сразу в первые же дни удалось стать на твердые ноги. Он прошел через Гжатск, который, как и Вязьма, был подожжен, и 3 сентября занял под Бородино позицию, показавшуюся ему достаточно хорошей, чтобы принять на ней сражение. На этой позиции войска тотчас же возвели укрепления. В сущности, Бородинская позиция была выбрана теми же глазами, которые выбирали все позиции для Барклая, т. е. глазами полковника Толя, и, конечно, она не принадлежала к числу лучших из тех многочисленных позиций, которые этот офицер находил пригодными для поля сражения.

Кутузов был старше Барклая на 15 лет; он приближался к семидесятому году жизни и не обладал той физической и духовной дееспособностью, которую нередко можно еще встретить у военных в этом возрасте. В этом отношении он, следовательно, уступал Барклаю, но по природным дарованиям безусловно его превосходил. В молодости Кутузов был хорошим рубакой и отличался при этом большой духовной изощренностью и рассудительностью, а также склонностью к хитрости. Этих ка-

честв уже достаточно, чтобы стать хорошим генералом. Но он проиграл Наполеону несчастное Аустерлицкое сражение и никогда этого не мог забыть. Теперь ему пришлось стать во главе всех боевых сил, руководить на беспредельных пространствах несколькими сотнями тысяч против нескольких сотен тысяч противника и при крайнем напряжении национальных сил русского государства спасти или погубить в целом это государство. Это были такие задачи, которые его умственный взор не привык охватывать и для разрешения которых он все же не обладал достаточными природными дарованиями. Император чувствовал это, а потому у него снова возникла мысль самому управлять всем этим огромным делом, но на этот раз из Петербурга и не с таким беспомощным человеком, как Пфуль.

Но в центре, во главе обеих западных армий, все же самостоятельным полководцем должен был выступить Кутузов, а это во всяком случае представляло одну из самых блестящих ролей, какие можно встретить в истории: вести 120 000 русских против 130 000 французов, полководцем которых являлся сам Наполеон.

По нашему мнению, Кутузов проявил себя лично в этой роли далеко не блестяще и даже значительно ниже того уровня, какого можно было от него ожидать, судя по тому, как он действовал раньше.

Однако, автор недостаточно близко стоял к этому полководцу, чтобы с полной убежденностью говорить о его личной деятельности. Во время Бородинского сражения он его видел всего одно мгновение, и наряду с этим личным впечатлением он имеет главным образом в виду то мнение, которое непосредственно после сражения сложилось в армии. Роль Кутузова в отдельных моментах этого великого сражения равняется почти нулю. Казалось, что он лишен внутреннего оживления, ясного взгляда на обстановку, способности энергично вмешаться в дело и оказывать самостоятельное воздействие. Он предоставлял полную свободу частным начальникам и отдельным боевым действиям. Кутузов, повидимому, представлял лишь абстрактный авторитет. Автор признает, что в данном случае он может ошибаться и что его суждение не является ре-

результатом непосредственного внимательного наблюдения, однако, в последующие годы он никогда не находил повода изменить мнение, составленное им о генерале Кутузове, и это, конечно, могло его лишь в этом мнении утвердить. Таким образом, если говорить о непосредственно персональной деятельности, Кутузов представлял меньшую величину, чем Барклай, что главным образом приходится приписать преклонному возрасту. И все же в целом Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в глубокой старости; и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал как ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором.

Благоприятный исход кампании в начале ее мог быть предугадан лишь при наличии широких взглядов, ясности разума и глубокого знания дела. Тогда это могло быть доступно лишь человеку с редким величием духа, но сейчас конечный успех уже настолько приблизился к умственному взору, что хитрый разум мог легко его уловить. Наполеон попал в скверную историю, и обстановка начала сама собою складываться в пользу русских; счастливый исход должен был получиться сам собою без больших усилий. Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, повидимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к тому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло. Он знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещал повсюду близкую гибель неприятельской армии, до самого конца делал вид, что собирается для защиты Москвы дать второе сражение, и изливался в безмерной похвальбе; этим он льстил тщеславию войска и народа; при помощи прокламаций и возбуждения религиозного чувства он старался воздействовать на сознание народа. Таким путем создавалось доверие нового рода, правда, искусственно внушенное, но все же имевшее в своей основе ис-

тину, а именно плохое положение французской армии. Таким образом, это легкомыслие и базарные выкрики хитрого старика были полезнее для дела, чем честность Барклай. Последний совершенно отчаялся бы в счастливом исходе войны; он еще в октябре отчаивался в нём, когда у большинства снова возродилась надежда; сам он не сумел бы найти никаких средств улучшить положение дел, а его мнительность помешала бы использовать даже те средства, которые могли ему предложить другие; так, например, он высказался против перехода на Калужскую дорогу; в печальных, всегда озабоченных чертах его лица каждый солдат мог прочесть мысль об отчаянном положении армии и государства, и не исключено, что настроение этого полководца передалось бы армии, двору, всему народу; словом, простой, честный и дельный сам по себе, но ограниченный Барклай, не способный проникнуть в самую глубь обстановки столь гигантского масштаба, был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противопоставил им дерзкое чело и целый поток хвастливых речей. Он сумел счастливо использовать тот огромный прорыв, который уже обнаружился во французской армаде.

Когда Кутузов принял верховное командование, генерал Ермолов являлся начальником штаба первой западной армии, а полковник Толь — ее генерал-квартирмейстером, а так как командующий этой армией до этого времени выполнял и роль главнокомандующего, то функции их в известной степени распространялись на обе армии; по крайней мере, распоряжения, касавшиеся обеих армий, исходили от этих лиц. Как только Барклай вернулся к своим прежним обязанностям командующего первой западной армией, то Ермолов и Толь также должны были ограничить круг своей деятельности только этой армией. Что касается генерала Ермолова, то так это и произошло, так как одновременно с князем Кутузовым в армию прибыл генерал-от-кавалерии граф Беннигсен, с тем, чтобы занять место начальника штаба обеих армий. Надо полагать, что Беннигсен выхлопотал себе это назначение в Петербурге, так как понимал, что ни одной из

двух армий в командование ему не дадут, а он хотел получить возможность при случае протиснуться на первое место, если бы здоровье старика Кутузова не выдержало. Мало-помалу он приобрел некоторое влияние; впрочем, старый князь не особенно поощрял Беннигсена, которому, повидимому, не доверял. В армии это удивительное назначение произвело почти комическое впечатление. Но генерал-квартирмейстера князь с собою не привез, и полковник Толь попрежнему продолжал занимать эту должность; автору неизвестно, состоялось ли его назначение генерал-квартирмейстером при главнокомандующем или же он являлся только исполняющим его обязанности.

На полковнике Толе, как и раньше, лежал выбор позиций и принятие соответственных тактических мер. Таким образом, выбор позиции под Бородино и использование на ней войск также представляются в основном его делом.

Прежде чем говорить об этом сражении, мы хотим высказать несколько соображений по поводу отступления русской армии в направлении на Москву.

Русская армия отступала не к Петербургу, а внутрь страны, так как там она могла в большей мере усилиться, в то время как следующему за ней противнику приходилось постоянно быть в готовности к обороне во всех направлениях. Пока неприятель еще располагал значительным превосходством сил, надо было заботиться о прикрытии Москвы, как позаботились о прикрытии Петербурга путем выделения корпуса Витгенштейна при уходе армии с дороги на Петербург. Чтобы не ослаблять себя выделением нового заслона, представлялось, конечно, вполне естественным держать главную армию в направлении на Москву. Если бы можно было предвидеть, с какой быстротой будет таять французская армия, то можно было бы наметить другой план, а именно: от Смоленска уже не держаться направления на Москву, а избрать какую-нибудь другую дорогу внутрь страны, например на Калугу и Тулу, так как можно было себе сказать, что как только исчезнет решительный перевес сил главной французской армии над русской, французы уже не будут иметь возможности выделить и направить в Москву значительные силы; еще в меньшей степени, распо-

лагаю единственной коммуникационной линией, французы могли бы решиться двинуть свои главные силы на Москву мимо русской армии. Вспомнив, что под Бородино против 120 000 русских стояло всего лишь 130 000 французов, никто не сможет усомниться в том, что при ином направлении отступления русских, например на Калугу, Москва осталась бы совершенно в стороне от военных действий. Однако, когда отходили от Дриссы сначала на Витебск, а затем на Смоленск, то никому и в голову не могло прийти, что силы французов так быстро растут. Потому вполне естественна была мысль о необходимости держаться направления на Москву, чтобы возможно дольше оставить в безопасности этот важный город.

Под Смоленском соотношение сил обеих главных армий составляло 180 000 к 120 000, а так как при оценке сил противника легко ошибиться на какие-нибудь 20 000, то русские могли предполагать, что против них стоят 200 000 человек. Поэтому нельзя поставить в упрек русским генералам, что в подобных условиях они еще не решились обратиться к маневрированию, т. е. к косвенной обороне Москвы. Но даже если бы такое решение было принято в Смоленске, то, пожалуй, это было бы уже слишком поздно; ведь если вообще изменение направления для сколько-нибудь крупной армии является делом значительно более трудным, чем то обычно предполагают, то в столь редко населенной стране, как Россия, это изменение представило бы вдвое больше трудностей для такой огромной массы войск, к тому же теснимой превосходящими силами неприятеля. Приходилось все время располагать биваком, сосредоточившись в одном пункте, и, следовательно, получать все продовольствие исключительно из магазинов. Эти склады были устроены вдоль Московской дороги, и их, следовательно, надо было сперва перенести; все боевые припасы, запасные части, подкрепления и т. п., находившиеся на этой дороге или в пути к ней, пришлось бы перебрасывать в сторону, на новое направление. Имелось ли еще на это время после прибытия армии к Смоленску, представляется по меньшей мере крайне сомнительным.

Отсюда следует, что упрек, который некоторые писатели делают задним числом русским генералам, отчего они из Смоленска не пошли на Калугу, представляется недостаточно продуманным. Если бы русские захотели избрать это направление, то такое решение нужно было принять гораздо раньше; но принятие его раньше было невозможно, даже если бы и возникла подобная мысль, так как такая косвенная оборона Москвы лишь впоследствии стала представляться совершенно естественной, раньше же она явилась бы таким теоретическим дерзновением, которого нельзя требовать от заурядного генерала, к тому же не облеченного широкими полномочиями.

Один из этих писателей (Бутурлин) высказал сожаление, что Барклаю не был известен тот принцип, согласно которому на войне фланговая позиция всегда наилучшим образом прикрывает данный объект. Во все времена у молодых людей имелись под руками готовые принципы. Когда прикрывают какой-либо пункт фланговой позицией, то все зависит от соотношения сил сторон, от пространственных условий и даже от моральных предпосылок, т. е. приблизительно от всех данных, имеющих значение на войне. Таким образом, этот принцип, прежде чем получить признание, должен быть совершенно иначе обусловлен; придерживаясь подобных принципов, конечно, вполне естественно всесторонне критиковать имевшие место явления и находить, что все чрезвычайно легко и просто делается, между тем как в действительности всевозможные препятствия ограничивают очень тесными рамками возможности выполнения.

Впрочем, ни Барклай, ни его генеральный штаб в то время и не помышляли о таком уклонении в сторону, хотя огромные размеры русского государства и представляли для него прекрасные возможности. Русское государство так велико, что позволяет играть «в кошки и мышки» с неприятельской армией; на этом и должна базироваться в основном идея его обороны против превосходящих сил неприятеля. Отступление в глубь страны увлекает туда же неприятельскую армию, оставляя в ее тылу обширные пространства, которые она занять не в состоянии. А затем уже не встретится никаких препят-

стей к тому, чтобы отступление, которое прежде шло от границы внутрь страны, начать в обратном направлении, из внутренних областей к границе, и, таким образом, вновь дойти до нее совместно с ослабленной неприятельской армией.

Фланговый марш на Калужскую дорогу и отход в направлении этой дороги представляют нечто в этом роде, с той лишь разницей, что впоследствии дела приняли еще более благоприятный оборот. Однако, об этом отступлении под острым углом раньше никто не думал, и эта идея получила впервые развитие лишь после Бородинского сражения. Вначале среди русских генералов и в их штабах об этой идее не было даже разговора, и я не припоминаю, чтобы и в армии кто-либо из офицеров высказывал ее. В тот же момент, когда насущная потребность уже могла натолкнуть на эту мысль, а именно, когда начали отдавать себе отчет в недостаточности сил для защиты Москвы, было уже слишком поздно; мы уже говорили, что к соответственной организации тыла еще не было приступлено.

Обратимся теперь к сражению под Бородино. Это сражение принадлежит к числу тех, в которых, собственно говоря, мало что требует объяснения, так как его результаты вполне отвечают создавшейся обстановке. В самом деле, 120 000 русских, из которых 30 000 казаков и ополченцев, противостояли на весьма посредственной позиции 130 000 французов с Наполеоном во главе. Чего же другого можно было ожидать? При равной храбрости войск обеих сторон в бою на очень узком пространстве следовало ожидать только того, что произошло в действительности, а именно медленного опускания чаши весов к невыгоде русских. Мы никогда не могли понять, почему люди так жадно добивались какого-то объяснения Бородинского сражения. Одни недоумевали, почему Кутузов отошел, раз он был победителем, другие — почему Наполеон не разгромил полностью русских.

Россия чрезвычайно бедна позициями. Там, где еще имеются большие болота, местность настолько покрыта лесами, что трудно найти достаточное пространство для расположения сколько-нибудь значительной массы войск;

там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены, а следовательно, всюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны для обороны. К этому надо добавить, что и в этих местах широкий обзор встречается лишь изредка, так как повсюду разбросаны небольшие перелески. В общем выбор позиций очень стеснен. Поэтому, если полководец, как то было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно, ему приходится мириться со многим.

Таким образом, полковник Толь не был в состоянии найти лучшей позиции, чем под Бородино. Последняя являлась, впрочем, парадной в том смысле, в котором этот термин применяется к лошадям, которые на первый взгляд обещают больше, чем могут дать. Правый фланг примыкал к Москва-реке, не имеющей здесь бродов, фронт был прикрыт речкой Колочей, протекающей по довольно глубокой долине; все это создало первое неплохое впечатление и сразу же подкупило генерал-квартирмейстера. Но дорога, ведущая из Смоленска в Москву, проходит, к сожалению, не перпендикулярно к Колоче, а некоторое время тянется параллельно с ней, а затем пересекает речку и сворачивает под тупым углом в сторону от нее у деревушки Горки. Вот почему, если расположиться параллельно речке, придется иметь путь отступления отходящим в косом направлении и тем самым с самого начала подвергнуть опасности левый фланг. Такое построение было тем более недопустимо, что на расстоянии полумили от большой дороги проходит другая дорога на Москву через селение Ельню, ведущая непосредственно в тыл этой позиции. Всякое расположение в таком пункте, где, как здесь, дорога сворачивает под резким углом, чрезвычайно невыгодно. Одно лишь продвижение вперед противника уже наполовину осуществляет обход, и путь отступления оказывается сразу под сильной угрозой, что в значительной мере парализует сопротивление. Правда, наступающий находится

в одинаковых условиях, но так как он больше подготовлен к движению вперед и маневрированию, а обороняющийся — в меньшей степени, то выгода от такой аномалии, как общее правило, остается на стороне наступающего. Таким образом, излом дороги составлял большую угрозу для левого фланга, и нельзя было подвергать его еще большей опасности, построившись перпендикулярно к пути отступления. В результате получилось, что правый фланг находился на прекрасной позиции параллельно Колоче, вправо от Московской дороги, но центр пришлось отнести назад от речки, а левый фланг загнулся глаголем. Благодаря этому все расположение получило форму выгнутой дуги, а наступление французов, следовательно, получило охватывающую форму, и огонь всего французского фронта действовал концентрически, что имело чрезвычайно важное значение при огромных массах артиллерии и очень стесненном пространстве. Местность на левом фланге не давала особых выгод. Несколько пологих холмов, высотой до 20 футов, составляли вместе с многочисленными оврагами и полосами низкорослого леса такое запутанное целое, что трудно было разобрать, которая из двух сторон могла извлечь из него наибольшую выгоду. При этом лучшая сторона позиции — правое крыло — не могла помочь делу. Положение в целом слишком привлекало французов к левому флангу, и правый фланг не мог отвлечь на себя их силы. Таким образом, занятие этой части позиции являлось лишь бесполезным распылением сил; гораздо лучше было бы, если бы правое крыло заканчивалось у Колочи в районе Горок, а остальное пространство до Москва-реки только наблюдалось бы или занималось демонстративно.

Как выше было сказано, левое крыло было загнуто назад и оставалось открытым: поэтому оно было укреплено, а корпус генерала Тучкова был усилен московским ополчением. Таким образом, масса в 15 000 человек была поставлена на старой Московской дороге, настолько далеко позади и так скрытно, что она сама могла ударить в правый фланг и в тыл неприятелю, который стал бы обходить левый фланг русских. По мысли это мероприя-

тие, как мы полагаем, было весьма удачно, но оно не достигло цели, так как ни силы, ни расстояния не находились в надлежащем отношении к целому, что мы ниже обсудим подробнее. Укрепления, наскоро сооруженные, находились частью на левом крыле, частью перед центром, а одно из них, как передовая позиция, находилось в нескольких тысячах шагов впереди левого крыла. Сооружение этих укреплений началось лишь после подхода армии. Вырытые в песчаном грунте, они сзади были открыты, не имели никаких искусственных препятствий, а потому могли рассматриваться лишь как отдельные пункты несколько повышенной обороноспособности. Ни одно из этих укреплений не могло выдержать серьезного штурма, а потому большинство из них по два и даже три раза переходили из рук в руки. Все же надо сказать, что укрепления внесли свою долю в сильное и мужественное сопротивление, оказанное русскими; на левом фланге они явились единственным местным преимуществом, имевшимся у русских.

Вначале, т. е. ранее чем русские начали использовать другим способом свое правое крыло, они располагали на фронте приблизительно пятью пехотными корпусами, расположившимися в две линии, позади стояла кавалерия также в две линии; два корпуса в составе 4 000 кирасир находились позади в качестве резерва. и. кроме того, на левом фланге находились в засаде 15 000 человек под командой генерала Тучкова, которых, следовательно, также можно рассматривать как резерв. Итак, можно сказать, что русские стояли в две линии с третьей и четвертой линиями кавалерии позади, и сверх того в качестве резерва оставалась треть всех сил. Если мы вспомним, что передняя линия русских занимала по фронту около 8 000 шагов, что пять корпусов, составлявших две первые линии, насчитывали приблизительно 40 000 человек, т. е. по 20 000 человек в каждой линии, и если учтем к тому же большое число орудий (по 6 на каждую тысячу человек), то мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впо-

следствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, также играли роль резерва, то мы увидим, что русская армия дралась в этот день в беспрецедентном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а следовательно, примерно также глубоко построилась и французская армия; если ее охватывающий фронт был несколько длиннее русского, то это с лихвою покрывалось большим числом ее бойцов. Такова наиболее характерная черта этого сражения. Этим объясняются:

1) сильное и упорное сопротивление русских. Сражение началось в 6 часов утра и продолжалось до 4 часов пополудни, и за эти 10 часов русские на левом крыле, где они уступили больше всего пространства, потеряли всего лишь от 1 500 до 2 000 шагов. Лишь корпус Тучкова, вступивший в бой отдельно от других, должен был отступить на большее расстояние. Далее, за этот десятичасовой бой массы русского войска не утратили порядка. Очевидно, что и то и другое явилось следствием их густого построения, так как только при наличии известного простора кавалерия может быстро использовать и расширить до крупных размеров успехи, достигнутые пехотой и артиллерией. В результате вмешательства конницы возникнет частичное бегство, а с ним и известная утрата порядка и большая потеря пространства;

2) огромные потери людьми. Согласно подсчету Бутурлина, русская армия потеряла за оба дня сражения в общем 50 000 человек, в числе которых было очень мало пленных. Русские в то время определяли свои потери лишь в 30 000, что нам представляется более правдоподобным. Но и эти потери, составляющие четвертую часть всей армии, являются совершенно необычайными.

Полковник Толь являлся решительным сторонником глубокого построения, т. е. занятия короткого фронта и сохранения сильных резервов. Автор также в этом построении видит лучшее средство обеспечить переход от обороны к наступлению с целью вырвать из рук атакующего преимущество инициативы, с которой тесно связано и преимущество внезапности. Автор не раз беседовал на эту тему с полковником Толем, и он не сомневается, что

русская армия под Бородино построилась, главным образом, по указаниям этого офицера. Но мы не можем одобрить то использование этого принципа, которое полковник Толь в данном случае допустил. По нашему мнению, поле сражения должно было бы иметь большую пространственную глубину, т. е. кавалерию и резервы следовало отодвинуть глубже назад. На наш взгляд, уже ушли в прошлое те времена, когда на сражение можно было смотреть как на единый акт, в котором победа одерживается одним ударом путем искусного согласования всех частей огромной машины. Возможно, что такого времени никогда и не было, однако, теоретические представления большей частью цепко держались за эту идею. Долгое время в основе этого представления лежала внезапность и косой боевой порядок, при помощи которых Фридрих Великий одержал свои победы при Лейтене и Росбахе. Но если мы примем во внимание: 1) как медленно протекают обычно все большие сражения, особенно в сравнении с временем, требуемым теперь на тактическое построение, 2) что, следовательно, взаимное истребление и истощение обеих сторон в огневом бою должны непременно предшествовать решению, 3) что, таким образом, решающий маневр относится на позднейшее время, то у нас не останется ни малейшего сомнения, что резерв, поставленный далеко позади, всегда еще может поспеть к решению, хотя бы он даже и не находился на поле сражения, а скорее рассматривался какдвигающийся на подкрепление корпус. А при этом получают следующие выгоды:

- 1) этот резерв совсем не страдает от огня;
- 2) он может быть легко полностью скрыт от неприятеля;
- 3) он может быть удобнее использован для охватывающего маневра.

Здесь мы не можем развить эту мысль с необходимой полнотой, мы лишь несколько уточним ее, указав, что для крупных масс, сохраняемых в резерве, мы имеем в виду удаление на расстояние от 3 000—4 000 до 5 000 шагов, причем, конечно, не станем отрицать, что условия местности имеют существенное значение и часто

могут сделать невозможным столь глубокое расположение.

Между тем, на Бородинской позиции полковник Толь в полной мере отдал должное принципу глубокого построения в отношении количества войск, размещенных в затылок друг другу, но совершенно не учитывал другой элемент — глубину в пространстве.

Кавалерия построилась в 300—400 шагах позади пехоты, а от нее до общего резерва оставалось едва 1 000 шагов. В результате кавалерия и резервы жестоко страдали от неприятельского огня, не будучи чем-либо заняты. А если вспомнить, какое огромное количество артиллерии имелось в армии, и если учесть, что русская артиллерия вследствие многочисленности своих маленьких зарядных ящиков занимает больше места, чем какая-либо другая, то можно себе представить, как все было набито и наставлено друг на друга; автор до сих пор хранит в памяти яркое впечатление о загроможденности Бородинской позиции.

Если бы кавалерия держалась на удалении в 1 000 шагов позади пехоты, то она могла бы в той же степени и даже более удачно противодействовать всякому крупному успеху французов. Гвардия же и генерал Тучков, отодвинутые за кавалерию на такое же расстояние, не имели бы потерь от неприятельского огня, раньше чем сами пустили бы в ход свое оружие. Они тем самым могли бы быть использованы более неожиданно и с большим во всех отношениях успехом.

Автор так долго остановился на этой стороне Бородинского сражения потому, во-первых, что он считает этот вопрос в наше время крайне важным, так как он в той или другой форме возникает почти во всех сражениях, особенно в сражениях оборонительных, и, во-вторых, потому, что в Бородинском сражении эта сторона выступает ярче, чем другие черты его, не представляющие с нашей точки зрения ничего нового. К ним, однако, мы и переходим теперь.

Наполеон, сосредоточив все свои силы (130 000 человек), продвигается к позиции русских под Бородино, не доходя до этой позиции, переводит большую часть

своих войск через Колочу и, как это само собою напрашивается, решает атаковать, главным образом, левый фланг, причем на корпус Понятовского возлагается его охват.

6-го происходит предварительный бой за передовую укрепленную позицию, которая находилась перед фронтом Багратиона (Шевардино). В конечном счете русские оказали упорное сопротивление и, избегая вводить в это побочное дело слишком много сил, вынуждены были к вечеру уступить этот пункт французам.

7-го в 6 часов утра началось собственно сражение. Евгений, имея около 40 000 человек, находился на левом берегу Колочи и должен был атаковать русский центр. Даву и Ней с такими же приблизительно силами стояли на правом берегу Колочи и должны были атаковать левый фланг русских. Жюно, гвардия и часть кавалерийского резерва в свою очередь составляли массу в 40 000 человек, которые группировались как резерв позади Даву и Нея, а Понятовский со своим корпусом в 10 000 человек должен был продвигаться вперед по старой Московской дороге и охватить левый фланг русских. Продвижение Понятовского по старой Московской дороге заставило генерала Тучкова вступить в дело раньше, чем рассчитывали русские; однако, бой здесь начал принимать серьезный характер лишь между 8 и 9 часами утра, когда на других участках он велся уже несколько часов; так как задача Понятовского заключалась в том, чтобы охватить левый фланг русских, а ввязавшись в бой с Тучковым, он не смог ее выполнить, то можно сказать, что корпус Тучкова все же выполнил роль резерва. У Понятовского было только 10 000 человек, Тучков располагал 15 000, из которых, правда, только половину представляли регулярные войска. В этих условиях Понятовский не смог справиться со своим противником и был позднее поддержан 10 000 человек под командой Жюно, после чего корпус смертельно раненого Тучкова был вынужден очистить поле сражения и отойти на расстояние около $\frac{1}{4}$ мили; занятое им новое расположение возбуждало тревогу за участь левого фланга русской армии и за путь ее отступления.

В центре и на левом крыле бой начался около 6 часов утра и в продолжение нескольких часов поддерживался сильным артиллерийским огнем и ружейным огнем русских егерских полков, которых при каждой дивизии было по два и которые большей частью выдвигались перед первой линией корпуса и образовывали стрелковую цепь; последняя, прикрываясь имевшимися довольно значительными местными препятствиями, энергично вела бой. Около 8 часов утра находившаяся по ту сторону Колочи деревня Бородино, которую защищал один егерский полк, была уже потеряна, и бой продолжался за обладание расположенными в центре укреплениями. Со стороны русских было принято решение организовать наступательный маневр против левого фланга французов.

Дело в том, что на правом фланге русских генерал Платов с двумя тысячами казаков занялся розыском брода через Колочу, переправился через нее и был крайне изумлен, не найдя почти вовсе неприятеля там, где предполагалось все его левое крыло. Он наблюдал левый фланг вице-короля, двигавшийся по направлению к Бородино. У него создалось впечатление, что здесь представляется особенно выгодный случай для нанесения противнику флангового удара и т. д. Мы говорим «и т. д.» потому, что в большинстве случаев люди хорошо не знают, какая собственно цель должна быть достигнута такой фланговой атакой. Нападение на оставшуюся, по видимому, без прикрытия артиллерию, находящуюся в резерве, захват разъезжающих взад и вперед зарядных ящиков часто рисуются в их представлении как действие, несравненно более значительное, чем оно является в действительности. Короче говоря, Платов отправил к Кутузову принца Гессен-Филиппштадтского, сопровождавшего его в качестве добровольца, чтобы сообщить главнокомандующему о сделанном им открытии и предложить двинуть значительную кавалерийскую массу через брод, чтобы ударить в слабый пункт противника.

Принц Гессенский — молодой, неопытный офицер, который, пожалуй, больше самого Платова был увлечен этой идеей, обратился к полковнику Толю и так живо

изобразил ему это дело, что оно в первую минуту действительно представилось чем-то значительным. Толя удалось привлечь на сторону этой идеи; он тотчас поехал к князю Кутузову, который расположился у небольшой деревни Горки. Автор, состоявший тогда в должности обер-квартирмейстера при первом кавалерийском корпусе (Уварова), находился в свите своего генерала как раз у Кутузова, когда подъехал полковник Толь. Последний только что вернулся с левого фланга и сделал доклад Кутузову, что все обстоит превосходно и что князь Багратион отбил все атаки. (В первые два часа боя иначе и быть не могло.) В этот же момент пришло донесение, что Мюрат взят в плен в центральном укреплении, временно очищенном русскими и затем снова занятом ими. Это вызвало взрыв энтузиазма, многие высказывались за то, чтобы немедленно сообщить это известие войскам; некоторые более хладнокровные генералы полагали, что ввиду полной невероятности этого известия следовало бы подождать подтверждения; впрочем, этому рассказу верили в течение целого получаса, хотя Мюрат так и не прибыл, что объяснили тяжелой раной, полученной им. Теперь нам стало известно, что то был не король Неаполитанский, а генерал Бонами, получивший тяжкую рану и оставленный французами при отступлении.

Среди общего энтузиазма и под радостным впечатлением благоприятного оборота, который принимало сражение, полковник Толь доложил Кутузову предложение принца Гессенского; сразу было видно, что Толь, чересчур увлеченный общим настроением, поверил, что сильная диверсия кавалерийского корпуса на левом фланге противника даст новый могучий импульс всему делу и, пожалуй, приведет к успешному решению сражения. Итак, он предложил воспользоваться для этого предприятия первым кавалерийским корпусом силою в 2 500 коней легкой гвардейской кавалерии, оставшимся пока совершенно праздно позади правого крыла. Кутузов, выслушивавший все донесения и речи с совершенно рассеянным видом и лишь время от времени отвечавший: «хорошо, сделайте так», и на это предложение сказал: «ну, что же возьмите его!». Принц Гессенский предложил

провести корпус через брод к решительному пункту. Итак, генералу Уварову было поручено последовать за принцем и по прибытии на место ударить французской армии во фланг и в тыл. Эта инструкция, конечно, являлась обычной, да и нельзя было дать более подробных указаний, но на основании нашего знакомства с тем,

как совершаются дела на войне, мы все же не можем признать ее вполне удовлетворительной: в ней недоставало категоричности, подчеркивающей значение данного маневра.

Если, несмотря на превосходство сил противника, еще можно было решиться выпустить из рук и вывести из состава боевого порядка корпус в 2 500 коней, то надо было по возможности удостовериться в том, что полезное его применение обеспечено. Генерал Уваров, конечно, должен был атаковать более слабую или равную по

силе конницу противника; это вытекало из общей задачи, данной ему; но ведь можно было предвидеть, что он наткнется и на неприятельскую пехоту, а при стремлении произвести серьезное действие — и на значительную массу пехоты с артиллерией. А ведь хорошо известно, что происходит, когда один род войск должен сражаться с двумя родами войск. Правда, у генерала Уварова было 12 орудий конной артиллерии, но что это значило при массе артиллерии, введенной в дело в этом сражении. Итак, мы хотим сказать, что надлежало вменить в обязанность генералу Уварову атаковать решительно все, что бы ему ни встретилось на пути, и при этом поставить себе задачей не столько победоносный бой, сколько привлечение на себя значительной массы неприятельских войск, дабы помешать их участию в наступлении противника; при этих условиях, если бы даже бой для самого генерала Уварова сложился невыгодно, то все же он имел оправдание. Подобное поручение всегда бывает тяжким, а честное выполнение его требует большой самоотверженности и воодушевления. Но нельзя ожидать, чтобы генерал, не получивший категорического приказа, стал бы действовать в таком направлении; напротив, следуя общему правилу, он скорее будет стремиться к удачному бою и избегать столкновения в невыгодных условиях.

Решение относительно этой диверсии было принято между 8 и 9 часами утра. Сражение находилось еще в первой стадии своего развития. Не было никакой возможности предвидеть в какой-либо мере его конечный исход; еще предстоял длинный день в 12 часов, а при настойчивости и силе характера противника можно было до последнего мгновения ожидать от него все новых и новых усилий. Имелось полное основание сказать: «не хвались днем, пока не наступит вечер». Диверсия, произведенная 2 500 коней, никоим образом не могла бы изменить общее течение такого сражения, в котором принимает участие армия в составе 130 000 человек; самое большее — она могла вызвать частичную и переходящую задержку в выполнении плана противника, может быть, в большей или меньшей степени поразить

его. Если бы это ошеломление наступило в тот момент, когда и без того решение уже назрело и когда при всеобщем утомлении обеих сторон каждый новый толчок сам по себе становится все более эффективным, то можно было бы надеяться достигнуть чего-нибудь этой диверсией. Но ранним утром неприятель, очевидно, имея достаточно времени для противодействия значительными силами этому разрозненному наступлению, смог бы наголову разбить генерала Уварова и затем вернуться к выполнению своего основного плана.

Ниже мы поговорим о тех наступательных действиях, которые русские, безусловно, могли применить в этом оборонительном для них сражении, а теперь последуем за генералом Уваровым в его предприятии.

Он переправился через Колочу вброд выше Старого; затем свернул налево и взял направление на Бородино, причем ему, однако, пришлось заметно принять вправо из-за нескольких болотистых ручьев, впадающих в Колочу. Было между 11 и 12 часами утра, когда он прибыл к ручью, протекающему мимо Бородино и впадающему в Колочу. Слева от него была деревня Бородино, в которой прочно засели войска вице-короля, впереди его протекал по узкой, но топкой луговине вышеупомянутый ручей. По сию сторону ручья стояло несколько полков неприятельской кавалерии и густая масса пехоты, состоявшая из полка или батальона в сильном составе. Французская кавалерия тотчас же отступила через плотину, которая пересекает ручей приблизительно в 2 000 шагов от Бородино; пехота же имела смелость остаться на этой стороне ручья и построиться в каре тылом к плотине. Генерал Уваров велел атаковать это каре.

Напрасно автор указывал на то, что сперва следует это каре обстрелять конной батареей; русские офицеры полагали, что тогда противник отступит и его не удастся захватить в плен. Итак, лейб-гусарский полк был выдвинут и брошен на каре. Он произвел три безуспешных атаки. Итальянцы сохранили спокойствие и порядок и хладнокровно открыли огонь; гусары, как это обычно имеет место при таком поведении пехоты, приблизив-

шись на 30 шагов к каре, поворачивали обратно и уходили из-под обстрела. Генерал Уваров приостановил эти неудачные попытки и приказал батарею сняться с передков; при первом же выстреле неприятель начал отходить через дефиле. На этом и закончилось все дело.

Само селение Бородино атаковать кавалерией было невозможно; через ручей можно было перейти только по плотине. По ту сторону видно было, как в холмистой местности, поросшей кустарником, от 4 000 до 5 000 человек пехоты построены несколькими массами, за которыми находилась неприятельская кавалерия. В селении Бородино виднелось несколько сильных колонн, а за центром французской армии, позади боевого фронта, совершенно спокойно стояли большие массы войска,— по-видимому, гвардия. Генерал Платов со своими 2 000 казаков находился на расстоянии четверти часа от Уварова и разведывал переправу через топкий ручей.

К моменту прибытия генерала Уварова в указанный ему район прошло еще несколько часов ожесточеннейшего боя; русские начали рассматривать обстановку иными глазами, чем утром между 8 и 9 часами. Они заметили, что исполин только теперь всей своей тяжестью обрушился на них и что в конце концов им его не осилить. Корпуса Багговута и Остермана, стоявшие без дела на правом крыле, уже были брошены на поддержку левого фланга и центра; гвардия также направила часть своих сил в бой. Таким образом, русские резервы начали сильно таять, между тем как французская гвардия силою приблизительно в 20 000 человек неподвижно стояла густыми колоннами, как черная грозозая гуча. Таким образом, русские не могли помышлять о каких-либо других наступательных действиях, кроме порученных генералу Уварову.

На этого генерала теперь были боязливо обращены все взоры, и один за другим приезжали адъютант, офицер генерального штаба и флигель-адъютант императора, чтобы посмотреть, нельзя ли что-нибудь здесь предпринять. Если мы не ошибаемся, то на одно мгновение появился здесь сам полковник Толь, более определенно припоминаем мы генерал-лейтенанта графа Ожаровского.

Все возвращались в полном убеждении, что Уваров ничего сделать не может. Во-первых, не легко было кавалерии переправиться под неприятельским огнем через ручей, а, во-вторых, по ту сторону виднелось столько войск, образовавших свободные резервы, что отряду в 2 500 коней было невозможно достигнуть такого успеха, который воздействовал бы на ход всего сражения.

Автор благодарит бога, что в этих обстоятельствах его роль сводилась к нулю, и он даже не смог участвовать в разговорах, которые генерал Уваров вел по-русски с присылаемыми к нему офицерами. Автор с самого начала был убежден, что вся эта диверсия не будет иметь никакого успеха, а сейчас ясно сознавал, что если что-нибудь и могло получиться из подобного предприятия, то для этого во главе его должен был бы стоять какой-нибудь молодой сорви-голова, которому еще надо завоевывать себе репутацию, а отнюдь не генерал Уваров.

Пока тянулись эти совещания, прошло несколько часов. Внезапно на той стороне ручья на левом фланге французов в растущей там заросли поднялась сильная стрельба, и вскоре пришло известие, что Платов нашел, наконец, переправу и со своими казаками находится на той стороне в перелеске. Действительно, мы увидели, как эти бойцы, удивительные тем, что они проявляют то неслыханную храбрость, то трусость, там среди заросли юлили между массами неприятельской пехоты, не производя серьезной сомкнутой атаки. Со стороны получалось представление, будто они вели с ними перестрелку.

Неприятельские части, находившиеся напротив нас, боясь оказаться защемленными в болоте, отошли несколько в сторону. Тут лейб-гвардии казачий полк, находившийся в корпусе Уварова, не мог дольше выдержать; как ракета с длинным хвостом, понеслись казаки к плотине, молниеносно оказались на другой стороне и присоединились в лесу к своим братьям.

Бесспорно в это мгновение Уваров мог бы за ними последовать, но ему не хотелось быть прижатым к теснине в том случае, если бы он был отброшен. или же быть вынужденным к беспорядочному отступлению врасышную, как то иногда случается с казаками. Так как

он уже отделался от всех посланцев Кутузова, Беннигсена и Барклая, то он и решил ничего не предпринимать в ожидании новых распоряжений. Ждать пришлось недолго. Вскоре вернулись гвардейские казаки, понесшие значительные потери убитыми и ранеными. В таком положении мы наблюдали все сражение, и во мне навсегда запечатлелась та картина усталости и истощения, которую оно постепенно приняло. Массы пехоты так растаяли, что представляли, пожалуй, менее одной трети первоначального числа бойцов; остальные были либо убиты, либо ранены, либо отводили раненых и собирались позади; словом, повсюду на фронте образовались большие пробелы. Огромная артиллерия, введенная с обеих сторон в бой,— до 2 000 орудий — теперь давала о себе знать лишь отдельными выстрелами, но даже эти выстрелы, казалось, не давали прежнего могучего, громopodobного тона, а звучали глухо и хрипло. Почти повсюду кавалерия замещала пехоту, заняв ее место в боевом порядке; эта кавалерия и совершала свои атаки усталой рысью, продвигаясь взад и вперед по полю и отбивая друг у друга окопы.

Около 3 часов пополудни видно было, что сражение находится при последнем дыхании и что, следовательно, как в большинстве случаев, окончательное решение всего вопроса зависит от того, кто еще сохранил в руках последний козырь, сильнейший резерв. Ни этого, ни подлинного положения обеих сторон мы обзреть не могли; отдельные известия, доходившие до нас, не внушали особой тревоги. Это очень удивляло автора, так как центр, очевидно, уже несколько подался назад в местах стыков с крыльями, исходя из чего можно было судить и о положении левого крыла.

Около 3 часов Уваров получил от Кутузова приказание вернуться назад и снова занять прежнее место на позиции; итак, мы отошли назад и между 4 и 5 часами прибыли на наше прежнее место позади Горок, где и построились.

Весь ход сражения был чрезвычайно прост. Ввиду того что Тучков помешал охвату левого крыла, французы стали напирать перпендикулярно на центр и левый фланг

всей тяжестью своих масс. После первого же часа сражения на подкрепление левого фланга был послан Баггевут, несколько позднее центр был поддержан Остерманом, а отдельные гвардейские части были направлены на усиление фронта. Так тянулось сражение до 4 часов пополудни в ужасном огневом бою, причем попеременно при атаках той или другой стороны фронт передвигался то немного вперед, то немного назад. Превосходство французов как в численности, так и в тактике сказалось в том, что за эти десять часов русским пришлось постепенно уступить некоторое пространство, оставить укрепления и занять новое расположение, причем их боевой порядок еще более уплотнился, а левый фланг откинулся еще дальше назад, так что теперь он тянулся параллельно пути отступления и не дальше 200 шагов от него; старая же Московская дорога находилась почти целиком в руках французов.

В армии все еще полагали, что результат сражения является сомнительным. Шел разговор о том, что следует удержать за собой поле сражения, которое собственно еще не было утрачено, и этим упорством добиться победы, так как французы также обнаруживают признаки большого истощения. Но по существу вопрос был уже окончательно решен, и хитрый Кутузов не сомневался больше в том, как ему надлежит поступить. Превосходство сил французов, заметное и до сражения, еще возросло в результате сражения, так как потери русских были, безусловно, больше потерь французов; за время десятичасового боя чаши весов далеко не оставались в состоянии полного равновесия, а заметно склонились в ущерб русским; нельзя было ожидать лучшего результата при возобновлении боя; позиция русских совершенно сдвинулась и ставила под угрозу путь отступления. Следующим этапом неуспеха явилось бы полное поражение. Сейчас армия еще находилась в порядке и могла, не расстраиваясь, отойти. Кутузов решил отступить ночью, что, бесспорно, явилось единственным разумным выходом.

Со своей стороны Наполеон мог ожидать отступления Кутузова: если бы он в этом отношении ошибся и русские 8-го еще продолжали бы оставаться на поле сраже-

С картины художника Верещагина

«КОНЕЦ БОРОДИНСКОГО БОЯ»

ния, то ему пришлось бы их вновь атаковать. Не подлежит ни малейшему сомнению, что он так бы и поступил. Другой вопрос, был ли бы в состоянии Наполеон, имея в распоряжении еще достаточно времени до конца дня и располагая значительной массой совершенно свежих войск, совершить в этот день еще одно большое усилие и довести свою победу до полного разгрома неприятеля? Конечно, это было бы более в духе того метода, которому он обязан столькими успехами на войне. Возможно, что новыми атаками всех родов войск он добился бы новых успехов и достиг бы того предела, за которым кавалерийские массы при преследовании могли бы завершить разгром русской армии. Однако, если стать полностью на ту точку зрения, которую в этот момент должен был занимать Наполеон, а именно вспомнить, как огромно было его предприятие в целом, какие громадные силы он собрал для него и как эти силы против всякого ожидания быстро таяли, вызывая опасение, что их может оказаться недостаточно, то станет понятным, что с этого момента важнейшей задачей для него могло представляться сохранение своей армии до того времени, когда пойдет речь о мире. Победа была в его руках, Москву он мог рассчитывать и так занять; выдвигать более крупную цель, поставив на карту последние силы, казалось ему, не вызывалось требованиями ни необходимости, ни разума.

Пусть нам не приводят того довода, что вследствие обычного противопоставления интересов обоих полководцев один из них обязательно должен был сделать ошибку, а именно: раз новый бой не был в интересах Кутузова, то он непременно должен был быть в интересах его противника. Это противопоставление относится лишь к конечной цели, но не к средствам. Обе стороны могут быть одинаково заинтересованы в том, чтобы избежать боя или избежать его. Если бы Наполеон имел твердую уверенность, что ему удастся окончательно разгромить русскую армию, он, конечно, затратил бы на это еще часть своих сил; но русские очень храбры, они еще сохраняли полный порядок, местность, являвшаяся довольно открытой для России, все же не представляла

вполне благоприятных условий для действий кавалерии; дорога на Москву была настолько широка, что русские могли следовать по ней двумя колоннами, рядом с которыми еще оставалось место для движения их артиллерии, так что отступление могло быть совершено, собственно говоря, четырьмя колоннами по одной и той же дороге, что чрезвычайно облегчало и обеспечивало отход армии. Все эти обстоятельства указывали, что игра будет нелегкая и связанная с крупными потерями. Далее, не надо забывать, что никогда оба полководца не базируются на одинаковых данных, что каждый из них всегда знает свое положение лучше, чем положение другого, а потому их умозаключения никогда не могут быть тождественными.

Итак, мы признаем, что итог Бородинского сражения не вызывает в нас никакого удивления в отношении поведения обеих сторон; наоборот, мы находим его вполне соответствующим естественному ходу событий.

Теперь еще несколько слов о диспозиции обеих сторон.

Как мы выше уже изложили, даже, может быть, слишком подробно, обе стороны располагались чрезвычайно тесно. Намеченный обход корпусом Понятовского, поскольку этот корпус насчитывал всего только 10 000 человек, являлся по существу ничтожным мероприятием, которое не могло оказать серьезного воздействия и которому сам Наполеон, повидимому, особого значения не придавал. В конечном счете это наступление являлось, собственно говоря, фронтальным ударом или нажимом на неприятельскую позицию; но поскольку эта позиция имела выгнутое очертание, то и нажим на нее являлся концентрическим; таким образом, осуществлялась лишь часть задач, обычно связываемых с производством обхода. Если Наполеон сохранял эту простоту замысла, то это доказывает, что он высоко расценивал ожидаемое сопротивление; простая форма, естественно, является наиболее осторожной, наименее рискованной, но в то же время и менее решающей. Если бы он только сковывал русский центр, который, бесспорно, по условиям местности был бесконечно сильнее левого фланга, а этот левый фланг

попытался бы обойти не 10 000 человек, а 50 000, то сражение было бы решено раньше и, надо полагать, с большими результатами. Конечно, такая форма наступления была рискованнее, так как Наполеону при этом пришлось бы отодвинуть массу своих войск значительно в сторону от пути отступления, и при неуспехе положение ухудшилось бы.

Кутузов по справедливости должен был бы себе сказать, что в бою против морально и материально превосходного противника на позиции, не являющейся сильной, нет никакого разумного основания рассчитывать на победу. Поэтому ему следовало базироваться на прочих преимуществах обороны, а именно на знакомстве с местностью и на обладании ею, чтобы использовать внезапность, т. е. ему следовало увязать свое оборонительное построение со средствами перехода в энергичное наступление.

Раз это контрнаступление должно было воздействовать посредством внезапного, а следовательно, короткого удара, то при выгнутом очертании фронта повести его следовало на том фланге, где нужно было ожидать атаки противника. Таковым, несомненно, являлся левый фланг; одно из преимуществ позиции русских и заключалось в том, что это можно было предвидеть с полной уверенностью.

Итак, мы полагаем, что Кутузову следовало, несомненно, принять меры для обороны местности вправо от Московской дороги до самой Москва-реки; эту оборону следовало даже возможно резко подчеркнуть и соорудить здесь много укреплений; впрочем, занимать этот участок надлежало лишь демонстративно, только лишь для того, чтобы иметь возможность отразить первый натиск; далее, ему следовало остальные войска правого крыла, корпус генерала Тучкова и часть кавалерии центра объединить в массу численностью в 50 000 человек и скрытно расположить ее на удалении добрых получаса ходьбы и даже большем позади левого фланга армии; местные условия — многочисленные заросли — благоприятствовали этому. Гвардия оставалась бы в прежнем своем положении, в качестве резерва обороняющейся части армии, а также для

прикрытия в первый момент левого фланга на случай направления против него главных усилий неприятеля.

Когда же после первого вступления, т. е. по истечении первых часов боя, масса войск, предназначенная для наступательных действий, была бы двинута против правого крыла неприятельской армии, то успех ее в больших по сравнению с ее естественной силой размерах зависел бы от степени внезапности ее появления, а также и от других случайных обстоятельств; во всяком случае ее естественная роль в сражении не отпала бы и не была бы умалена; таким образом, и в данном положении от соотношения сил обеих сторон зависело бы, кому идти вперед, а кому — отступать. Однако, русские имели бы то преимущество, что они находились бы по отношению к противнику в охватывающем положении.

Впрочем, довольно об этом!

В ночь с 7 на 8 сентября русская армия отступила, и притом, как мы уже упоминали, она двигалась по одной дороге четырьмя колоннами рядом. Прошла она всего лишь одну милю, а именно только за Можайск; это может служить достаточным доказательством того, что она сохраняла порядок и боеспособность, необычные после проигранного сражения. Автор также может засвидетельствовать, что он не заметил ни малейшего следа разложения в армии, о котором говорит в общем весьма беспристрастный французский писатель Шамбре. Число пленных не превышало нескольких тысяч, а число потерянных орудий исчисляется от 20 до 30. Следовательно, трофеи были незначительные.

Отсюда отступление до Москвы продолжалось безостановочно, но небольшими переходами. Бородино находится в 15 милях от Москвы, и это расстояние было пройдено в 7 переходов, так что через Москву армия прошла 14 сентября.

Командование арьергардом было возложено на генерала Милорадовича, арьергард состоял из 10 000 человек пехоты и приблизительно такого же количества кавалерии. При арьергарде находился и генерал Уваров со своим корпусом. Французы серьезно не нажимали на русский

арьергард. В авангарде шел Мюрат с огромной массой кавалерии. Обе стороны обычно сталкивались только после полудня, развертывались, начинали перестрелку, в течение нескольких часов велся артиллерийский огонь, после чего русские снова отходили на некоторое расстояние, и обе стороны становились биваком. Этот марш также носил характер известной усталости и стратегического бессилия.

Лишь один день является исключением: 10 сентября Милорадович находился на расстоянии всего полумили от армии, когда к вечеру, за час до захода солнца, перед ним появились французы в составе всех трех родов войск. Милорадович не мог уклониться от боя, так как при этом армии пришлось бы покинуть свой лагерь. Местность была довольно благоприятная, и Милорадович решил довести дело до крайности. Русская пехота, расположившаяся в мелкой лесной заросли на гребне небольшой возвышенности, дала энергичный отпор и, даже потеряв гребень, продолжала обороняться у подножия его еще свыше часа, несмотря на свое невыгодное расположение. Атаки французов отнюдь не имели демонстративного характера, но все же и здесь носили на себе какую-то печать бессилия. Бой продолжался до 11 часов вечера, и Милорадович удержался непосредственно у границ поля сражения.

Направление от Можайска на Москву, которое Кутузов избрал, также ставится ему в укор. Ему будто бы следовало двигаться по дороге через Верею на Тулу. Но на этой дороге он не нашел бы ни единого куска хлеба; все, что необходимо для армии в ее тылу, все эти силы, движущиеся взад и вперед и обслуживающие ее жизнь, находились на Московской дороге. Дорога на Верею несколько уклонялась в сторону и имела более угрожаемое направление; самая дорога была не так удобна, связь с Москвой легко и скоро могла быть утрачена, — все это представляло затруднения, требовавшие сугубого внимания от армии, только что потерпевшей поражение. К тому же этот отход на Калугу едва ли привел бы к осуществлению основной задачи. Оставалось до Москвы всего лишь 14 миль; Наполеон не затруднился бы отрядить ту-

да корпус в 30 000 человек, что при наличных обстоятельствах он мог бы сделать без малейшего риска; Москва все равно оказалась бы потерянной, а недалёковидные русские еще, пожалуй, обвинили бы Кутузова в том, что своим искусственным маршем он без нужды отдал Москву неприятелю. Итак, Кутузов остался на самом правильном пути отступления, что на его месте, вероятно, сделал бы всякий другой полководец.

Здесь мы хотим сделать несколько общих замечаний относительно отступления русской армии и преследования ее французами. Эти замечания могут способствовать уяснению общего результата этого похода.

Русские, начиная от Витебска и до самой Москвы, находили повсюду в более значительных провинциальных городах склады с хлебом, крупой, сухарями и мясом; кроме того, из внутренних областей к ним навстречу прибывали огромные транспорты с продовольствием, сапогами, кожей и другим снабжением. Поэтому в их распоряжении было всегда множество подвод, бесчисленное множество лошадей, которых без труда можно было прокормить, так как трава и овес росли в поле, а русские обозы и в мирное время обычно довольствуют своих упряжных лошадей на пастбищах, встречающихся повсюду. Это давало возможность русской армии располагаться лагерем на любом удобном для нее месте; главное, с чем приходилось считаться, это было наличие воды. Лето было исключительно жаркое и сухое; эта часть России не очень богата водой; более мелкие ручьи большей частью пересохли, а что в таких случаях представляют собой деревенские колодцы, всякий знает. В общем ощущался большой недостаток в воде, и полковник Толь почитал за счастье, когда он мог расположить армию лагерем у небольшого озера.

Так как за исключением остановки под Смоленском все отступление от Витебска до Москвы являлось по существу непрерывным движением, а начиная от Смоленска объект перехода почти всегда находился позади армии, то весь отход представлял крайне простое движение, почти без всяких признаков маневрирования, причем не приходилось особенно опасаться неприятельского маневрирования. Когда мы постоянно отступаем и все время отходим

в прямом направлении, то неприятелю очень трудно нас обойти, оттеснить в сторону и т. д.; к тому же надо помнить, что в этой стране очень мало дорог и крупных местных рубежей, так что в целом приходится считаться лишь с очень немногими географическими комбинациями.

Вследствие такого всестороннего упрощения крупного отступательного марша значительно сберегаются силы людей и лошадей; это по опыту известно каждому солдату. Тут не было заранее указанных мест встречи с долгим ожиданием на них, не было каких-либо движений взад и вперед, не было переходов по кружным дорогам, никаких внезапных тревог, словом, почти или вовсе не было тактического блеска и затраты сил. Даже служба сторожевого охранения не доставляла особых забот армии, так как ее несли привычные к ней казаки.

Где имелось рядом несколько удобных дорог, шли несколькими колоннами; а где боковые дороги становились плохими, вся армия двигалась по весьма широкому большаку, так что армию разделять ради снабжения не было надобности. Выступали в подходящий час, устраивались получше, а в изобильном корме ни люди, ни лошади никогда недостатка не имели. Правда, в большинстве случаев люди были лишены хлеба и должны были довольствоваться весьма плохими сухарями, которые, впрочем, не приносили вреда здоровью и были столь же питательны, как и хлеб. К этому надо добавить кашу, мясо и водку в изобилии. Лошадей приходилось преимущественно держать на подножном корму; но русские лошади привыкли питаться сеном, и автор здесь впервые убедился, что этот корм более питателен, чем мы привыкли думать. Сено же и притом наилучшего качества можно было найти повсюду. Русские дают лошадям по 15—20 фунтов сена в день; они пренебрегали спелыми овсяными снопами, лежавшими рядом в поле, считая их менее здоровым кормом.

Только кавалерия, находившаяся при арьергарде (а здесь находилась большая ее часть), была в менее благоприятных условиях, в особенности потому, что в ней почти никогда не приходилось расседлывать коней. Автор не напоминает такого случая, чтобы за все время от-

ступления ему когда-либо пришлось увидеть полк легкой кавалерии с расседланными конями; в результате почти у всех лошадей спины были в ранах.

Из всего этого мы можем заключить, что в материальном отношении русская армия за все 10 недель своего отступления чувствовала себя превосходно. Поэтому она таяла лишь постольку, поскольку она несла потери в боях; убыль же больными и отставшими была незначительна. Это сказалось довольно ясно в конечном счете.

Барклай и Багратион после отхода Витгенштейна располагали первоначально, не считая казаков, 110 000 человек. Подкрепления, которые постепенно вливались в армию во время ее отступления, можно оценить приблизительно в 30 000 человек. Через Москву же она прошла в составе 70 000 человек. Ее потери, таким образом, достигали 70 000, большая часть которых падает на бои.

Совершенно обратное наблюдалось у французов. Если русские благодаря особым обстоятельствам оказались в необычайно благоприятных материальных условиях, которые даже в других более крупных государствах с наибольшим процентом обработанной площади не были бы столь благоприятны, то в такой же мере французы оказались в необычайно невыгодном положении.

Продовольствие наступающей и преследующей армий представляет всегда большие трудности, так как к моменту образования продовольственного склада армия уже успевает вновь продвинуться на известное расстояние и для своевременного снабжения требуется огромный транспорт. Эти трудности растут с уменьшением населенности и количества посевов в стране. У продвигающегося вперед имеются только два выхода, которые могут облегчить его положение. Во-первых, время от времени ему может удасться захват продовольственных складов отступающего; во-вторых, не будучи вынужден, как последний, держать свои силы в совокупности крупными массами, он может их дробить и, следовательно, в большей мере довольствоваться войска за счет средств местного населения.

В России оба эти выхода отпадали: первый — потому, что русские большей частью поджигали свои магазины и

даже большинство сел и городов, которые они оставляли позади себя, второй — по причине малонаселенности страны и недостатка проселочных дорог. Для того чтобы не закрывать окончательно этот второй выход, Наполеон все время вел армию тремя колоннами, из которых колонны, шедшие справа и слева от большой дороги, по большей части состояли каждая из одного корпуса, т. е. составляли вместе от 30 000 до 40 000 человек. Из обстоятельного изложения некоторых французских писателей видно, что этим колоннам приходилось в походе преодолевать большие трудности, и они обычно заканчивали переход поздно ночью с огромной затратой излишних усилий.

Поэтому трудности продовольствия должны были очень рано сказаться во французской армии, и это было совершенно очевидно.

Большой недостаток в фураже терпела также кавалерия; то, что можно было найти на ближайших к дороге полях, было уже использовано русскими; фуражировки приходилось совершать на известном удалении, и корм был в этих условиях недостаточным.

Но главное затруднение составляла вода. Обычно уже русский арьергард находил все колодцы вычерпанными, а более мелкие ручьи — приведенными в состояние полной непригодности, поэтому ему приходилось довольствоваться более значительными речками и небольшими озерами, которые встречались не везде. Но так как русские имели возможность заблаговременно производить рекогносцировку и выбирать для расположения наиболее удобное место, то зло для них не было так велико, каким оно часто являлось для французского авангарда, который не мог выслать вперед рекогносцеров и, как общее правило, должен был располагаться там, где наткнулся на русский арьергард. При этом не имелось специальных карт страны, кроме так называемой «подорожной карты», которую французы воспроизвели в увеличенном масштабе и перевели на французский язык. Однако, при малом масштабе русского оригинала далеко не все населенные места были нанесены на ней и в еще меньшей мере мелкие особенности местности.

В памяти автора еще ярко сохранилось впечатление об удручающем недостатке воды во время этой кампании; никогда в жизни ему не приходилось в такой мере страдать от жажды: приходилось черпать влагу из самых отвратительных луж, чтобы избавиться от этой жгучей муки; что же касается мытья, то часто целыми неделями о нем не было и речи. Можно себе представить, как от этого страдала кавалерия; французы же, как уже было сказано, должны были страдать от этого вдвое больше. Хорошо известно, в каком плачевном состоянии французская кавалерия прибыла в Москву.

У русского арьергарда вошло в обыкновение поджигать занятые им деревни при оставлении их. Жители обычно еще раньше разбежались; все, что можно было найти из продовольствия и фуража, тут же поедалось, так что единственно, что еще оставалось — это деревянные строения, не представлявшие в этой местности особой ценности. В этих условиях не слишком заботились о сохранении их от слома или пожара, и одного этого уже было достаточно для разрушения большинства этих домов. То, что вначале было плодом небрежности и необдуманности, постепенно превратилось в правило, которое стало распространяться на небольшие и даже более крупные города.

Мосты также подвергались разрушению, у верстовых столбов уничтожали обозначение числа верст, что ликвидировало превосходное средство ориентировки. Французам часто нелегко было выяснить, на каком именно пункте дороги они находятся, так как местные жители встречались крайне редко.

Вследствие всех этих затруднений продвижение французов частью задерживалось, частью же чрезвычайно затруднялось и разрушительно действовало на силы людей и лошадей. Французам потребовалось 12 недель для того, чтобы от Ковно дойти до Москвы, что составляет всего только 115 миль; из выступивших из Ковно свыше 280 000 человек достигло Москвы не более 90 000 человек.

14 сентября русская армия прошла через Москву, а арьергард получил распоряжение следовать за нею в тот же день; одновременно генералу Милорадовичу было

поручено заключить с Неаполитанским королем соглашение, по которому русской армии будет дано несколько часов времени для полного очищения города. В случае отказа Милорадович должен был пригрозить, что русские будут драться с полным ожесточением у застав города и на улицах его.

Генерал Милорадович послал парламентаря к французскому авангарду для передачи пожелания переговорить с Неаполитанским королем, который, как было известно, командовал авангардом. Спустя несколько часов было получено уведомление, что к аванпостам прибыл генерал Себастиани. Это не понравилось генералу Милорадовичу, тем не менее он поехал на место и имел с французским генералом довольно продолжительный разговор, присутствовать при котором не был допущен никто из нас, находившихся в свите. После этого они вместе проехали добрый конец пути по направлению к Москве, и по разговору, который они вели, автор понял, что предложение генерала Милорадовича не встретило никаких возражений. Высказанное им пожелание, чтобы Москву по возможности пощадили, генерал Себастиани с большой живостью перебил словами: «Генерал! император во главе армии поставит свою гвардию, чтобы сделать совершенно невозможным какие бы то ни было беспорядки и т. д.». Это заверение он повторил несколько раз. Автору эти слова показались знаменательными, так как в них выражалось величайшее желание вступить во владение Москвой в полной сохранности, а с другой стороны, слова генерала Милорадовича, вызвавшие этот ответ, не позволяли верить в умышленное сожжение Москвы русскими.

Было около 3 часов пополудни, когда мы вступили в Москву, а между 5 и 6 часами мы уже развернулись за пределами города.

Москва в достаточной мере имела вид покинутого города. Несколько сот человек из беднейших слоев населения вышли навстречу генералу Милорадовичу и просили его защитить город. На улицах то и дело попадались кучки этих людей, печальными взорами следивших за нашим прохождением. Впрочем, улицы были еще так

запружены покидающими город подводами, что генералу Милорадовичу пришлось послать вперед несколько полков кавалерии, чтобы расчистить дорогу. Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут. Все эти несчастные были обречены на смерть.

Из города мы направились по Рязанской дороге и построились на расстоянии приблизительно 1 000 шагов от города.

Генерал Себастиани обещал, что передовые части французского авангарда вступят в город лишь через два часа после нашего ухода. Поэтому генерал Милорадович был крайне поражен, заметив, что два полка неприятельской легкой кавалерии стали разворачиваться перед нами, когда мы едва успели построиться за городом. Он немедленно послал парламентаря с просьбой переговорить с Неаполитанским королем. Но и на этот раз король не показался, считая, может быть, это ниже своего достоинства, и Милорадовичу снова пришлось довольствоваться разговором с тем же генералом Себастиани. Он сделал ему самые энергичные представления по поводу слишком поспешного движения вслед за русскими французского авангарда, на что Себастиани легко мог ответить указанием, что наше прохождение через город, задержанное различными обстоятельствами, затянулось на более долгий срок, чем то могли предполагать французы. В результате этих переговоров обе стороны продолжали стоять близко одна против другой, не предпринимая никаких враждебных действий. С этого места мы могли видеть, как через заставы, расположенные в стороне от нас, из поступающей Москвы непрерывной вереницей тянулись небольшие русские телеги, причем в эти первые часы французы их не тревожили; наоборот, казалось, что казаки все еще продолжают быть хозяевами этих частей города, тогда как французский авангард был занят исключительно русским арьергардом. Далее, мы отсюда наблюдали, как в крайних предместьях Москвы уже в нескольких местах подымались столбы дыма, являвшиеся, по мнению автора, следствием господствовавшего там беспорядка.

Во время второго свидания генерала Милорадовича с генералом Себастиани автор испытал горестное удовольствие: проезжая мимо развертывавшихся двух первых уланских полков, он внезапно услышал команду на немецком языке и притом с чисто берлинским акцентом: действительно, это были два прусских полка, из которых один — бранденбургские уланы — стоял постоянно в Берлине. Он использовал этот случай, чтобы через одного из офицеров подать о себе весть своим близким.

При прохождении через Москву автор с волнением ждал разрешения вопроса, по какой дороге мы направимся. Генерал Уваров заболел, его кавалерийский корпус окончательно перешел к Милорадовичу, и автор находился в свите этого генерала в качестве одного из второстепенных офицеров генерального штаба; поэтому ему случайно осталось неизвестным решение о направлении отступления. Для него было приятной неожиданностью, когда он увидел, что, по крайней мере, отступали не в прямом направлении на Владимир, а свернули вправо на Рязань. Он это связал с теми разговорами, которые велись в главной квартире офицерами генерального штаба. После сражения под Бородино автор этих записок не слышал от полковника Толя, к которому он ездил по делам службы, что, по его мнению, отступление за Москвой надо вести уже не по прежнему направлению, а что следует свернуть на юг. Автор с величайшей горячностью согласился с этим и употребил при этом вошедшее у него в привычку образное выражение, что в России можно играть со своим противником в «кошки и мышки» и, таким образом, продолжая отступление, под конец можно вновь привести противника к границе. В этом образном выражении, которое автор употребил в оживленном кратком разговоре, отражается главным образом пространственный фактор и выгоды гигантских протяжений, не дающих возможности наступающему простым продвижением вперед прикрывать пройденное пространство и стратегически вступить во владение им.

Развивая дальше эту мысль, автор еще ранее пришел к убеждению, что обширная страна европейской культуры может быть завоевана лишь при помощи внутреннего

раздора. Такое направление мысли не отвечало складу ума полковника Толя, и он главным образом напирал на большую урожайность южных областей, на более легкое пополнение армии и на значительное облегчение воздействия на стратегический фланг противника. При этом, однако, он выразил автору свое опасение, что ему не удастся провести эту мысль, так как генералитет очень отрицательно относится к ней.

Нередко на эту тему беседовали между собою и молодые офицеры генерального штаба. Таким образом, если этот вопрос и не был разработан до полной ясности, то, по крайней мере, был обсужден во всех подробностях.

Мы приводим здесь все эти обстоятельства, чтобы показать, что замысел перехода на Калужскую дорогу, по поводу которого впоследствии так шумели и который в теории военного искусства получил оценку высочайшего достижения, не возник внезапно в голове полководца или кого-либо из его советников наподобие того, как Минерва родилась из головы Юпитера. Вообще мы всегда были убеждены, что идеи на войне большей частью так просты и доступны, что нахождение этих идей отнюдь не составляет заслуги полководца. Умение выбрать из представленных пяти или шести идей именно ту, которая даст наилучший результат, может основываться только на проницательности, быстро охватывающей и оценивающей множество смутно воспринимаемых отношений и при помощи одной интуиции мгновенно принимающей решение, — вот это свойство скорее может считаться основной добродетелью полководца, но это нечто совершенно отличное от изобретательского дарования.

Но главное — это трудность выполнения. На войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно. Орудие войны походит на машину с огромным трением, которое нельзя, как в механике, отнести к нескольким точкам; это трение встречается повсюду и вступает в контакт с массой случайностей. Кроме того, война представляет собой деятельность в противодействующей среде. Движение, которое легко сделать в воздухе, становится крайне трудным в воде. Опасность и напряжение — вот те стихии, в которых на войне действует разум. Об этих сти-

хиях ничего не знают кабинетные работники. Отсюда получается, что всегда не доходишь до той черты, которую себе наметил; даже для того, чтобы оказаться не ниже уровня посредственности, требуется недюжинная сила.

После этого признания мы полагаем, что нимало не преуменьшим заслуг командования русской армией утверждением, что мысль продолжать отступление не назад, а в сторону, сама по себе не представляет еще большой заслуги, и она была переоценена писателями.

Чтобы каждую вещь поставить на принадлежащее ей место, мы должны еще добавить, что конечный успех кампании отнюдь не имел своим источником эту мысль и не был тесно связан с нею. Изменение направления отступления получало бы значение, главным образом, в том случае, если бы оно явилось одним из средств заставить неприятеля уйти из страны. Это, однако, не имело места в данном случае, так как состояние французов требовало, чтобы они во всяком случае покинули страну, раз им не удалось заключить мир. Насколько нам теперь известно положение дел, Наполеон не имел никакой возможности ни следовать за Кутузовым по направлению к Владимиру, если бы последний избрал его для отступления, ни зимовать в Москве. В любом случае он был вынужден идти назад, так как стратегически он был истощен и должен был использовать последние силы ослабевшего тела на то, чтобы доташиться назад. Единственная цель этого замечания — точное указание причинной связи, так как все же этот переход представлял существенную заслугу уже потому, что в русской армии не знали в точности действительного состояния французской армии и считали ее все еще способной продолжать наступление. Кроме того, фланговая позиция Кутузова на Калужской дороге давала выгоду более легкого воздействия на путь отступления и, следовательно, в некоторой степени способствовала достижению благоприятного результата; однако, она отнюдь не должна рассматриваться как решающий фактор.

Автору неизвестно, каким путем полковнику Толю удалось провести свой взгляд. Рассказ, передаваемый полковником Бутурлиным в своей истории 1812 г., в глав-

ных чертах, вероятно, соответствует действительности; однако, нас трудно убедить в том, будто Кутузов уже при выборе Рязанской дороги имел намерение перейти впоследствии с этой дороги на Калужскую. Ведь из Москвы ему было бы гораздо удобнее это сделать; ведь его блестяще выполненный фланговый марш, как бы хорошо он ни был организован, должен был все же представляться рискованным.

Если полковник Толь еще до прибытия в Москву хотел свернуть в направлении Калуги, то при этом он думал исключительно о том, чтобы не подвергать опасности Москву, так как произвести поворот в самой Москве было всего легче. Кутузов выбрал Рязанскую дорогу, потому что она была средняя дорога и представляла своего рода равнодействующую мнений, высказанных на военном совете. Надо полагать, что полковник Толь склонил его к движению налево лишь позже, потому что вскоре оказалось, что это движение можно выполнить без труда. Именно в первые дни французы настолько были заняты захваченной Москвой, что продвигались вперед весьма медленно и притом только по Рязанской дороге. От казаков, рыскавших по всем дорогам, стало известно, что окрестности Подольска еще совершенно свободны; кроме того, дорога туда была до известной степени прикрыта протекающей в довольно глубокой долине рекой Пахрой. На третий день после того, как мы покинули Москву, т. е. 16 сентября, было принято решение относительно флангового марша, 17-го и 18-го он был выполнен, и мы вступили на Тульскую дорогу.

Надо полагать, что эта дорога и была первоначальной целью флангового марша, и лишь после того, как старший главнокомандующий увидел, что дела идут так хорошо, он дал себя убедить предпринять третий марш до старой Калужской дороги, так как на Тульской мы задержались целый день.

Весь этот переход был выполнен настолько удачно, что французы на несколько дней совершенно потеряли соприкосновение с нами.

Во время этого перехода мы видели, как Москва непрерывно горела, хотя мы находились от нее в 7 милях,

все же по временам ветер доносил до нас пепел. Хотя русские уже были приучены к жертвам пожаром Смоленска и многих других городов, все же пожар Москвы поверг их в глубокую печаль и еще более усилил в них чувство негодования против врага, которому приписывали этот пожар как акт подлинного зверства, как следствие его ненависти, высокомерия и жестокости.

Здесь мы подходим к вопросу о причине пожара. Читатель уже мог заметить, что командование армии, по видимому, проявляло скорее заботу о сохранении Москвы, чем намерение ее разрушить; так, по всей вероятности, оно и было. В первое мгновение в армии пожар рассматривался как великое несчастье, как подлинное бедствие. Растопчин, которого автор этих записок имел случай встретить в небольшом обществе приблизительно через неделю после начала пожара, отмахивался руками и ногами от начинавшей тогда только зарождаться мысли, будто он поджег Москву. Те беспорядки, которые видел автор на улицах Москвы при прохождении арьергарда, и то обстоятельство, что столбы дыма впервые стали подниматься над окраинами города, где еще хозяйничали казаки, привели его к убеждению, что пожар Москвы явился следствием этих беспорядков, а также сложившегося у казаков обычая сначала подвергать грабежу, а потом поджигать все населенные пункты, которые приходилось уступать неприятелю. Что не французы подожгли город, в этом автор был твердо уверен, так как он видел, как они дорожили сохранением его в неприкосновенности; что пожар Москвы был делом рук русских властей, это, казалось, не подтверждалось никакими данными, а горячие и решительные заверения того человека, который должен был бы являться главным виновником этого дела, по видимому, не оставляли никаких сомнений. Если бы Растопчин действовал, имея в виду великую жертву, которую необходимо принести, он не стал бы так решительно отрекаться. Поэтому автор долго не мог поверить, чтобы поджог Москвы был сделан умышленно. Однако, после всех тех показаний, которые стали теперь известны, и в особенности после мало убедитель-

ной оправдательной записки, опубликованной по распоряжению графа Растопчина, автор не только усомнился в правильности своего первоначального взгляда, но даже почти пришел к убеждению, что, несомненно, Растопчин велел поджечь Москву и притом под собственную ответственность, без ведома правительства. Возможно, что немилость, которой он подвергся, и его продолжительное пребывание вне России явились последствием такого самоуправства, которое русский самодержец редко прощает.

По всей вероятности, в намерения правительства входила лишь эвакуация города, отъезд казенных учреждений и более знатных жителей, если вообще у него еще было время вмешаться в это дело; а это было возможно лишь в том случае, если бы еще в момент оставления Смоленска был поставлен вопрос о возможной эвакуации Москвы. Во всяком случае эта мера, если бы даже она была выполнена по единоличному распоряжению Растопчина, получила бы полное одобрение правительства. Правда, от этой меры до поджога города шаг уже не так велик. Невероятным является, чтобы правительство и, главное, император Александр желали и предписали бы этот поджог. Это слишком противоречит мягкому характеру императора и столь же мало подходит к министерству, стоявшему изолированно и не опиравшемуся на воодушевление и фанатизм большого народного собрания. Между тем, ответственность, которую на себя брал Растопчин, была огромна, потому что, как бы мало приготовлений ни требовало такое дело, он все же нуждался в нескольких исполнителях, которые получали бы непосредственно от него соответственные приказания. Таким образом, если он сам совершил это дело, то, очевидно, он находился в состоянии страстного возбуждения и озлобления, придавшего ему силу принять решение, выполнение которого представлялось для него опасным и которое не могло ему принести ни чьей-либо благодарности, ни почета.

Личность графа Растопчина не такова, чтобы можно было предположить, что движущей силой его поступка были экзальтированное чувство или грубый фанатизм.

Он обладает характером и образованием ловкого светского человека, привитыми к ярко выраженной русской натуре. С Кутузовым он находился в открыто враждебных отношениях, причем Раstopчин обвинял Кутузова в том, что он до последней минуты нагло лгал, уверяя его и весь свет, что попытается для спасения Москвы дать еще одно сражение.

Во всяком случае одним из самых замечательных явлений истории является то, что деяние, оказавшее по распространенному мнению столь огромное влияние на судьбу России, подобно плоду преступной любви, не имеет отца и, повидимому, так и останется навсегда невыясненным.

Безусловно, нельзя отрицать, что пожар Москвы был очень невыгоден для французов; если он еще сильнее отдалил Александра от мысли заключить мир и послужил средством для экзальтации народа, то в этом, пожалуй, заключалось главное зло, какое он причинил французам. С другой стороны, было бы переоценкой единичного фактора смотреть на пожар Москвы как на главную причину неудачи всего похода; обычно французы делают эту ошибку. Конечно, известные материальные ценности, которыми французы могли воспользоваться, погибли во время пожара, но более всего они нуждались в людях, а таковых не нашлось бы и в уцелевшей Москве.

Армия в 90 000 человек с истощенными людьми и окончательно заморенными лошадьми, загнанная острым клином на 120 миль в глубь России, имевшая справа неприятельскую армию в 110 000 человек и кругом себя вооруженный народ, армия, вынужденная строить фронт ко всем странам света, не располагающая продовольственными складами и достаточным запасом снарядов и патронов, имеющая единственный путь сообщений, проходящий по совершенно опустошенной местности, не находится в условиях, допускающих расположение на зимних квартирах. Но если Наполеон не имел полной уверенности в том, что будет в состоянии продержаться в Москве целую зиму, то ему следовало начать отступление до начала зимы, и в этом случае сохранение или

гибель Москвы не могли иметь особого значения. Отступление Наполеона было неизбежно, и самый поход его оказался неудавшимся с той минуты, когда император Александр отказался заключить мир. На достижении этого мира были построены все расчеты; в этом отношении Наполеон, конечно, ни минуты не обманывался.

В конце нашего повествования мы поместим несколько соображений относительно наполеоновского плана кампании, и все то, что по этому поводу можно было бы сказать, мы пока откладываем.

В этот период в русской армии господствовало настроение печали и подавленности, причем на мир в ближайшем же будущем смотрели как на единственный возможный исход. Нельзя сказать, чтобы армия сама утратила мужество, наоборот, в ней сохранилось солдатское чувство гордости и превосходства; такое чувство всегда укрепляет армию независимо от того, является ли оно обоснованным или нет. Но доверие к общему руководству войной сохранялось лишь в ничтожной мере; большие потери, уже понесенные государством, казались подавляющими, а исключительной стойкости и энергии в наступившей беде от правительства, видимо, не ждали. Поэтому близкий мир рассматривался как вероятное и даже желательное явление. Что об этом действительно думал князь Кутузов, вероятно, никто достоверно не знал; внешне же он подчеркивал, что резко возражает против каких-либо мирных переговоров.

Отсюда видно, как мало было в армии подлинного понимания сложившейся обстановки в целом. Тем не менее, мы были уже близки к кульминационному пункту наступления французов; уже приближался момент, когда поднятый ими, но непреодоленный груз всей своей тяжестью должен был обрушиться на них самих. Генерал Барклай, который занимал второе место в армии и в качестве военного министра должен был ближе всего быть знаком с войной в целом, находясь в окрестностях Воронова в начале октября, т. е. приблизительно за две недели до отступления французов, сказал автору и нескольким офицерам, явившимся к нему по случаю нового назначения: «Благодарите бога, господа, что вас

отсюда отзывают, ведь из всей этой истории никогда ничего путного не выйдет».

Мы держались другого мнения; правда, мы были иностранцы, а последним легче сохранить объективность. Всем сердцем мы принимали участие в судьбах этой войны, но все же переживали горе глубоко уязвленной, страждущей и угрожаемой в самом ее существовании России не так остро, как русские. Такие переживания всегда оказывают известное воздействие на способность суждения. Мы дрожали лишь при мысли о мире и трудности момента рассматривали лишь как великое средство к спасению. Однако, мы остерегались громко высказываться, так как за такие речи на нас взглянули бы весьма косо.

В Петербурге совершенно правильно оценивали оборот, который принимала война, и надо добавить, что такой взгляд сложился у императора не в последнюю минуту, а в более ранний период развертывания событий.

Постоянные донесения, получаемые императором из армии о ежедневных потерях неприятеля, которые, впрочем, может быть, писались преимущественно с целью пролить бальзам на раны, а не из глубокого убеждения в их истинности, победа Витгенштейна под Клястицами, первое сражение под Полоцком, в котором победа осталась под сомнением, несмотря на превосходство сил французов, взятие в плен саксонцев в Кобрине, подход Молдавской армии и Штейнгеля к обоим крайним флангам, правда, не преднамеренный, но вызванный обстоятельствами глубокий отход внутрь страны за Смоленск,— во всем этом правящие люди в Петербурге увидели занимающуюся зарю надежды. При удалении в 100 миль от кровавых полей сражения, от разоренных сел и городов, от горестного отступления собственной армии и торжествующего продвижения неприятельской суждения бывают спокойнее и самостоятельнее. С этой точки зрения на отъезд императора Александра из армии приходится смотреть как на счастье.

Итак, вернувшись в Петербург, одушевленный первыми благоприятными симптомами возможного успеха, подкрепленный советами нескольких крупных людей, среди

которых, конечно, находился и господин фон-Штейн, император по своем возвращении принял решение не внимать никаким мирным предложениям, повсюду возможно энергичнее торопить вооружение и руководить войной в целом из Петербурга.

Мы видели, что идея отвести назад центр и затем действовать на фланги неприятеля лежала в основе первоначального замысла этой кампании, правда, в недостаточном масштабе. А теперь обстоятельства сами собою сложились так, что центр противника находился глубоко внутри России, в то время как правое крыло французов оставалось еще у границы, а левое — на Двине. Оба главных подкрепления из кадровых войск — Молдавская армия и дивизия из Финляндии — были двинуты по вполне обоснованному для них направлению против флангов, поэтому вполне естественным (что несколько не умаляет его заслуги) являлось решение императора вернуться к первоначальной идее и осуществить ее в более крупном масштабе. Итак, было решено двинуть в тыл великой французской армии две армии в южной Литве и две — в северной, а именно армии Чичагова, Сакена, Витгенштейна и Штейнгейля; им было поставлено задачей отбросить стоявшие против них более слабые силы неприятеля, а затем наступать на основную артерию сообщений главных сил с целью перервать эту стратегическую артерию и в то же время преградить путь отступления возвращающимся главным силам.

Это решение было принято в Петербурге в начале сентября, и тогда же были отданы соответственные распоряжения. В то время исход Бородинского сражения еще не был известен, однако, как видно, принятые мероприятия были рассчитаны скорее на случай проигрыша, чем выигрыша сражения, что являлось вполне разумным. До сих пор весь образ действий императора Александра являлся безупречным. Однако, распоряжения для четырех армий были составлены чересчур подробно, что являлось непрактичным и свидетельствовало о недостатке военного опыта. Результаты ясно это доказали, так как ни одна из этих диспозиций не могла быть выпол-

нена. Знаменательно и характерно для порядков русского управления: силы, которые должны были сосредоточиться в Риге и у Витгенштейна, не имели и половины той численности, которая учитывалась в Петербурге. В результате, когда теперь читаешь петербургские диспозиции и сопоставляешь их с тем, что произошло в действительности и могло иметь место, то они производят отчасти комическое впечатление. Полковник генерального штаба Мишо, который был назначен флигель-адъютантом императора и пользовался тогда большим авторитетом, вероятно, принимал в разработке этих диспозиций преимущественное участие. Он был очень образованный офицер, перешедший из Пьемонтской армии, но, повидимому, не имел вполне ясного представления о ведении большой войны и во всяком случае не имел практики в подобной работе.

Тотчас после прохода через Москву генерал Милорадович покинул арьергард, командование которым перешло к генералу Раевскому; состав арьергарда тоже подвергся изменению, вследствие чего автор вернулся в распоряжение главной квартиры. Когда он прибыл в штаб и представился генералу Беннигсену, ему вручили приказ императора, согласно которому он назначался начальником штаба гарнизона Риги. Место это раньше занимал другой, перешедший из прусской службы офицер, подполковник фон-Тидеман, убитый во время вылазки 22 августа. Император пожелал иметь в этой должности немецкого офицера и вспомнил об авторе. Приказ уже лежал несколько недель в главной квартире и в сумятице текущих дел остался бы совершенно позабытым, если бы один из младших офицеров по дружбе не сообщил о нем автору.

Назначение к генералу Эссену обещало автору более соответственный круг деятельности, чем работа в одной из дивизий или одном из кавалерийских корпусов главной армии, где вследствие недостаточного знания языка он при неимоверных усилиях являлся лишь посредственным работником. Поэтому трудности кампании ложились на него двойным бременем, и он с удовольствием принял свое назначение. 24 сентября после кое-каких мелких

задержек выехал он, снабженный надлежащей подорожной (путевым паспортом) из Красной Пахры, чтобы следовать на почтовых через Серпухов, Тулу, Рязань, Ярославль и Новгород в Петербург, там снова снарядиться всем необходимым и затем отправиться в Ригу.

Но уже при переезде через Оку у Серпухова его задержали дружинники, так как он не мог объясниться по-русски. Ни его подорожная, ни целый чемодан официальных русских писем, ни русский приказ о его перемещении, ни мундир не могли рассеять подозрений ополченских офицеров. Немец или даже, как полагало большинство, француз, да еще сопровождаемый слугой-поляком, казался им чересчур подозрительным. Они принудили автора повернуть обратно в главную квартиру с офицером, который туда возвращался. Чтобы не попасть снова в подобное положение, автор решил дожидаться курьера и отправиться с ним вместе. По прошествии нескольких дней оказалось, что граф Шазо и барон Бозе, перешедшие первый из прусской, а второй из саксонской армии на русскую службу и проделавшие кампанию в свите наследного принца Ольденбургского, должны были ехать в Петербург, чтобы приступить к организации немецкого легиона; им дали для сопровождения русского фельдъегеря, и автор решил к ним присоединиться. В некоторых небольших городах во время этого путешествия нас чуть было снова не приняли за шпионов и не арестовали, несмотря на сопровождавшего нас фельдъегеря. Граф Шазо по дороге так расхворался, что нам часто приходилось останавливаться на ночлег; по этой причине мы были в дороге 14 дней и достигли Петербурга только в середине октября.

Когда в Ярославле мы представлялись второму принцу Ольденбургскому, который тогда вернулся на работу в эту губернию и проявил себя весьма полезным и деятельным администратором, великая княгиня Екатерина Павловна дала нам аудиенцию. Французы еще не начали отступать, но убеждение, что они должны и будут отступать, вдруг создалось повсюду, и лишь немногие верили в возможность новых наступательных действий

французов в южном направлении. Великая княгиня проявила огромный интерес к известиям из армии, она задавала нам весьма разумные и продуманные вопросы, и заметно было, как серьезно она взвешивала все то, что мы ей могли сообщить. Она задала автору вопрос, как он себе представляет, что предпримет теперь Наполеон, будет ли это простое отступление и по какой дороге. Автор отвечал, что он не сомневается в отступлении французской армии в самом скором времени, а также считает бесспорным, что французы пойдут по той же самой дороге, по которой они пришли; повидимому, у великой княгини уже раньше сложилось то же самое убеждение.

Так как мы теперь совершенно отходим от главной армии, то позволим себе сделать несколько замечаний относительно отступления Наполеона и главным образом относительно его направления.

Мы никогда не могли понять тех, кто так упорно отстаивает мысль, будто Наполеону следовало избрать для своего обратного пути другую дорогу, а не ту, по которой он пришел. Откуда мог он довольствоваться армией помимо заготовленных складов? Что могла дать неистощенная местность армии, которая не могла терять времени и была вынуждена постоянно располагаться биваками в крупных массах? Какой продовольственный комиссар согласился бы ехать впереди этой армии, чтобы реквизировать продовольствие, и какое русское учреждение стало бы исполнять его распоряжения? Ведь уже через неделю вся армия умирала бы с голода.

Отступающий в неприятельской стране, как общее правило, нуждается в заранее подготовленной дороге; кто следует назад при весьма невыгодно складывающейся обстановке, вдвойне нуждается в таковой; а тот, кто собирается совершить по России обратный путь в 120 миль, нуждается в ней втройне. Под «подготовленной дорогой» мы разумеем дорогу, которая обеспечена соответственными гарнизонами и на которой устроены необходимые армии магазины.

Марш Наполеона на Калугу являлся совершенно необходимым началом его отступления, но вовсе не означает, что Наполеон имел в виду избрать новый путь. От Тарутина, где находился Кутузов, до Смоленска на три перехода меньше, чем от Москвы, где располагался Наполеон; поэтому, прежде чем начать свое действительное отступление, Наполеону надо было потеснить русскую армию, чтобы уничтожить это ее преимущество. Конечно, ему было бы еще приятнее, если бы удалось маневрированием заставить Кутузова отойти к Калуге. Он надеялся достигнуть этого посредством внезапного перехода со старой дороги на новую, что создавало угрозу левому флангу Кутузова. Но так как ни этот маневр, ни попытка налета открытой силой у Малоярославца не удалась, то он предпочел отказаться от этой задачи и решил, что теперь не время терять в общем сражении еще 20 000 человек из тех небольших сил, какие у него еще оставались, для того чтобы как-нибудь закончить кампанию отступлением.

То обстоятельство, что отступление Наполеона началось с кажущегося нового наступления в южном направлении, имело для него, поскольку мы знаем характер этого человека, большое значение.

С того пункта, где Наполеон столкнулся с Кутузовым, ему, правда, предстояло пройти участок новой дороги, чтобы выйти на старую; однако, движение по этому участку не представляло таких трудностей, как отступление в новом направлении, ввиду того что этот участок дороги находился на его фланге, посредине между французской армией и французскими отрядами, находившимися на Смоленской дороге. К тому же он подготовил этот участок дороги, выдвинув вправо Понятовского, который начал с того, что отобрал у русских захваченную ими перед тем Верею. Наполеон в возможной степени сократил этот кусок дороги. Из Малоярославца он двинулся не прямо на Вязьму, так как эта дорога по своему направлению чересчур была открыта, а вернулся в Боровск, а оттуда двинулся прямым путем через Верею на Можайск. Какое же может быть сомнение в том,

что это решение было обусловлено самыми вескими причинами!

К тому времени, когда автор прибыл в Петербург, в рижском командовании произошла перемена. Маркиз Паулуччи, о котором мы говорили раньше, сменил генерала Эссена. Автору крайне не хотелось состоять при особе этого странного человека. В это же время пришло известие о начале отступления французов; следовательно, можно было предвидеть, что Рига окажется совершенно в стороне от военных действий; ввиду этого автор обратился с просьбой к герцогу Ольденбургскому, который организовывал в Петербурге русско-немецкий легион, предоставить ему теперь обещанное ранее место старшего офицера генерального штаба легиона, а так как до окончательного сформирования легиона лицо, занимающее эту должность, оставалось без дела, то автор просил одновременно ходатайствовать перед императором разрешить ему отправиться в армию Витгенштейна и оставаться там на службе до тех пор, пока легион не будет включен в состав действующей армии. Император удовлетворил это двойное ходатайство, и неделю спустя автор, дождавшись изготовления депеш, доставить которые ему было поручено, выехал 15 ноября из Петербурга через Псков и Полоцк в Чашники, в главную квартиру генерала Витгенштейна, куда он прибыл несколько дней спустя после боя под Смоленцами.

В главной квартире Витгенштейна царило известное самодовольство и гордая уверенность в себе в связи с достигнутыми успехами; это составляло известный контраст с настроением, господствовавшим в штабе главной армии.

Витгенштейн выполнил задачу по прикрытию Петербурга, и это, помимо реальных наград, полученных им от монарха, вызвало еще целый поток самых лестных похвал со стороны жителей этой столицы, что еще более увеличило ореол его славы. В самом деле, можно было быть вполне довольным операцией, которую провел генерал Витгенштейн. В моральном отношении он никогда не уступал, а порою и превосходил своего противника; он в полной мере выполнил возложенную на него задачу,

и на этом театре военных действий успех постоянно оказывался не на стороне французов, причем удача являлась не простым следствием складывавшейся обстановки, а вытекала главным образом из успехов русского оружия.

Если подсчитать силы трех корпусов, действовавших против Витгенштейна, а именно Удино, Сен-Сира и Виктора, а также кирасирскую дивизию Думера, то первоначальная их численность составляла 98 000 человек. Между тем, численность войск, сражавшихся до этого времени под командой Витгенштейна, безусловно, не превышала 75 000 человек. Следовательно, ему удалось нейтрализовать наступление превосходных сил противника, не уступив при этом территории; напротив, он добился такого перевеса, что оказался в полной готовности принять участие в намеченном в Петербурге преграждении пути отступления главной французской армии. Такие результаты, достигнутые против французских войск под командой наполеоновских генералов, вполне заслуживают того, чтобы их назвали славным походом.

Генерал Витгенштейн был человек за 40 лет, полный усердия, подвижности и предприимчивости. Впрочем, его уму недоставало некоторой ясности, а деятельность его не отличалась выдающейся энергией.

Начальником его штаба был генерал-майор д'Овре, саксонец по рождению; ему было свыше 50 лет, и он уже давно находился на русской службе. Это был в высшей степени добродушный человек, отличавшийся благородным характером, деловитостью и широким общим образованием. При его добросовестности и усердии забота о благе государства служила постоянным стимулом его деятельности. Но солдатского ремесла он не усвоил полностью. Он не умел браниться и быть резким, что часто является необходимым.

Генерал-квартирмейстером был генерал-майор Дибич. Пруссак по рождению, он еще молодым человеком из прусского кадетского корпуса поступил на русскую службу, сделал быструю карьеру в гвардии и в генеральном штабе и достиг чина полковника; в течение этой

кампании в возрасте 27 лет он уже был произведен в генералы. В штабе армии Витгенштейна он был главным действующим лицом.

С юных лет он отличался прилежанием и приобрел по своей специальности ценные познания. Пылкий, храбрый и предприимчивый, способный к быстрым решениям, он отличался большой твердостью и здравым смыслом, смелостью и властностью и умел увлекать за собою людей; честолюбие его было очень большое. Таков был генерал Дибич, и эти качества выработали в нем упорство в достижении целей. Обладая благородным сердцем, открытым и честным характером и не имея ни малейшей склонности к интриге, он не мог не покорить в скором времени генерала Витгенштейна и генерала д'Овре. Как мы видим, главная квартира Витгенштейна в лице трех главнейших ее представителей состояла из людей, полных усердия и доброй воли, без малейшей задней мысли, причем у них не было недостатка ни в пронизательности ума, ни в пылкости характера. При беспристрастном и трезвом исследовании отдельных эпизодов похода Витгенштейна они окажутся вполне отвечающими качеству работы его штаба.

Когда автор прибыл в эту армию, она только что отразила последнюю попытку французских маршалов атаковать ее под Смоленцами. Армия оценивала этот бой как новую победу; в войсках говорили о 17 настоящих сражениях, которые дала витгенштейновская армия. Этим хотели лишь отметить ту значительную активность, которая царила на этом театре войны. На победу же при Смоленцах смотрели как на успех в чисто оборонительном сражении, в котором преследование не играет особой роли.

Согласно инструкции императора Витгенштейн должен был совершенно вытеснить из этого района маршала Удино, отбросить его к Вильно и затем всецело предоставить Штейнгелю удерживать его от дальнейшего участия в кампании. Не останавливаясь на курьезной путанице этой крайне непрактичной диспозиции, мы здесь только отметим, что все это не осуществилось. Удино отошел к Виктору в район между Днпром и

Двиной, и только состоящий из нескольких тысяч человек 6-й корпус отошел к Вильно; Штейнгейлю не удалось сформировать отдельную армию, и лучшее, что он мог сделать, — это присоединиться к Витгенштейну.

Витгенштейн располагал немногим больше 40 000 человек; силы Удино и Виктора оценивались, по меньшей мере, как равные. К тому же надо было оставить что-нибудь и против Вреде; таким образом, если бы Витгенштейну удалось лишь сковать находившиеся против него неприятельские корпуса, то и в этом случае у него было бы достаточно дела. Сверх того, в инструкции значилось, что Витгенштейн должен занять реку Улу ниже Лепеля, а затем ожидать дальнейших распоряжений.

Все это не давало Витгенштейну каких-либо оснований покидать окрестности Чашников.

Итак, он спокойно оставался еще 8 дней после боя под Смоленцами на месте. 20 ноября он узнал, что стоявшие против него маршалы продвигаются по направлению к Березине, что служило признаком приближения главной французской армии, о которой, впрочем, знали только то, что она в сильно ослабленном состоянии достигла Смоленска. Витгенштейн решил двинуть свои авангарды, стоявшие на дорогах в Черее и Холопеничи, непосредственно за неприятелем, а с главными силами перейти в Черее, где он все еще сохранял возможность прикрывать Улу, и если бы Наполеон избрал это направление, то преградить ему путь за этой рекой.

22-го Витгенштейн узнал о прибытии в Борисов Чичагова. Последний предложил ему подойти к Борисову настолько, чтобы они могли действовать совместно. С этой целью генерал Витгенштейн перешел 24-го в Холопеничи. Здесь стало известным о боях под Красным, а также, что Наполеон 19-го был в Орше, а Кутузов, остановившись на несколько дней для отдыха, выслал для преследования всего лишь авангард в 20 000 человек, который двигался за французами на расстоянии одного перехода. В то же время поступило сообщение о чрезвычайно неудачном бое, который имела на левом берегу

Березины дивизия Палена, входившая в состав армии Чичагова.

Теперь все нити увязывались в один решающий узел. Армия адмирала Чичагова преграждала переправу через Березину у Борисова и на переход вверх и вниз по течению ее. По данным, имевшимся об этой местности, можно было с достаточной уверенностью полагать, что французская армия не в состоянии в этом районе форсировать переправу.

Таким образом, зародилось предположение, что она свернет либо вправо, либо влево и двинется или по дороге на Лепель, или по дороге на Бобруйск. В данных условиях более вероятным представлялось, что она направится на Бобруйск, так как в направлении Лепеля она должна была столкнуться с Витгенштейном. Витгенштейн, который нес особую ответственность за Лепель и Улу, должен был считаться с последней возможностью и, следовательно, занять такое положение, которое позволяло бы перейти на Лепельскую дорогу или занять линию реки Улы. Поэтому он не мог двинуться за Березину на соединение с Чичаговым. Самым верным способом обеспечить свое участие в предстоящих событиях было бы движение Витгенштейна 25-го или 26-го прямо на большую дорогу, ведущую от Смоленска на Борисов.

Если бы оказалось, что Наполеон уклонился влево, то Витгенштейн этим движением приближался к нему, а если бы он еще находился на большой дороге или продвигался бы на Лепель, то можно было бы его атаковать и расстроить все его планы.

Однако, раньше всего Витгенштейн имел против себя двух французских маршалов, соединенные силы которых расценивались им почти как равные ему по силам. Если даже один из них и повернул бы на Борисов, то все же он находился бы неподалеку по сю сторону реки, так что другой маршал мог легко оказать ему поддержку. Так называемая великая французская армия, приближавшаяся под личным водительством Наполеона, по некоторым сведениям все еще достигала 80 000, а по минимальной оценке ее численность все же определялась в 60 000 человек боеспособных солдат. Не следует чрезмерно удив-

ляться столь преувеличенной оценке: правда, было известно, что французы понесли огромные потери, но думали, что эти потери будут достаточно верно учтены, если из общего числа в 300 000 человек, прошедших по этой дороге три месяца тому назад, все же признать уцелевшими 60 000 боеспособных солдат. Последние официальные данные, имевшиеся относительно численности неприятельской армии, относились ко времени, предшествовавшему боям под Красным; тогда эти данные являлись значительно преувеличенными Кутузовым, а огромные потери, понесенные неприятелем во время и после этих боев, точно установить было невозможно. Наблюдение, производимое во время рекогносцировок, крайне затруднялось, так как не легко было разобраться, какая часть движущейся массы французов была еще боеспособна и какая представляла безоружных. Словом, понятно и простиительно, что в главной квартире Витгенштейна полагали, что имеют перед собой армию в 90 000 — 100 000 человек, тогда как теперь мы знаем, что она равнялась приблизительно 30 000.

От адмирала Чичагова Витгенштейн не мог ждать никакой помощи, так как тот был связан сильно растянутым оборонительным расположением; сверх того, при его попытке переправиться через реку он получил такую здоровую пощечину, что можно было предвидеть, что едва ли он захочет подставить себя под вторую такую же. Главная русская армия отказалась от непосредственного преследования, и даже ее авангард отстал на целых два дневных перехода. Таким образом, Витгенштейн оказался в полном одиночестве и в первый день боя не мог рассчитывать на какую-либо поддержку, не было достаточной уверенности на получение ее и во второй день. При таких обстоятельствах движение вслепую вперед было бы подобно прыжку в бездну Курция.

Если бы Витгенштейн сделал 25-го один переход из Холопеничей в направлении на Борисов, а 26-го атаковал все, что ни встретил бы на пути, то, пожалуй, бездна не оказалась бы так глубока, как того опасались. Может быть, Наполеон и разбил бы его, но во всяком случае он помешал бы переправе французов в этот день

и, пожалуй, сделал бы ее невозможною и в дальнейшем. Однако, такое самопожертвование для общего блага, которое выглядит так эффектно в книгах, представляет собой нечто такое, на что в действительной жизни никогда не следует рассчитывать за исключением тех редких случаев, когда оно с достаточной авторитетностью категорически вменяется в обязанность.

От генерала Дибича мы, правда, могли бы ожидать смелых, полных самозабвения действий напролом; нам известно, в какой мере он стремился к ним, но не имел возможности их осуществить; однако, не трудно было заметить, что в то время в главной квартире не было особого согласия.

Витгенштейн сделал то, что сделало бы большинство на его месте и что нельзя признать за абсолютную ошибку. Он двинулся 25-го из Холопеничей к дороге, которая ведет из Борисова на Лепель, оставив отряд в Холопеничах; таким образом, путь к верхней Березине и к Уле был прегражден. Так как его авангард 25-го не столкнулся с неприятелем, то генерал Витгенштейн понял, что Наполеон не свернул вправо, а потому 26-го он сделал еще переход в направлении к Борисовской дороге и достиг Кострицы, расположенной в нескольких часах пути от этой дороги в 2—3 милях от того места, где французы намеревались переправиться.

В Кострице генерал Витгенштейн узнал, что французы готовят переправу близ Студянки. Но так как Чичагов должен был занимать весь район до самого Зембина, то успех форсирования здесь переправы через Березину казался весьма сомнительным. Генерал Витгенштейн решил, однако, двинуться 27-го на дорогу и атаковать неприятеля с тыла, в то время как противник с фронта будет вынужден преодолевать сопротивление Чичагова.

Автор все эти дни не находился в главной квартире Витгенштейна; он был оставлен с отрядом для прикрытия левого фланга и присоединился к главным силам лишь 28-го к вечеру. Поэтому он не имел возможности непосредственно наблюдать бои, которые велись против Виктора 27-го и 28-го, и не мог себе уяснить, почему

Витгенштейн вместо того, чтобы идти на Студянку, пошел на Смоленскую дорогу, хотя ему было известно, что место переправы неприятеля — Студянка. Несомненно, в основе этого лежала известная робость, чрезмерная заботливость об ограждении своего корпуса от неудачи, и в этом отношении с генерала Витгенштейна нельзя снять известной ответственности за то, что Наполеону удалось ускользнуть. Правда, 27-го он уже не мог бы воспрепятствовать переправе Наполеона, однако, он мог нанести гораздо более крупные потери неприятелю.

За эти два дня Витгенштейн захватил до 10 000 пленных, в том числе целую дивизию. Этим блестящим итогом он как бы успокаивал свою совесть. Главная вина пала на Чичагова, который так не вовремя очистил участок у Зембина.

Адмирал, конечно, не проявил в эту кампанию особых талантов по вождению армии. Впрочем, нельзя отрицать, что все решительно находилось во власти предвзятой мысли, что противник свернет влево к Бобруйску. От самого Кутузова получено было извещение в этом смысле. Главным основанием этой предвзятости было предположение, что присутствие Витгенштейна помешает Наполеону свернуть вправо. Однако, Чичагов даже после своего ошибочного передвижения еще имел 27-го время, чтобы овладеть переправой, а потому главная вина и неудача всего предприятия падают на него.

Никогда не встречалось столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле. Березина, берега которой сплошь покрыты частью болотами, частью густым лесом, лишь в немногих пунктах предоставляет возможность переправы и продолжения марша после нее. У неприятеля было всего лишь 30 000 человек, столько же русских стояло по ту сторону реки, столько же — по эту сторону, а сзади приближалось еще 10 000. При этом в неприятельской армии было полное разложение, 40 000 безоружных, отбившихся от своих частей, наконец, голод, болезни и полное истощение всех моральных и физических сил.

Бесспорно, случай несколько благоприятствовал Наполеону в том отношении, что близ Борисова удалось найти такой удобный для переправы пункт, как Студянка; но главное влияние оказала слава его непобедимости; таким образом здесь сказался накопленный за многие прошлые годы капитал. И Витгенштейн и Чичагов — оба боялись его, его войск, его гвардии, точно так же, как его испугался Кутузов под Красным. Никому из них не хотелось быть разбитым Наполеоном. Кутузов полагал, что цель будет и так достигнута, Витгенштейн не хотел рисковать ранее приобретенной славой, Чичагову не хотелось понести во второй раз поражение.

Эта моральная сила и являлась оружием Наполеона, когда он нашел выход из наихудшего положения, в каком находился какой-либо полководец. Правда, не все сделала только эта моральная сила: здесь вновь в полном блеске проявились сила его руководства и воинская доблесть его солдат, которую не смогли окончательно сломить даже самые разрушительные стихии.

После того как были преодолены все трудности этого опасного момента, Наполеон сказал окружавшим его: «Видите, как проходят под самым носом противника». Честь свою Наполеон здесь спас в полной мере и даже приобрел новую славу, но исход переправы все же был крупным шагом к полной гибели его армии. Мы знаем, сколько из всей армии дошло до Ковно, и Березина явилась последним существенным ударом, приведшим к этому результату. Таковым же был и общий ход всего отступления. За исключением самого себя, своих лучших генералов и нескольких тысяч офицеров, он из всей армии назад почти никого не привел. Следовательно, когда говорят: он довел до конца труднейшее отступление, то это следует понимать лишь номинально; то же можно сказать об отдельных моментах отхода. Евгений спасся кружным путем из-под Красного, но, конечно, лишь с половиной своих войск. Ней также спасся посредством еще более далекого обхода, но, как передает его собственный секретарь, всего лишь с 600 человек, уцелевшими из 6 000; формально русским не удалось отрезать ни Евгения, ни Ней под Красным, ни Наполеона на Березине; тем не менее они

все же отрезали значительные массы. Еще более можно это сказать о всем походе. Русские редко опережали французов, хотя и имели для этого много удобных случаев; когда же им и удавалось опередить противника, они всякий раз его выпускали; во всех боях французы оставались победителями; русские дали им возможность осуществить невозможное; но если мы в конце концов подведем итог, то окажется, что французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских за исключением того, что им не удалось взять в плен самого Наполеона и его ближайших сотрудников. Неужели же в этом не было ни малейшей заслуги русской армии? Такое суждение было бы крайне несправедливо.

Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию. Правда, русские генералы часто проявляли нерешительность в то самое мгновение, когда следовало захватить бегущих, но все же заслуживает удивления энергия общего натиска при огромном масштабе фронта. В ноябре и декабре, после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях, преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспримерное; чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 000 человек, дошла до Вильно в составе 40 000. Остальные 70 000 остались позади: умершие, раненые, больные или окончательно истощенные. Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову.

Когда под Красным он, наконец, решился схватить за горло своего противника, когда он захотел преградить ему окончательно дорогу по сию сторону Днепра при посредстве половины своей армии под командой генерала Торماسова и в середине этих долгожданных решительных действий снова задержался и выпустил из рук страшного

беглеца, ограничившись тем, что лишь умеренно потрепал его, то в этом усматривали лишь проявление безграничной слабости или опасного равнодушия к славе и успехам русского оружия; впрочем, такие взгляды высказывались преимущественно людьми, спокойно сидевшими в своих кабинетах, а не на поле сражения под Красным.

Представим себе зиму со всей ее суровостью, подорванные физические и моральные силы всех бойцов, армию, непрерывно переходящую с одного бивака на другой, подвергающуюся лишениям, страдающую от болезней, усеивающую за собой дорогу трупами, умирающими и истощенными,—и нам станет понятно, что все здесь делалось лишь с величайшими трудностями и что лишь сильнейшие побуждения могли здесь преодолевать инерцию массы.

Кутузов видел, что его армия тает у него в руках и что не легко будет довести до границы сколько-нибудь значительные силы. Он видел, что успех кампании будет во всяком случае колоссальный; с глубокой проникательностью предугадывал он полное уничтожение противника: «Все это растает и без меня», говорил он окружающим. Неужели же ускорение гибели армии противника могло и должно было иметь для него такую цену, чтобы подвергать свои силы еще новой опасности? Мы не станем отрицать, что личное опасение понести вновь сильное поражение от Наполеона являлось одним из главных мотивов его деятельности; но если отбросить этот мотив, то разве не остается вполне достаточно причин для того, чтобы объяснить осторожность Кутузова? Не следует также упускать из вида и того обстоятельства, что он еще считал своего противника значительно более сильным и боеспособным, чем он был на самом деле.

Кутузов решил не вводить в бой с противником своих главных сил, а преследовать его неустанно крупными и мелкими отрядами, беспокоить и утомлять его: ему казалось, что этого будет достаточно, чтобы окончательно его погубить. Большинство полководцев на его месте, вероятно, рассуждало бы точно так же.

Только одну безусловную ошибку можно поставить в вину Кутузову: он знал, что Чичагов и Витгенштейн преградят путь противнику у Березины и заставят его

„1812 год“

С картины художника Кратке

остановиться, это было в плане, предписанном императором. В этих обстоятельствах ему следовало именно в этот момент держаться не далее одного перехода от неприятельской армии. Следовательно, если остановка его на несколько дней в Красном была необходима, то ему следовало бы наверстать потерянное время, сделав несколько форсированных маршей, чтобы уже 27 ноября попасть в Борисов, куда французская армия сосредоточивалась 25-го и 26-го, между тем Кутузов в этот день находился еще в Круглом на расстоянии четырех переходов. Его авангард прибыл в Борисов 28-го, сам он избрал прямое направление через Узочу на Минск. Так как в данном случае вопрос стоял не о большем или меньшем общем успехе кампании, а о содействии, которое он должен был оказать подчиненным ему генералам, то здесь надлежит судить по-другому, чем под Красным.

После Березины за французской армией следовал первым Чичагов, а затем Милорадович; Платов и другие казачьи отряды двигались на флангах ее, а иногда даже шли впереди. Так как при подобных обстоятельствах пребывание Витгенштейна на большой дороге, приведенной к тому же в ужасное состояние, являлось бесполезным, то он покинул ее близ Камня и направился к Неменчину, расположенному на изгибе, образуемом Вилией в направлении на север выше Вильно. Таким образом, нам пришлось увидеть лишь участок знаменитой дороги, по которой совершалось отступление; однако, на этом участке протяжением в три перехода были нагромождены в невероятном числе ужасы, вызванные этим отступлением. Имеется столько описаний тех бедствий, которым подверглась французская армия, что автор считает излишним добавлять к этим картинам новые штрихи. По правде сказать, он думает, что в течение жизни ему никогда больше не удастся отделаться от ужасающих впечатлений, к которым тогда приходилось привыкать. Напомним лишь об одном. Не следует забывать и тех тягот, которые пришлось перенести и русскому солдату. В середине необычайно жестокой зимы войскам приходилось большей частью располагаться биваком, так как те немногие плохие деревушки, которые в этой части Литвы встречаются

поблизости большой дороги, могли вместить лишь небольшое количество войск; по преимуществу их приходилось уступать кавалерии. Поэтому, чтобы разместить всех по квартирам, пришлось бы разбиться на гораздо меньшие колонны. В этих условиях снабжение армии продовольствием было также крайне скудным; высылать заготовителей слишком далеко вперед было невозможно, а при постоянном движении вперед доставлять продовольствие на большое расстояние со стороны было тоже невозможно. Поэтому путь, пройденный русским авангардом, также обозначался трупами русских солдат, умерших от холода или от истощения. Войска Витгенштейна за последние четыре недели также потеряли добрую треть своих солдат: так, в Чашниках они достигали 40 000 человек, а в окрестностях Вильно едва насчитывали 30 000 человек.

Из главной квартиры Витгенштейн получил задачу направиться в Самогитию и к нижнему течению Немана, чтобы отрезать путь отступления Макдональду, который по имевшимся сведениям еще не ушел из Курляндии.

Действительно, Наполеон забыл послать этому генералу приказ об отступлении, и только в Вильно король Неаполитанский написал этот приказ и отправил его с оказавшимся в Вильно прусским офицером. Последний — человек не очень надежный — сперва был задержан различными препятствиями, а затем из чрезмерной осторожности решил поехать кружным путем через Тильзит и Тельш и добрался до Митавы только 18 декабря.

Макдональд пребывал в состоянии самого мучительного беспокойства. Другой прусский офицер был отправлен генералом Йорком в Вильно к генералу Круземарку и от туда снова уехал 6-го, когда туда стали прибывать первые беглецы из главной французской армии; прибыл он к генералу Йорку 10-го с известием о возвращении императора и о полном развале французской армии. Уже тогда маршал Макдональд и генерал Йорк находились в крайне натянутых отношениях, а потому первый из них считал ниже своего достоинства ближе познакомиться с этими известиями. С часу на час он ждал официального уведомления из Вильно, но заявлял во всеуслышание, что все ходившие слухи представляют глупые выдумки, изобре-

тенные злонамеренными людьми. Тем временем особое беспокойство Макдональда вызывало то обстоятельство, что его корпус на две трети состоял из пруссаков, и он не доверял генералу Йорку.

18 декабря прибыл офицер, посланный из Вильно с приказом о выступлении и подтверждении всех плохих вестей; 19-го Макдональд двинулся четырьмя колоннами. Две из них состояли из дивизии Гранжана и 6 батальонов, 10 эскадронов и 2 батареи пруссаков под командой генерала Массенбаха; другие две — из остальных прусских частей под командой генералов Йорка и Клейста. Первые две колонны, при которых находился сам маршал, выступили днем раньше и двигались все время на один переход впереди двух других колонн. Дорога в общем шла через Янишки, Шавли и Колтыняны, откуда одна должна была следовать через Тауроген и Пиктупенен, а другая через Поюрце, Кадьютен и Руken на Тильзит. Маршал находился при последней колонне.

Марш совершался довольно быстро: две первые колонны, выступившие 19 декабря, достигли через неделю Пиктупенена и его окрестностей, расположенных в 30 милях от Митавы. Много снега, сильные морозы и плохие дороги еще более затрудняли этот марш. В этих условиях генерал Йорк, выступивший из Митавы только 19-го вечером и обремененный большим обозом, отстал с двумя другими колоннами от маршала Макдональда на два перехода. Он прибыл в окрестности Колтынян лишь 25-го вечером, а в этот день маршал находился уже в Войнутах в шести милях впереди.

Эта задержка генерала Йорка едва ли являлась умышленной; она, повидимому, в достаточной мере оправдывается обстоятельствами.

Витгенштейн, предоставив своему корпусу несколько дней отдыха в окрестностях Неменчина, выступил 17 декабря и взял направление через Вилькомир и Кейданы к Юрбургу на Немане. Кроме обычного авангарда под командой генерал-майора Шепелева, он выдвинул вперед два других, более слабых отряда, состоявших преимущественно из кавалерии. Отряд под командой генерал-майора П. В. Кутузова состоял приблизительно из 4 000

пехоты и кавалерии и находился 20-го, когда граф Витгенштейн прибыл в Вилькомир, уже в шести переходах впереди, в Юрбурге, у переправы через Неман. Второй отряд, которым временно командовал генерал-квартирмейстер генерал Дибич (в свите которого находился автор), состоял из Гродненского гусарского полка, трех казачьих полков, всего 1 300 коней, одного егерского полка, в котором, однако, насчитывалось всего лишь 120 человек и 6 орудий конной артиллерии.

Этот отряд 20-го находился уже в Колтынянах, в семи переходах впереди графа Витгенштейна, в направлении на Мемель. Генерал Дибич еще не имел никаких сведений о Макдональде и не сомневался в том, что последний двигается на Мемель, чтобы уйти по косе Куришгафа; в таком случае он оказался бы вне удара. Дибич намеревался пересечь Самогитию и захватить Мемель. Миновав Тельши и уже приблизившись к Мемелю на два перехода, он вдруг узнал 23-го, что Макдональд отнюдь еще не ушел, а как раз находится в движении от Шавли. Это известие казалось почти невероятным, но поступил целый ряд подтверждений. Генерал Дибич тотчас повернул назад и перешел в Ворни. Здесь он услышал 24-го, что арьергард Макдональда находится в с. Вайгов, и решил на другой день преградить ему дорогу у Колтынян. Выступив рано утром, он достиг этого пункта к 10 часам утра. Прежде всего мы наткнулись на нескольких прусских маркитантов, принадлежавших к войскам генерала Массенбаха. Они показали, что позади остались только два эскадрона гусар и две роты егерей, а остальные части уже прошли вперед. Генерал Дибич расположил войска так, чтобы отрезать путь отступления этому арьергарду.

Два брата автора служили в прусском корпусе Йорка; из них старший, в чине майора, командовал егерями, входившими в состав этого корпуса; можно было с полным вероятием предположить, что он как особенно пригодный для командования небольшими передовыми частями офицер окажется начальником всего арьергарда. Мысль, что здесь, может быть, придется увидеть брата взятым в плен, была для автора гораздо мучительнее,

чем представление о том, что придется сражаться друг против друга в течение нескольких дней. А потому неопишуемой радостью было для него сообщение других отставших, которые показали, что арьергард состоит из четырех батальонов пехоты, двух эскадронов кавалерии и одной батареи и находится под командой генерала Клейста.

Генерал Дибич во главе 1400 человек, не имея возможности рассчитывать на какую-либо поддержку на далеком расстоянии вокруг, конечно, не имел в виду серьезно схватиться с таким сильным арьергардом, тем не менее он пожелал, как это делается в карточной игре, пустить в ход маленький козырь, чтобы увидеть, как распределились карты. Он спросил автора, не хочет ли он поехать в качестве парламентаря к генералу Клейсту. На это пишущий эти строки отвечал, что он как русский офицер, конечно, выполнит всякое возложенное на него поручение, но он предпочел бы, чтобы генерал Дибич послал туда вместо него какого-нибудь лифляндского или курляндского офицера, который так же хорошо владеет языком; при этом первое впечатление, произведенное на прусского генерала, будет, вероятно, менее неприятным, чем если предложение будет передано одним из тех прусских офицеров, которые с началом войны покинули прусскую службу, чтобы перейти на русскую к вяншему неодобрению со стороны большинства прусских генералов. Дибич, разделяя этот взгляд, послал к противнику майора фон-Рейне.

Последний должен был объяснить генералу Клейсту, что прямой путь ему прегражден значительным отрядом, что имеется возможность притти к соглашению и избежать напрасного кровопролития, и поэтому генерал Дибич желал бы лично переговорить с генералом Клейстом.

Майор Рейне вернулся с ответом, что генерал фон-Клейст не может вступить ни в какие переговоры, так как не он является командующим; что сам генерал Йорк находится еще позади и прибудет к вечеру; пока вопрос следует отложить. Теперь стало ясно, что мы отрезали от Макдональда не арьергард, а главные силы прусского корпуса.

Генерал Дибич должен был почитать себя счастливым, что судьба его поставила в эти условия. В военном отношении он мог ожидать лишь ничтожных выгод от занятого положения, но возможность притти к соглашению с пруссаками представляла чрезвычайную ценность.

Расположение в этот день различных отрядов было следующее:

Генерал Иорк и Клейст с 10 000 человек на расстоянии полумили к востоку от Колтынян.

Против них у Колтынян генерал Дибич с 1 400 человек.

Макдональд с 4 000 приблизительно у с. Войнуты, в шести милях от Колтынян, на западной дороге, ведущей в Тильзит.

Гранжан с 6 000 под Тауроеном, в четырех милях от Колтынян и на таком же расстоянии от с. Войнуты, на восточной дороге, ведущей в Тильзит.

Генерал-майор П. В. Кутузов в 4 000 у Пиктупенена, на дороге между Тауроеном и Тильзитом; частью сил он занимал Тильзит.

Генерал Шепелев, настоящий авангард Витгенштейна, силою в 4 000 человек у Вилоны, на расстоянии одного перехода от Юрбурга.

Наконец, граф Витгенштейн с 15 000 человек еще далее на один переход к Кейдамам.

На следующий день, 26-го, когда генерал Иорк должен был продолжить свой путь через Колтыняны, эта группировка сил изменилась в том отношении, что каждый из названных отрядов продвинулся вперед к своей цели на один переход. Только генерал-майор П. В. Кутузов остался на месте, и силы, выдвинутые им в Пиктупенен под начальством генерала Власова, были атакованы находившейся при авангарде генерала Гранжана прусской кавалерией и отброшены к Тильзиту с потерей двух слабых батальонов и нескольких орудий; там разбитые части были приняты генералом П. В. Кутузовым.

П. В. Кутузов отошел к Рагниту, расположенному на левом берегу Немана на 2 мили выше Тильзита; теперь

как Пиктупенен, образующий некоторое дефиле, так и Тильзит были заняты французами.

Макдональд со своей колонной находился у Кадьютена, в одном переходе к северо-западу от Пиктупенена.

Мы видим, что генерал Йорк был лишен всякой поддержки, но, конечно, отряд в составе 1 300 коней не был в состоянии серьезно преградить ему путь. Правда, до Пиктупенена, где стоял Гранжан, или до Кадьютена, где был Макдональд, оставалось два больших перехода, и русская кавалерия на этом пути захватила бы у него значительную часть большого обоза, следовавшего с его отрядом; кроме того, ему пришлось бы понести известные потери, так как его кавалерия была слишком слаба, чтобы заставить генерала Дибича окончательно отойти; наконец, он не мог знать, не подойдут ли к Дибичу другие русские отряды, в том числе сам Витгенштейн; однако, при других обстоятельствах эти соображения ни на одно мгновение не смутили бы генерала Йорка.

25-го обстановка начала внушать Макдональду сильное беспокойство. С одной стороны, получено было известие, что Тильзит и Пиктупенен уже заняты русскими, с другой — он не получал никаких донесений от генерала Йорка. Чтобы не бросать последнего на произвол судьбы, он 26-го выполнил лишь небольшой переход в 2 мили от Войнуты до Кадьютена, а 27-го снова небольшой переход в 2 мили в направлении к Тильзиту до Шильгаллена. Лишь 28-го вступил он в Тильзит и пробыл там весь день 29 декабря, хотя дальнейшее его отступление не могло не внушать ему сильной тревоги. Он полагал, что за эти четыре дня генерал Йорк, несомненно, смог бы подойти, а потому с тревогой ожидал вестей от него. Несколько попыток переслать ему приказания, при посредстве даже сильных разъездов, не увенчались успехом, так как посланные всякий раз наталкивались на русскую кавалерию.

Обратимся теперь снова к генералу Йорку. К вечеру он подошел с остальной частью корпуса к генералу Клейсту и через офицера, которого генерал Дибич вновь к нему прислал, он передал последнему, что готов пере-

говорить с ним между передовыми постами обеих сторон. Это свидание и состоялось с наступлением ночи.

Мы должны теперь остановиться на некоторое время на личности генерала Йорка и на том положении, в котором он находился.

Генерал Йорк был человек лет 50. Он отличался храбростью и способностями к военному делу. В молодости он служил в голландских колониях и, таким образом, повидал свет и расширил свой умственный кругозор. Пылкая, страстная воля, скрываемая под личиной наружной холодности, огромное честолюбие, всегда маскируемое выражением покорности судьбе, сильный и смелый характер являлись отличительными особенностями этого человека. Генерал Йорк был человек честный, но вследствие своей непроницаемости, скрытности и желчности являлся плохим подчиненным. Личные отношения для него ничего не значили; все, что он делал, он совершал ради своей репутации, а также потому, что по природе своей являлся чрезвычайно дельным человеком. Самым дурным в нем являлась скрытность, прятанная под личиной резкости и прямоты. Он любил хвастаться в моменты, когда в действительности считал положение почти безнадежным, но еще охотнее притворялся, что считает все дело проигранным, когда по существу не видел особой опасности.

Он, безусловно, являлся одним из самых выдающихся людей нашей армии. Шарнгорст установил его пригодность для дела в тот самый период, когда столь многие обнаружили свою полную негодность, и ценил ее тем более, что с этим качеством в Йорке соединялась сильная антипатия к французам. Поэтому Шарнгорст старался всегда поддерживать с Йорком дружественные отношения, хотя в глубине души у последнего все время кипела затаенная злоба против него. По временам казалось, что это чувство должно прорваться наружу. Но Шарнгорст делал вид, что этого не замечает, и выдвигал Йорка на все должности, где человек подобного рода мог оказаться полезным.

Когда вспыхнула война с Россией, французы предлагали назначить командующим старого и слабого генерала

Граверта, человека весьма посредственного ума и характера, притом давно уже не занимавшего позиции, враждебной интересам французов в Европе. Король Пруссии счел нужным согласиться с этим пожеланием французского императора. Шарнгорст, формально уже удалившийся тогда от дел, но все еще оказывавший на них известное влияние, содействовал назначению генерала Иорка на должность помощника командира вспомогательного корпуса. Он убедил короля, что генерал Граверт как человек старый и к тому же слабохарактерный легко может оказаться чрезмерно уступчивым по отношению к французам, что тут нужен человек решительный и обладающий сильным характером, а потому никто не окажется более пригодным на этом месте, чем генерал Иорк. Итак, он был назначен в корпусе Граверта в качестве генерал-лейтенанта, а в сущности был приставлен к нему в роли надзирателя.

Через полтора месяца Граверт так расхворался и ослаб духом, что вынужден был передать командование генералу Иорку. В скором времени между генералом Иорком и маршалом Макдональдом установились натянутые отношения. Правда, кампания Макдональда в Курляндии не могла вызвать особо восторженных похвал. Он совершенно праздно стоял на Двине с седьмой дивизией, а пруссаки в это время находились перед Ригой в не очень приятном положении, так как им большей частью приходилось одним вести все бои, происходившие в течение шести месяцев на этом фронте. Генерал Иорк являлся далеко не снисходительным критиком, так как озлобленность была преобладающей чертой его характера. В результате он был крайне недоволен как общими мероприятиями маршала, так и распоряжениями, непосредственно касавшимися прусского корпуса, и, с другой стороны, может быть, самолюбиво преувеличивал достижения прусских войск под Ригой. Холодная, замкнутая, недоверчивая манера Иорка себя держать, а также разговоры окружающих открыли глаза маршалу. Между ними постепенно создались недоразумения. Продовольствие войск, прежде лежавшее на прусском интенданте, а затем перешедшее к французскому и зна-

чительно ухудшившееся с момента этой перемены, послужило первым поводом к вскрытию раньше сдерживавшегося недовольства. Иорк жаловался на недостаток фуража, а Макдональд уверял, что у пруссаков лошади падают от того, что их перекармливают. В переписке дело скоро дошло до взаимных обвинений, причем маршал открыто упрекал генерала в недостатке доброй воли и усердия к делу. Эта размолвка, происшедшая в конце ноября, привела обе стороны к жалобам в Вильно; Иорк писал прусскому послу генералу Круземарку, а маршал—герцогу Бассано. Генерал Иорк послал одного из своих адъютантов также и в Берлин для доклада королю о создавшемся положении. Посланный не успел еще вернуться из Берлина, когда произошло первое свидание генерала Иорка с генералом Дибичем.

Хотя при назначении в прусский корпус генерал Иорк и получил особую инструкцию, однако, безусловно, исключается возможность включения в эту инструкцию чего-либо, что могло бы оправдать тот шаг, который генерал Иорк намеревался сделать.

Генерал Эссен с целью узнать намерения генерала Иорка еще в сентябре месяце настойчиво приглашал его для переговоров на линии передовых постов. Последний согласился на это предложение. Однако, личность генерала Иорка, повидимому, настолько импонировала генералу Эссену, что у него нехватило мужества объяснить начистоту, и в конце концов они ни до чего не договорились. Маркиз Паулуччи был более способен на смелую речь; впрочем, и обстановка, сложившаяся на театре войны в начале декабря, давала ему больше оснований. 5 декабря он формально предложил генералу Иорку перейти на сторону русских. Тот, правда, отклонил это предложение, но выразил готовность служить посредником, если император хочет сделать какие-либо предложения королю через маркиза Паулуччи. Эти предложения, высказанные в общих выражениях, и были сделаны таким косвенным путем. Генерал Иорк послал с ними своего адъютанта майора фон-Зейдлица в Берлин.

Мы должны были упомянуть о всех этих обстоятельствах, чтобы пролить свет на шаг, сделанный генералом Йорком. Он был человек слишком рассудительный для того, чтобы руководиться в этом деле своей враждой к маршалу Макдональду. Это являлось бы применением с его стороны чудовищного средства для достижения ничтожной цели; оно привело бы его далеко за пределы желания. С другой стороны, можно допустить, что будь на месте Йорка такой же добродушный человек, каким был Макдональд, дружественные отношения между обоими генералами могли бы породить со стороны подчиненного подлинную преданность личности начальника, что, возможно, помешало бы совершению этого удивительного события.

Йорк прекрасно знал о тех чувствах, которые питали к французам прусский король и народ; но вопрос о том, сочтут ли в Берлине катастрофу, только что постигшую французов, за полный поворот колеса фортуны и признают ли данный момент достаточно благоприятным для того, чтобы внезапно переменить фронт, не мог не возбуждать в генерале Йорке больших сомнений.

Представляя себе положение, складывавшееся в Берлине, Йорк должен был исходить из наличия там большого нежелания внезапно менять роль. Шарингорст, наиболее решительный противник французов, который посоветовал бы произвести такую перемену и всемерно поддержал бы такое решение, был удален из министерства и находился в Силезии. Барон Гарденберг показал, как искусно он умеет лавировать между подводными камнями, однако, представлялось весьма сомнительным, хватит ли у него духа принять и провести крупное решение. Поэтому принятие генералом Йорком на собственный страх и риск решения, которое должно было увлечь прусскую политику в противоположном направлении, представляло один из самых смелых поступков, с каким мы когда-либо встречались в истории. Граф Гаугвиц, в сущности, позволил себе нечто подобное, когда он заключил в 1805 г. Венский договор, но граф Гаугвиц действовал тогда в интересах сильнейшей стороны и знал, что Пруссия неохотно выступила бы в соз-

давшихся условиях; к тому же дерзновенность дипломата никогда не вызывает такого строгого осуждения, как дерзновение чисто военное; в первом случае за него большей частью расплачиваются должностью, во втором же по обычному праву — головой. Если бы король окончательно решился оставаться верным узам, связывавшим его с Францией, то для него не осталось бы ничего другого, как предание генерала Иорка суду.

Читатель простит наши неоднократные пространные отступления по поводу столь ничтожного в сравнении с общим масштабом войны события, как переговоры Иорка и генерала Дибича; но мы полагаем, что лишь теперь нам удалось установить точку зрения, с которой мы будем иметь возможность с полной ясностью охватить это происшествие в его общей связи, и поэтому вернемся в Колтыняны.

Итак, вечером 25-го состоялся разговор между генералом Иорком и генералом Дибичем. Последний, насколько возможно, замаскировал расположение своих войск; впрочем, у него хватило благородства вполне честно сказать, какими силами он располагает и чего у него нет; к этому он добавил, что он и не помышляет действительно преградить пруссакам дорогу, но что, конечно, он сделает все от него зависящее, чтобы отнять у него его обоз, зарядные ящики и по возможности часть артиллерии. Среди того, что Дибич хотел сказать Иорку, это имело, разумеется, наименьшее значение; главным предметом беседы являлось полное уничтожение французской армии и указание, данное русским императором своим генералам: при встрече с прусскими войсками не поступать с ними как с подлинными врагами, но, памятуя о прежних дружественных отношениях обеих держав и в предвидении возобновления их в ближайшем будущем, устанавливая с ними любое дружественное соглашение, на которое последние пойдут. В соответствии с этим генерал Дибич заявил, что он готов заключить с генералом Иорком договор о нейтралитете и отказаться от имеющихся на его стороне военных преимуществ.

Генерал Йорк заявил, что он еще не пришел к окончательному решению. Он проявил склонность заключить соглашение при условии, что его воинская честь отнюдь не будет затронута; однако, он полагал, что в настоящий момент для него как солдата еще не имелось достаточного оправдания для заключения соглашения. После этого уговорились не предпринимать ничего в течение предстоящей ночи; на другое утро генерал Йорк должен был сперва произвести рекогносцировку и затем совершить переход к Лавково как бы с целью обойти отряд генерала Дибича с левого фланга, генерал Дибич должен был снова преградить ему дорогу, выйдя на Шелель.

В заключение переговоров генерал Йорк сказал генералу Дибичу: «Ведь у вас в армии столько бывших прусских офицеров, пришлите ко мне в следующий раз одного из них, у меня будет больше доверия».

После этого генерал Дибич спросил автора, возьмет ли он на себя такого рода поручение, на что тот, естественно, выразил свою полную готовность.

Когда мы возвращались верхом в Колтыняны, было уже поздно, вероятно, часов 10 вечера. Генерал Дибич обсуждал с автором создавшееся положение и спросил его, что он думает о намерениях генерала Йорка и что это за человек. Автор не мог не предупредить его относительно скрытности генерала Йорка и очень опасался, что последний воспользуется ночью для того, чтобы опрокинуть нас и продолжить отход на соединение с Макдональдом, а потому рекомендовал проявить величайшую бдительность.

Генерал Дибич оставил против генерала Йорка два казачьих полка, третий расположил в тылу фронтом против Шелель, а гусарский полк оставил в местечке, которое было довольно обширно. Кавалерия не должна была разнуздывать коней; такое же распоряжение было отдано ординарцам главной квартиры.

Мы остановились в одном доме и едва успели, не раздеваясь, прилечь на разостланной соломе и сомкнуть глаза, как в местечке сзади нас раздались пистолетные выстрелы. Слышались не единичные выстрелы, а целая

пальба, продолжавшаяся несколько минут. Мы вскочили, и автор подумал про себя: «Это Йорк атакует нас с тыла, я его верно разгадал». Мы вскочили на коней и повели несколько эскадронов кавалерии к выходу из местечка в направлении на Шелель; однако, неприятеля там не было, а оказался казачий полк, который должен был прикрывать наш тыл. От него поступило донесение, что отряд неприятельской кавалерии внезапно влетел в их расположение и отбросил их на поселок. На самом деле то был разъезд, состоявший из 50 прусских драгун, посланных генералом Массенбахом из Шелель на Колтыняны под командой ротмистра Вейсса, чтобы доставить письмо маршала Макдональда генералу Йорку. Ему было приказано силой пробиться. Однако, отбросив казаков в самые Колтыняны, он счел противника чересчур сильным, повернул обратно и ускакал, не оставив о себе никакого следа. Эти обстоятельства мы узнали лишь позже от прусских офицеров; тогда же мы остались в полном недоумении.

26-го генерал Йорк произвел рекогносцировку; однако, он не счел удобным выполнить условленное фланговое движение и скоро свернул на дорогу, ведущую на Шелель и идущую дальше на Тильзит. Причиной этого являлось желание избежать плохой дороги и напрасной траты сил людей и лошадей. Но у генерала Дибича произведенное изменение, естественно, вызвало подозрение, и он полагал, что целью генерала Йорка исключительно являлся выигрыш одного перехода в направлении Тильзита. На этой почве возникли оживленные переговоры, посредником в которых постоянно являлся автор.

Когда 26-го в окрестностях Шелель автор прибыл к генералу Йорку в первый раз, последний не пожелал допустить его к себе, так как это его сильно компрометировало бы. Он разбил офицера передового поста, провожавшего автора, за то, что последнего так далеко пропустили без специального разрешения с его стороны. На этот раз автор так и не видел генерала Йорка; между тем, это, в сущности, была одна комедия; он выслал навстречу к автору русского подполковника графа Дона, чтобы тот обо всем с ним переговорил.

Граф Дона, как и автор, перешел в 1812 г. из прусской армии в русскую, входил в состав немецко-русского легиона и получил разрешение отправиться в Ригу, чтобы еще принять участие в кампании. Он состоял при генерале Левисе, который с 5 000 человек гарнизона следовал за генералом Иорком, но отстал от него на несколько переходов и выслал к нему вперед графа Дона в качестве парламентаря. Автор записок чрезвычайно обрадовался, встретив здесь одного из самых близких своих знакомых и друзей.

Из того, что мне передал граф Дона, вытекало, что генерал Иорк не собирался нас обмануть; но что он заинтересован в оттяжке решения на несколько дней; и так как он не может в течение этого времени стоять, как прикованный, на одном месте, то ему нужно несколько пододвинуться к прусской границе.

В чем заключался интерес генерала Иорка, легко было понять: помимо того, что он ожидал возвращения своего адъютанта из Берлина, прибывшего только 29-го, ему в военном отношении для приличия следовало продемонстрировать хотя бы две-три попытки соединиться с Макдональдом. Если бы тот продолжал стоять в с. Войнуты и Таурогене, где он находился 25-го или вернулся туда 26-го, то соглашение с Иорком так бы и не состоялось. Но так как Макдональд продолжал свой путь, а русские, находясь между ним и генералом Иорком, могли воспрепятствовать передаче Иорку сообщений и приказов маршала, то Иорк мог сделать вид, будто он покинут Макдональдом.

Генерал Дибич хорошо это понимал, но все же не вполне доверял генералу Иорку; действительно, если бы последнему удалось при помощи маневрирования заставить Дибича приблизиться к Тильзиту, а затем если бы Иорк пробился силой, то Дибич сыграл бы в этом деле неважную роль, и все его поведение представилось бы в несколько двусмысленном свете.

Поэтому генерал Дибич всячески старался ускорить принятие решения генералом Иорком и неустанно протестовал против дальнейшего отхода назад; с своей стороны генерал Иорк старался его успокоить, а сам,

хотя и небольшими переходами, продолжал продвигаться. Таким образом, Дибич прибыл 26-го в Шелель, 27-го в Пагермонт, 28-го через Тауроген в селение Вилькишкен, находящееся всего лишь в 2 милях от Тильзита. В этот день Макдональд вступил в Тильзит с последним эшелоном и предполагал дожждаться здесь Иорка, прибывшего в Тауроген. По существу ничто не стояло на пути их соединения, кроме редкой цепи казачьих разъездов.

Теперь можно было бы считать все дело проигранным, если бы генерал Иорк, в сущности, уже не был сильно скомпрометирован своим медленным продвижением и ведением бесконечных переговоров с неприятелем. С точки зрения его личных интересов он едва ли мог вернуться назад.

В полдень 29-го автор, выступивший из Таурогена в предшествовавшую ночь, вновь был послан туда к генералу Иорку. На этот раз он привез с собою два письма, на которые смотрели как на последнее средство.

Первое письмо исходило от начальника штаба армии Витгенштейна генерала д'Овре и было адресовано генералу Дибичу. Оно содержало прежде всего несколько упреков в том, что последний до сих пор не довел до конца дело с генералом Иорком. Одновременно ему сообщалась диспозиция витгенштейновской армии, из которой можно было усмотреть, что основной авангард Витгенштейна под командой генерала Шепелева должен был прибыть 31-го в Шилупишкен, а сам Витгенштейн — в Зоммерау.

Шилупишкен лежит на западной дороге, ведущей из Тильзита на Кенигсберг. Эта дорога проходит через лес, где на протяжении 4 миль она образует частые теснины. Уже под с. Шилупишкен, где она пересекает небольшую водную линию, эта дорога образует узкий проход. Между тем Зоммерау, куда генерал Витгенштейн предполагал прибыть, находится от Шилупишкена всего в одной миле. Если бы Витгенштейн действительно осуществил свой марш таким образом, а Макдональд захотел бы дожждаться генерала Иорка в Тильзите, куда последний мог успеть лишь 30-го поздно вечером, то пред-

ставлялось весьма сомнительным, удалось ли бы обоим пройти лес. Правда, Витгенштейн был намного сильнее Йорка и Макдональда вместе взятых, но этого они могли не знать наверняка, и если они не должны были непременно считать себя отрезанными, то во всяком случае дальнейшее их отступление находилось под большим сомнением. Все эти обстоятельства имели известное значение для генерала Йорка. Поэтому в письме генерала д'Овре предписывалось ознакомить его с этим положением, а также предостеречь его, что если он с этим не посчитается и не положит конец своему двусмысленному поведению, то с ним поступят, как со всяким другим неприятельским генералом, так что после этого уже ни при каких условиях о дружественном соглашении не будет и речи.

Вторая бумага была нижеследующим письмом маршала Макдональда, адресованным герцогу Бассано и перехваченным войсками Витгенштейна.

Штульген, 10 декабря 1812 г.

Дорогой герцог.

Вы мне ничего не пишете, поэтому посылаю к Вам за вестями. Офицер, прибывший из Вильно, сообщил нам нелепые слухи, циркулирующие в этом городе; впрочем, он уверяет, что видел, как проехал Его Величество Император, направлявшийся, по словам этого офицера, в Ковно, куда последует за ним и Ваша Светлость.

Не могу поверить всему тому, что я только что прочитал в русских бюллетенях, которые я вам посылаю, хотя в них называют лиц, которые, как мне известно, действительно входили в состав 2-го и 9-го корпусов. Жду с минуты на минуту, что вы мне сообщите истинное положение дел. Бомба с генералом Йорком, наконец, взорвалась; я полагал, что мне следовало проявлять больше твердости при наличии положения в том виде, как его представляют себе гг. офицеры прусского генерального штаба. Сам прусский корпус не плох, но его портят; настроение резко изменилось, но несколько милостей, несколько наград, и мне удастся его снова поднять, лишь бы офицеры, на которых я указываю, были

немедленно удалены, о них жалеть не будут: две трети всей армии их ненавидят.

Ради бога, дорогой герцог, напишите мне словечко, чтобы я знал, какие позиции предполагается занять; с своей стороны я сосредоточиваю свои силы.

Обнимаю вас сердечно.

Макдональд.

Первое из этих писем не могло произвести на такого человека, как Йорк, особого впечатления, но как лжеоправдательный документ военного характера, если бы прусское правительство захотело использовать его в переговорах с французским, оно имело большое значение.

Второе письмо должно было, по меньшей мере, снова пробудить в душе генерала Йорка все его озлобление, которое могло несколько ослабеть в последние дни под влиянием сознания собственной вины перед Макдональдом.

Когда автор вошел в комнату генерала Йорка, последний крикнул ему: «Отстаньте от меня, я больше не хочу иметь с вами никакого дела. Ваши проклятые казаки пропустили ко мне посланного от Макдональда, который привез мне приказ идти на Пиктупенен, чтобы с ним там соединиться. Теперь конец всем сомнениям: ваши войска не подходят, вы слишком слабы, я должен выступить и решительно отказываюсь от дальнейших переговоров, за которые могу поплатиться головой». Автор заявил, что он не собирается ему возражать, но просит его приказать, чтобы подали лампу, так как он должен показать ему кое-какие письма; а так как генерал Йорк, повидимому, еще колебался, то автор прибавил: «Надеюсь, что Ваше превосходительство не поставите меня в затруднительное положение, принудив меня уехать, не выполнив данного мне поручения». Тогда генерал Йорк велел принести огня и позвал из передней начальника штаба полковника Редера. Письма были прочитаны. После минутного раздумья генерал Йорк сказал: «Клаузевиц, вы — пруссак, полагаете ли вы, что письмо генерала д'Овре честно и что войска Витгенштейна действительно будут находиться 31-го в указанных пунктах».

Можете ли вы дать мне честное слово, что это так будет?» Автор отвечал: «Я ручаюсь Вашему Превосходительству за честность письма; руководствуюсь я при этом тем, что я знаю о генерале д'Овре и о других лицах, входящих в состав главной квартиры Витгенштейна; но будет ли эта диспозиция выполнена, я поручиться не могу; ведь Ваше Превосходительство сами изволите знать, что на войне при всей доброй воле часто приходится оставаться позади той черты, которую сам себе наметил». Генерал помолчал еще несколько мгновений, погруженный в серьезное размышление. Затем, протянув автору руку, сказал: «Я ваш. Скажите генералу Дибичу, что завтра рано утром мы должны с ним переговорить на Пошерунской мельнице и что теперь я твердо решил порвать с французами и их делом». Условились, что встреча состоится в 8 часов утра. Покончив с этим, генерал Йорк сказал: «Я не намерен делать дело наполовину, я вам добуду еще и Массенбаха». Тут он велел позвать одного офицера из кавалерии Массенбаха, недавно перед этим прибывшего сюда. Прохаживаясь взад и вперед по комнате, он сказал приблизительно словами Валленштейна: «Что говорят в ваших полках?» Офицер тотчас стал изливать свой восторг по поводу мысли отделаться от союза с французами и заявил, что эти чувства разделяют решительно все в прусских частях. «Хорошо вам, молодым людям, так говорить, а ведь у меня, старика, голова шатается на плечах», — отвечал Йорк.

В самом радостном настроении духа автор поспешил вернуться в Вилькишкен, а на следующее утро он сопровождал генерала Дибича к Пошерунской мельнице, куда прибыл и генерал Йорк в сопровождении полковника фон-Редера и своего старшего адъютанта майора фон-Зейдлица. Кроме автора, генералу Дибичу сопутствовал один лишь граф Дона. Таким образом, при этих переговорах присутствовали одни лишь пруссаки по рождению.

Текст конвенции уже повсюду опубликован, поэтому ограничимся тем, что скажем, что она устанавливала нейтральность прусского корпуса, и ему отводилась в прус-

ской Литве, близ русской границы, полоса земли, которая тоже объявлялась нейтральной. В случае если бы один из двух монархов не утвердил конвенции, прусским войскам предоставлялся свободный проход по кратчайшему пути на родину; если неутверждение последовало бы со стороны прусского короля, то пруссаки обязывались в течение двух месяцев не принимать участия в военных действиях против русских.

Уже 26-го генерал Йорк отправил из с. Шелель находившегося при армии флигель-адъютанта короля майора графа фон-Генкеля в Берлин, чтобы предварительно поставить короля в известность о создавшемся положении. Теперь он отправил в Берлин с текстом конвенции офицера генерального штаба майора фон-Тиле. Генерал Йорк закончил препроводительную бумагу следующими словами:

«Я охотно готов сложить свою голову к стопам Вашего Величества, если я допустил ошибку; я умер бы с радостным и спокойным сознанием, что, по крайней мере, ни как верноподданный, ни как истинный пруссак я не грешен».

«Теперь или никогда настал момент, когда Ваше Величество может освободиться от дерзких требований союзника, темные планы которого относительно Пруссии возбуждали бы справедливое беспокойство, если бы счастье оставалось на его стороне. Этот взгляд руководил мною, и да поможет небо, чтобы он послужил ко благу отечества».

Генерал фон-Массенбах находился с шестью батальонами и одним эскадроном в Тильзите; два других эскадрона располагались на дороге, ведущей в Инстербург, а семь находились при бригаде Башелю в окрестностях Рагнита. Генерал Йорк послал 30-го в Тильзит офицера и уведомил генерала фон-Массенбаха о шаге, который он предпринял; при этом, чтобы избавить его от ответственности, он отдал ему определенный приказ: немедленно выступить из Тильзита и присоединиться к корпусу. Он переслал ему и письмо, в котором уведомлял маршала Макдональда о своем решении.

Генерал Массенбах без малейшего колебания выполнил приказ генерала Йорка. Сначала обстоятельства, казалось, чрезвычайно благоприятствовали этому, так как в Тильзите стояли только его 6 батальонов, а войска дивизии Гранжана размещались отдельно. Но в ночь с 30-го на 31-е, как раз когда он собирался выполнить полученный им приказ, в Тильзит случайно вступило несколько полков из дивизии Геделе, прибывших из Кенигсберга, а прибытие других полков, а также дивизии Гранжана ожидалось в скором времени.

Генерал Массенбах полагал, что эта мера, быть может, направлена против него, и при таких условиях счел за лучшее не выступать ночью, а дожидаться дня в расчете, что к тому времени подозрения рассеются. Это заключение едва ли являлось правильным; если бы французы уже ночью начали подозревать его, то подозрение не рассеялось бы и днем. Но безусловно днем было легче принять надлежащие меры, и единственно, чего надо было опасаться, — это того, чтобы к утру подозрения не превратились в уверенность. Однако, дело обстояло совсем не так: войска были сосредоточены не для того, чтобы использовать их против Массенбаха, и последний мог спокойно переправиться 31-го в 8 часов утра через Неман и пойти навстречу русским.

Маршал Макдональд, уяснив себе, наконец, все эти происшествия из писем, которые генерал Йорк и генерал Массенбах ему написали и доставили уже, когда все было кончено, поступил в высшей степени благородно: он отпустил находившегося в прикомандировании к его штабу лейтенанта фон-Корфа с его отрядом в 30 коней, которого Массенбаху не удалось захватить с собой, причем он обошелся с ним ласково и одарил как офицера, так и солдат.

Среди прусских войск известие о заключении конвенции было принято с величайшим восторгом.

Причины, заставлявшие генерала Йорка так долго медлить с окончательным решением, отчасти уже очерчены в нашем рассказе. Нерешительность при этом играла, вероятно, наименьшую роль. Он надеялся, что положение его корпуса в военном отношении ухудшится,

что подойдут другие русские отряды и, таким образом, создадутся более веские основания для его решения. Он и добился этой цели, так как, во-первых, генерал Левис настолько приблизился, что он уже вступил в связь с генералом Дибичем, а во-вторых, отряды Витгенштейна, выдвинутые против маршала Макдональда, могли служить прекрасным аргументом для защиты генерала Йорка, если бы ему пришлось выступить перед судом.

Далее, генералу Йорку хотелось дожидаться возвращения своего адъютанта майора фон-Зейдлица, который с часу на час мог прибыть из Берлина. Генералу удалось добиться и этой последней цели, так как этот офицер прибыл в Тауроген 29-го утром. Указания, привезенные им по политическим вопросам своей миссии, опубликованы не были. Надо полагать, что в Берлине почли еще несвоевременным порвать союз с Францией и предполагали это сделать не иначе, как по предварительному соглашению с Австрией. Поэтому, вероятно, ответ был отрицательный, т. е. молчание. Если бы в Берлине допускали, что генерал Йорк способен на сделанный им смелый шаг, то, вероятно, застраховали бы себя от него путем определенно отрицательного ответа, и в таком случае генерал Йорк не отважился бы на этот шаг. По счастью, этого не случилось, а майор Зейдлиц, к которому генерал Йорк питал большое доверие и от личных заключений которого многое в данном случае зависело, сам твердо держался того взгляда, что Пруссия в данный момент может и должна сбросить с себя французское иго; с этой предвзятой установкой он оценивал и положение дел в Берлине и в этом смысле оказал прекрасное влияние на генерала Йорка. Последний сознавал, что сильно рискует, но, по крайней мере, руки у него не были окончательно связаны.

С другой стороны, если судить по-человечески, то приходится сказать, что решение, подобное тому, которое принял в данном случае генерал Йорк, требует известного времени для того, чтобы оно окончательно созрело, и если этот период созревания назвать нерешительностью, то таковая была, пожалуй, побеждена у генерала

Йорка последним поручением, которое имел к нему автор.

Так как виновность его изо дня в день, пока тянулись переговоры, все более и более нарастала, то под конец потребовался лишь небольшой толчок для того, чтобы удалить всякую мысль о возвращении назад.

Поведение генерала Дибича в течение всего этого времени заслуживает величайшей похвалы. Он проявил по отношению к генералу Йорку такое доверие, какое только допускала лежавшая на нем ответственность; в течение всего времени переговоров он держался непринужденно, открыто и благородно и в эти минуты заботился исключительно об общем благе и притом, казалось, учитывал интересы Пруссии не менее, чем интересы России; прежде всего он устранял всякую мысль о превосходстве русского оружия, всякое проявление гордости победителя, тщеславия и грубости; всем этим он в значительной мере облегчил для генерала Йорка принятие трудного самого по себе решения, которое при менее благоприятных условиях, вероятно, так и не созрело бы.

Автор с удовольствием вспоминает небольшой инцидент, который имел место в Вилькишкене. В ночь с 28-го на 29-е, когда автор только что вернулся от генерала Йорка, в его комнату вошел генерал Дибич, крайне взволнованный, и сказал, что он только что получил известие, что разъезд в составе одного урядника и шести казаков, посланный в Рагнит с письмом для генерала д'Овре, захвачен неприятелем. Это письмо или, вернее, записка, к тому же написанная на французском языке, содержала краткий отчет о том, насколько продвинулось дело с генералом Йорком; эта записка, попав в руки французов, окончательно изобличила бы генерала Йорка. Генерал Дибич был в полном отчаянии от мысли, что он стал виновником несчастья, которое должно постигнуть этого генерала. Он обратился к автору в тоне просьбы, чтобы тот немедленно снова поехал к генералу Йорку и честно сознался ему в случившемся. Поручение это было не из приятных, однако, автор охотно взял его на себя; уже поданы были сани, когда вошел каза-

чий урядник и доложил генералу Дибичу, что его внезапно атаковал неприятель; бывшие с ним казаки рассеялись. «А письмо?!» — воскликнул поспешно генерал. — «Вот оно», — спокойно отвечал красавец-казак, возвращая письмо генералу.

Как только маршал Макдональд узнал об отпадении пруссаков, он тотчас выступил из Тильзита в Мелаукен, расположенный при входе в лесной питомник. На своем пути он не встретил ни Витгенштейна, ни Шепелева, а только несколько казачьих полков, принадлежавших к отряду генерал-майора Кутузова. Конечно, они дали ему дорогу, и он благополучно прибыл в Мелаукен, несмотря на энергичное преследование со стороны Кутузова и Дибича.

Генерал Шепелев, по ошибке перепутав названия селений, прибыл 31-го вместо Шилупишкена в Шиллен, находящийся на дороге из Тильзита в Инстербург. А так как Макдональд не двигался по этой дороге, то Шепелев оказался совершенно бесполезным. Генерал Витгенштейн страшно рассердился на этого генерала и устранил его от командования авангардом. Впрочем, сам Витгенштейн, находясь 29-го в Лебегаллене, всего в 5 милях от Шилупишкена, имел полную возможность прибыть 31-го еще во-время в это селение. Однако, он дошел только до Зоммерау; крайне плохие дороги, утомление войск, необходимость занимать под ночлег отдаленные селения могут, конечно, служить оправданием его коротких переходов; но главная причина заключалась в том, что его энергия начала ослабевать, и после стольких огромных успехов начала возникать мысль, что теперь уже нет настоящей нужды в крайнем напряжении сил, и что лучше поберечь собственных людей.

Однако, граф Витгенштейн, следуя за маршалом Макдональдом по пятам до самого Кенигсберга, помешал ему сосредоточить там свои силы и устранил всякую мысль о возможности обороны французами Восточной Пруссии.

Таким образом, вопрос, служивший предметом горячих прений в штабе русского главнокомандующего, следует ли переходить границу, фактически уже оказался разре-

шенным. Если Витгенштейн уже дошел до Кенигсберга, то его следовало поддержать, и Чичагов получил приказание двинуться за ним через Гумбинен. В результате оба корпуса проследовали за французами до Вислы.

При этом Чичагову как старейшему в чине генерал-аншефа было поручено главное командование войсками, вторгнувшимися в Пруссию. Витгенштейн почувствовал себя настолько обиженным этим назначением, что остался в Кенигсберге под предлогом болезни. Впрочем, этот инцидент вскоре был улажен. Чичагов остался под Торном, а Витгенштейн, оставив 10 000 человек под Данцигом, переправился с остальными войсками через Вислу, дошел до Коница, где отдыхал несколько недель, а затем двинулся на Берлин, куда вступил в начале марта.

Хотя действия Витгенштейна, конечно, основывались на соответственных приказах Кутузова и императора, но все же именно он всякий раз давал новый импульс этому наступлению, докатившемуся до берегов Эльбы, и увлекал за собою все остальное.

Несмотря на то, что ген. Йорк, как мы видели, проявил дальновидность, подготовив прусского короля посредством двух отдельных сообщений к решению, которое он намеревался принять, тем не менее заключенная Йорком конвенция явилась для короля в высшей степени неприятной неожиданностью. Самоуправство этого генерала поставило короля в крайне затруднительное положение. Момент, подходящий для изменения политической ориентировки, казалось, еще не наступил; но если бы даже действительно настало время, то представлялось ненужным и неправильным самовольное решение Йорком этого вопроса. Такие рассуждения были вполне естественны в Берлине, так как там еще не могли полностью осознать все значение гибели французской армии. Также недостаточно в Берлине учитывали и все последствия, вытекавшие для войны в целом вследствие выхода генерала Йорка из рядов сражающихся. В этих условиях заключенная Йорком конвенция рассматривалась как бесполезное самоуправство.

Однако, спокойный анализ всех обстоятельств и советы барона Гарденберга уже тогда заронили в голову коро-

ля мысль, что союз с Францией среди бури несчастий, которые последняя сама навлекла на себя, не является долгом Пруссии и не отвечает ее интересам.

Итак, в этот трудный момент было решено избегать обязывающих заявлений и возможно искусно лавировать между враждующими сторонами.

Формально было выражено неодобрение поступку генерала Йорка, конвенция не получила утверждения, командование корпусом должно было перейти к генералу Клейсту, над действиями генерала Йорка назначалось следствие, Наполеону был предложен другой вспомогательный корпус; со всеми этими решениями в Париж был послан князь Гацфельд. Все это были мероприятия, которые не могли оказать большого влияния на чашу политических весов, но все же должны были на первое время удовлетворить французов.

К корпусу Йорка с этими поручениями был послан флигель-адъютант короля подполковник фон-Нацмер. Но сущность дела заключалась в том, что корпус Йорка находился позади войск Витгенштейна, а потому подполковник фон-Нацмер должен был проследовать через линию русских войск. Он не мог сделать этого тайно, да и не имел такого поручения; он отправился к графу Витгенштейну и просил его разрешения проехать к генералу Йорку. Граф Витгенштейн спросил его, в чем заключается его поручение, на что подполковник фон-Нацмер отвечал, что ему поручено отрешить генерала Йорка от командования и передать таковое генералу Клейсту. «В таком случае, подполковник, вы не пройдете через мои посты», — сказал граф Витгенштейн. «Поручено ли вам еще что-нибудь?» Подполковник фон-Нацмер признался, что у него есть письмо к русскому императору.

«Ах, его передать я вам разрешу с величайшим удовольствием». Подали небольшие сани; в них сел с подполковником фон-Нацмером русский офицер, и они вместе поехали в Вильно к императору. Это произошло в середине января. Таким образом, генерал Йорк сохранил свое сомнительное командование. В Берлине каждый день получались все новые и новые сведения о разгроме французов. Мысль о возможности сопротивления крепла

с часу на час, и четыре недели спустя после отправки подполковника фон-Нацмера уже не было сомнений в том, на какую сторону следует стать. Король покинул Потсдам, чтобы отправиться в Бреславль. 7 марта Витгенштейн вступил в Берлин. Следом за ним шел генерал Йорк, и 17 марта он вошел в Берлин; в тот же день в Бреславле было опубликовано сообщение, что в результате ознакомления с данными следствия генерал Йорк признается невиновным, а потому снова восстанавливается на своем командном посту; тем же числом было помечено воззвание короля к прусской армии и народу.

Этот беглый обзор следствий похода в Россию и истоков движения, вовлекшего в себя массы, являлся необходимым для полного уяснения значения конвенции, заключенной Йорком.

Если бы Йорк соединился с Макдональдом, то у последнего вместе с дивизией Геделе, подходившей из Кенигсберга, оказалась бы армия в 30 000 человек, сосредоточенная за Неманом. А так как главная русская армия остановилась в Вильно и Чичагов получил приказание не переходить границу, а у Витгенштейна вместе с войсками, подошедшими из Риги, было всего лишь 25 000 человек, то трудно предположить, чтобы последний решился двинуться за Неман на свой страх, дать сражение маршалу Макдональду и, продолжая войну, развивать операции до самого сердца Пруссии. Правда, в истории похода в Россию полковника Бутурлина сказано, что граф Витгенштейн еще в окрестностях Вильно получил направление на Гумбинен, но оказался вынужденным из-за плохих дорог у Немана свернуть на север; однако, этому неосновательному или скорее непонятному месту в этой книге едва ли можно придавать большое значение. Направление на Гумбинен и направление на Вилькомир чересчур различны, чтобы служить одной и той же цели. В окрестностях Вильно едва ли могло притти в голову двинуть корпус в 25 000 человек на расстояние 30 миль в глубь Пруссии. Насколько автор припоминает происходившее в то время в главной квартире Витгенштейна, последнему приходилось просто с боя добиваться разрешения на последовательное продвижение к Кенигсбергу с целью за-

хвата пути отступления Макдональда, а затем на преследование этого маршала до самой Вислы. Сам же Витгенштейн был постепенно, шаг за шагом, вовлечен в эту операцию сперва запоздалым отходом Макдональда, затем отделением Йорка и переговорами с ним и, наконец, заключенной с ним конвенцией и тем опасным положением, в каком оказался Макдональд; все сложилось бы совсем по-другому, если бы на том берегу Немана или даже за Прегелем русских ожидали 30 000 неприятельских солдат. По всем вероятностям, русский поход закончился бы тогда на границе Пруссии.

Хотя мы и не склонны рассматривать окружающие нас явления как следствие отдельных причин, а всегда видим в них совокупное действие многих сил, так что устранение одного из факторов не может вызвать полного изменения целого, все же мы должны признать, что часто великие события имели своим источником ничтожные на вид явления и что какая-нибудь отдельная, а потому более подверженная влиянию случая причина часто вызывает следствия чрезвычайно общего характера.

То же случилось и с конвенцией, заключенной Йорком. Конечно, неразумно было бы думать, что без решения, принятого Йорком 29-го вечером в Таурогене, Наполеон все еще сидел бы на французском престоле, а французы продолжали бы оставаться властителями Европы; исчезновение наполеоновского господства обуславливалось бесчисленным множеством причин или, вернее сказать, сил, которые большей частью не утратили бы своей действительности и без генерала Йорка; однако, нельзя отрицать, что решение, принятое этим генералом, повлекло за собою огромные последствия и, надо полагать, значительно ускорило достижение конечного результата.

Теперь да будет еще дозволено автору высказать свое мнение относительно оперативного плана Наполеона в этой кампании, неоднократно уже подвергавшейся критическому рассмотрению.

Наполеон хотел вести и закончить войну с Россией так, как он всюду вел и заканчивал свои войны: начать с решительных ударов и использовать полученные от них преимущества для нанесения новых решительных ударов.

иначе говоря, все время ставить весь выигрыш на карту до тех пор, пока не будет сорван банк. Таков его обычный способ действий; надо сознаться, что именно только этому способу действий он обязан своим колоссальным мировым успехом и что при всяком другом способе действий такой успех едва ли был бы мыслим.

В Испании этот прием ему не удался. Австрийская кампания 1809 г. спасла Испанию, помешав Наполеону выгнать англичан из Португалии. С этого момента он увяз в Испании в оборонительную войну, требовавшую от него огромной затраты сил и до известной степени связывавшую одну из его рук.

Удивительная и, может, величайшая ошибка, допущенная Наполеоном, заключалась в том, что он сам не отправился в 1810 г. на Пиренейский полуостров, чтобы закончить войну в Португалии, после чего она мало-помалу сама утасла бы и в Испании, так как бесспорным является то, что действия испанских повстанцев и английской десантной армии в Португалии взаимно поддерживали друг друга. Продолжение этой борьбы вынуждало Наполеона все время содержать в Испании значительную армию.

Поэтому вполне естественным и, вероятно, правильным было сосредоточение его внимания в новой войне с Россией на том, чтобы не завязнуть в затяжной и дорогостоящей оборонительной войне на этом еще более отдаленном театре войны. Таким образом, он испытывал крайнюю потребность закончить всю войну одной, самое большее — двумя кампаниями.

До сих пор оперативный план его войн заключался в том, чтобы разбить боевые силы противника, окончательно разгромить их, овладеть столицей государства, загнать его правительство в самый отдаленный угол страны и затем, используя минуты колебания, добиться мира. В России он встретил два препятствия: первое — огромное протяжение страны и второе — наличие двух далеко отстоящих друг от друга столиц. Вызываемые этим потери в моральном воздействии его военных успехов он, вероятно, рассчитывал наверстать слабостью русского правительства и теми раздорами, которые ему,

быть может, удастся посеять между правительством и русской знатью. В обеих надеждах он обманулся; и поэтому-то покинутая и разрушенная Москва представилась ему столь ненавистной. Он надеялся отсюда с помощью общественного мнения оказать воздействие на Петербург и на всю Россию.

Если при этих условиях Наполеон стремился по возможности одним скачком добраться до Москвы, то это являлось вполне последовательным.

Противодействие огромного пространства страны и возможность народной войны, словом, давление всей тяжести этого великого государства могло сказаться лишь по прошествии некоторого времени; оно могло бы стать подавляющим, если бы не было преодолено в первом же быстром разбеге.

Если бы, действительно, Наполеон должен был считаться с необходимостью закончить эту войну не в одну, а в две кампании, то все же представляло существенную разницу, завоюет ли он Москву в первую же кампанию или не завоюет. Овладев этой столицей, он имел бы основание надеяться, что ему удастся сорвать приготовления русских к дальнейшему сопротивлению вследствие импонирующего впечатления, производимого остатками его сил, введения в заблуждение во всех отношениях общественного мнения и подрыва в русских чувства долга.

Если бы Москва оставалась в руках русских, то, может быть, опираясь на нее, к следующей кампании русскими был бы организован столь мощный отпор, что ослабленные силы Наполеона неизбежно могли оказаться недостаточными. Словом, он полагал, что с захватом Москвы он окажется уже достигшим перевала.

Это, как нам представляется, наиболее естественная для такого человека, как Наполеон, точка зрения. Мы стоим теперь лишь перед вопросом, являлся ли подобный план совершенно неосуществимым в условиях России и не следовало ли предпочесть какой-либо другой план.

Мы решительно не разделяем подобного мнения. Поражение и разгром русской армии, завоевание Москвы — все эти цели могли бы быть достигнуты в одну кампанию; но мы полагаем, что эти цели должны были быть

связаны с еще одним существенным условием, а именно: нужно было и в Москве все еще оставаться грозным для неприятеля.

Мы полагаем, что Наполеон упустил это из виду вследствие характерного для него высокомерного легкомыслия.

В Москву он прибыл с 90 000 человек, а должен был бы привести 200 000.

И это было возможно, если бы он бережливее и заботливее относился к своей армии. Но этот вопрос всегда был чужд ему. Возможно, что он потерял бы в боях на 30 000 человек меньше, если бы он не хватал всюду быка за рога. При большей заботливости и лучшем устройстве продовольственного дела, при более обдуманной организации маршей, при которой огромные массы войск не были бы бесполезно сбиты в кучу на одной дороге, он мог бы предотвратить тот голод, который царил в его армии с самого начала кампании, и тем самым сохранил бы ее в более полном составе.

Правда, еще вопрос — оказали ли бы надлежащее моральное воздействие и добились ли бы мира 200 000 человек, расположившиеся в самом сердце России. Нам представляется, что при отсутствии опыта такого похода в Москву имелись основания рассчитывать на такой результат. Что русские покинут Москву, сожгут ее и начнут войну на истребление, этого нельзя было уверенно предвидеть, да, пожалуй, это не представлялось и вероятным; но раз это произошло, то война в целом, как бы ее ни вели, была обречена на неудачу.

Далее, вторым крупным упущением Наполеона является недостаточная его забота о подготовке отступления.

Если бы Вильно, Минск, Полоцк, Витебск и Смоленск были укреплены сильными палисадами и если бы каждый из этих городов располагал гарнизоном в пять-шесть тысяч человек, то отступление этим было бы облегчено во многих отношениях, и особенно в продовольственном. Напомним хотя бы только о тех 700 быках, которые казаки отбили 9 ноября под Смоленском. Если при этом представить себе, что французская армия пришла в Москву более сильной и, следовательно, более силь-

ной оттуда и выступила, то отступление французской армии не носило бы характера погружения в глубокую бездну, который она имела в действительности.

Каким же являлся другой план, выдвигавшийся уже после совершившихся событий (как более разумный или, как принято выражаться, более методичный)?

Наполеон будто бы должен был остановиться на Днестре и Двине и во всяком случае закончить кампанию взятием Смоленска, затем прочно занять завоеванную территорию, обеспечить свои фланги, приобрести, таким образом, лучшую базу, привлечь поляков в ряды армии, что увеличило бы ее наступательную силу, и уже в следующую кампанию, дав передышку армии и усилив ее подкреплениями, начать наступление на Москву.

На первый взгляд, пока этот проект не будет внимательно проанализирован, он представляется вполне удовлетворительным, в особенности, если не учитывать при оценке его тех перспектив, которые открывались планом, которому следовал Наполеон.

В соответствии с идеей этого плана Наполеону следовало в первую кампанию заняться овладением Ригой и Бобруйском (так как это были единственные крепости в подлежащей занятию полосе), а на зиму организовать оборонительный фронт от Рижского залива вдоль Двины до Витебска, а оттуда — до Смоленска, затем вдоль Днестра приблизительно до Рогачева, далее за Припятью и Мухавцом до самого Буга, что составило бы около 200 миль.

Итак, он закончил бы кампанию, не победив русской армии, которая сохранила бы свою мощь почти полностью, а Москва осталась бы даже вне угрозы. Русская армия, которая в начале кампании была еще слабой, затем должна была увеличиться приблизительно вдвое; в этом случае она получила бы время полностью сосредоточиться с тем, чтобы в течение зимы открыть наступательные действия против чрезвычайно растянутого оборонительного фронта французов. Такая роль была не во вкусе Наполеона. Самое дурное в этом деле заключалось в том, что победа, которую он одержал бы в этих условиях, осталась бы без всяких положительных последствий,

так как зимой или даже поздней осенью он не знал бы, что ему делать со своей победоносной армией, не имея перед собой никакого объекта борьбы. Следовательно, ему оставалось бы только постоянно отражать удары, наносимые русскими, ничем не отвечая на них.

Представим себе практическое осуществление этого плана. Как он должен был разместить свои войска? По квартирам? Но квартирное расположение было осуществимо лишь вблизи нескольких крупных городов и то только для корпусов умеренного состава. В лагерях? Зимой это было бы невозможно. Но если бы он сгруппировал свои войска вблизи отдельных городов, то вся территория между этими городами принадлежала бы отнюдь не ему, а казакам.

По всей вероятности, потери, которые французская армия понесла бы за такую зиму, не могли бы быть восполнены вооружением поляков.

Само вооружение польского народа, если внимательно рассмотреть этот вопрос, представляло бы также большие затруднения. Во-первых, польские провинции, принадлежавшие Австрии, не могли бы быть им охвачены; точно так же отпадали бы польские провинции, остававшиеся в руках русских; далее, это вооружение, чтобы не затронуть интересов Австрии, не могло бы быть произведено так, как того желали поляки, а именно в виде восстановления старого польского государства; это в значительной мере ослабило бы воодушевление поляков. Но главное затруднение заключалось бы в том, что страна, в которой разместились огромная масса чужеземных войск, совершенно не в состоянии была бы успешно формировать собственные вооруженные силы. Чрезвычайное напряжение сил, на которое граждане данного государства способны, имеет свои пределы; если от них требуют этих усилий с одной стороны, то они уже не могут их делать в другом направлении. Если крестьянин вынужден проводить целый день вместе со своим скотом на большой дороге для перевозки необходимого для чужеземной армии снабжения, если дом его полон солдат, если помещик должен поставлять свои запасы для содержания этих солдат, если повсюду настойчиво выдвигается и давит мо-

мент удовлетворения насущных потребностей армии, то уже не приходится ожидать, что добровольные жертвы деньгами и товарами и добровольная личная служба доставят средства для чрезвычайных вооружений.

Несмотря на все это, допустим возможность того, что такая кампания в конце концов выполнила бы поставленную ей задачу и подготовила бы дальнейшее наступление в следующую кампанию. Но учтем при этом то обстоятельство, что Наполеон застал русских наполовину неподготовленными, что он имел возможность использовать против них все огромное превосходство своих сил, с бою вырвать у них победу и придать своему предприятию всю ту внезапность, которая так необходима для того, чтобы привести в смущение противника. Он мог быть в достаточной мере уверен в том, что ему удастся в один прием достигнуть Москвы, и мог надеяться при этом в течение трех месяцев добиться мира; если мы будем иметь перед собой все эти перспективы и сравним их с возможными достижениями так называемой «методической» кампании, то остается еще под большим сомнением, не представлял ли в конечном счете план Наполеона больших шансов на конечный успех, чем другой план; первый план являлся бы основанным на правильном методе и притом не на более рискованном, а на более осторожном. Во всяком случае понятно, что такой человек, как Наполеон, в данном случае недолго колебался бы при выборе одного из этих двух планов.

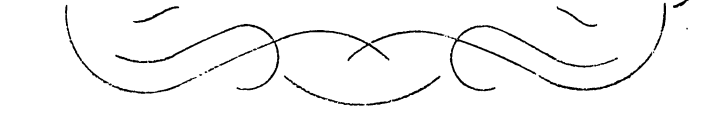
Над человеком всего сильнее властвуют опасности настоящего момента, а потому часто представляется чрезвычайно отважным такой поступок, который в конечном счете является единственным путем к спасению и, следовательно, поступком наиболее осмотрительным. Один лишь голый рассудок редко может в достаточной степени укрепить человека, а потому в большинстве случаев лишь природная смелость характера делает человека способным идти по таким путям осмотрительности. А в такой смелости у знаменитого завоевателя недостатка не было; именно он по прирожденной склонности избрал бы как раз самый отважный путь, даже если бы его гениальный ум и не указывал ему этого пути как наиболее мудрого.

Повторяем: всем, чем он был, он обязан этой отважной решимости, и самые блестящие его войны подверглись бы той же критике, если бы они не увенчались успехом.

**ОБЩИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ
ПОХОДА 1812г. В РОССИЮ**

Вся кампания, естественно, распадается на две части: на наступление и на отступление французов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Война ведется на пяти отдельных театрах войны: два слева от дороги, ведущей из Вильно на Москву, составляют левое крыло, два справа — составляют правое крыло и пятый — это сам огромный центр.

1. На нижнем течении Двины Макдональд с 30 000 наблюдает за Рижским гарнизоном, насчитывающим 10 000 человек. Правда, в сентябре подходят из Финляндии еще 12 000 человек под командой Штейнгейля, однако, они недолго остаются в Риге и переходят к Витгенштейну.

2. По среднему течению Двины (в районе Полоцка) сперва стоит Удино с 40 000 человек, а позднее Удино и Сен-Сир с 65 000 против Витгенштейна, силы которого сперва достигали 30 000 человек, а позднее 50 000.

3. В южной Литве фронтом к болотам Припяти располагались Шварценберг и Ренье с 51 000 человек против Тормасова, у которого было 35 000 и к которому позднее присоединился Чичагов с Молдавской армией силою в 35 000 человек.

4. Генерал Домбровский со своей дивизией и немногочисленной кавалерией, всего 10 000 человек, наблюдает за Бобруйском и генералом Гертелем, формирующим у Мозыря резервный корпус в 12 000 человек.

5. Наконец, посередине находятся главные силы французов, насчитывающие 300 000 человек, против двух главных русских армий — Баркляя и Багратиона — силою в 120 000 человек; эти силы французов направлены на Москву для ее завоевания. Указанная здесь численность отдельных групп относится к моменту переправы через Неман; затем эти силы быстро таяли, так что корпуса Удино и Сен-Сира никогда не насчитывали после соединения 65 000 человек, так же как и Шварценберг с Ренье не располагали 51 000.

Самый переход от первоначальной группировки к этим пяти основным войсковым массам, на что ушел весь июль месяц, представлял какую-то запутанность. Начиная с этого момента, все является крайне простым. Центр медленно продвигается к Москве, на флангах успех попеременно выпадает на долю то той, то другой стороны, пока, наконец, как раз к тому времени, когда в центре Наполеон оказался вынужденным начать отступление, т. е. в середине октября, оба фланга французов начали ослабевать и либо, подобно Шварценбергу, отступили эксцентрически, либо, как Удино и Сен-Сир, дали себя отеснить к пути отступления центра.

В начале кампании русская армия расположилась на границе тремя главными массами:

1. Первая западная армия под командой генерала Баркляя силою в 90 000 человек достигала своим правым крылом (Витгенштейн) Балтийского моря, а левым (Дохтуров) почти окрестностей Гродно; главная квартира находилась в Вильно. 90 000 человек

2. Вторая западная армия под командой Багратиона силою в 45 000 человек растянулась от Гродно до Мухавца; ее главная квартира была в Волковыске 45 000 »

3. Так называемая резервная армия под командой Торماسова стояла по ту сторону

Волынских болот и насчитывала 35 000 человек; ее главная квартира была в Луцке 35 000 человек

Сюда же надо добавить 10 000 казаков, большая часть которых с Платовым во главе находилась при армии Багратиона. 10 000 »

В первой линии 180 000 человек

Во второй линии стояли вдоль Западной Двины и Днепра резервные дивизии, составленные из третьих батальонов и пятых эскадронов; в общем они составляли 35 000 человек, которые вступили в дело в качестве подкреплений, прибывших к Витгенштейну, Рижскому и Бобруйскому гарнизонам, и в качестве корпуса генерала Гертеля; они потому лишь несколько позднее приняли участие в кампании.

Между тем, французы и их союзники наступали четырьмя главными массами:

1. Левое крыло под начальством Макдональда в составе 10-го корпуса силою в 30 000 человек перешло через Неман близ Тильзита и предназначалось для действий против Риги 30 000 человек

2. Центр под начальством самого Наполеона состоял из:

1-го корпуса Даву	72 000	человек
2-го » Удино	37 000	»
3-го » Нея	39 000	»
4-го » Евгения Богарне	45 000	»
6-го » Сен-Сира	25 000	»
Гвардия Мортье	47 000	»
Три резервных кавалерийских корпуса под командой Мюрата	32 000	»

297 000 человек

Эти массы переправились через Неман в двух пунктах: у Ковно 230 000 человек и у Пилоны в 3 милях выше Ковно 67 000 человек; они были предназначены действовать против Барклая.

3. К центру надо еще причислить под командой Жерома Бонапарта:

5-й корпус Понятовского	36 000	человек
7-й » Ренье	17 000	»
8-й » Вандама	17 000	»
Кавалерийский корпус Латур-Мобура	8 000	»

78 000 человек

Эта армия переправилась у Гродно и предназначена была против Багратиона.

4. Правое крыло 34 000 человек под начальством Шварценберга переправилось у Дрогичина через Буг и, повидимому, назначалось против Торماسова 34 000 человек

Итого 439 000 человек

План Наполеона заключался в том, чтобы 24 июня с 230 000 человек переправиться под Ковно через Неман и как можно скорее отбросить Барклая.

78 000 человек под командой Жерома должны были переправиться неделю спустя, т. е. 1 июля, и двинуться против Багратиона. Посредством задержки этой переправы Наполеон стремился побудить как Багратиона, так и левый фланг Барклая под командой Дохтурова задержаться на месте, чтобы затем выделенными из центра частями совершенно отрезать их от Барклая.

67 000 человек под командой Евгения Богарне, которые также должны были переправляться у Пилоны позднее, а именно 30 июня, предназначены были для того, чтобы прикрывать правый фланг главных сил центра и образовать связующее звено с группой Жерома.

Шварценберг и Макдональд должны были наступать на указанные им оперативные объекты, держась на линии центра.

Продвижение французов вперед, т. е. часть кампании до оставления Москвы, распадается во времени в свою очередь на два естественных этапа.

Первый этап включает в себе марши, намеченные французами для разъединения и окружения русских, а со стороны русских — их движение по сосредоточению. Эти передвижения закончились в начале августа для французов в районе Витебска и Орши, а для русских под Смоленском.

Второй этап включает в себе простой марш на Москву.

Каждый из этих этапов в свою очередь содержит по два периода. Первый из них — потому, что французы дважды останавливались: в первый раз в Вильно, а во второй — в Витебске; а второй — потому, что наступление французов закончилось занятием Москвы, а пребывание их в Москве и под Москвой до начала отступления приняло характер обороны. Итак, до начала отступления французов мы имеем четыре периода.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД. НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ДО ПЕРВОЙ ОСТАНОВКИ ПОД ВИЛЬНО, ОКОЛО 3 НЕДЕЛЬ, ОТ 24 ИЮНЯ ДО СЕРЕДИНЫ ИЮЛЯ

Переход через Неман был выполнен по намеченному плану.

24 и 25 июня Наполеон переправил свою огромную массу войск по трем мостам, наведенным в одном пункте, и 29 достиг Вильно.

Тотчас же после переправы он отрядил Удино, усилив его корпус кавалерийской дивизией, влево, на ту сторону Вилии против Витгенштейна, который в то время располагался под Кейданами, чтобы по возможности помешать его соединению с Барклаем, и вслед за ним послал Нея для поддержки Удино и для того, чтобы прочнее утвердить свое господство на правом берегу Вилии.

Витгенштейн действительно столкнулся в Вилькомире с авангардом Удино, но все же присоединился к главной армии на линии Свенцяны; за ним последовали оба французских корпуса. Из Вильно Наполеон тотчас же отправил около 50 000 человек под начальством Даву через Ошмяны, Воложин и Раков на Минск, чтобы отрезать, как то было намечено, Багратиона. Под личным командованием Наполеона оставалось, таким образом, около 110 000 человек, которые частью под командой Мюрата следовали через Свенцяны за Барклаем, частью (гвардия) оставались под Вильно.

26 июня Барклай с центром первой западной армии начал отступать из-под Вильно; он шел через Свенцяны к укрепленному Дрисскому лагерю, но двигался так медленно, что 2 июля еще находился под Свенцянами, где к нему могли присоединиться как Витгенштейн, так и Дохтуров. Последний выступил из Лиды лишь 27-го и взял направление на Ошмяны; здесь он наткнулся на передовую часть Даву, а потому пошел форсированным маршем на Свирь, куда прибыл 1 июля и едва успел уклониться от высланного против него отряда гвардейской кавалерии. 2-го он благополучно достиг армии под Свенцянами. 10 июля Барклай прибыл в Дрисский лагерь.

30 июня Евгений Богарне переправился у Пилоны и двинулся на Новые Троки и Ганужишки. Однако, Наполеон отозвал из этой массы 6-й корпус обратно к Вильно; Евгений продолжал продвигаться по указанному ему промежуточному направлению, пока 10 июля он не дошел до Липишик (Дзевенишек). Но так как к этому времени Даву уже дошел до Минска, а Багратион уклонился еще южнее на Бобруйск, то Евгению пришлось оставить свой путь и двигаться через Сморгонь, Вилейку и Камень на Витебск, благодаря чему вся эта масса войск вновь соединилась с главной армией.

1 июля Жером Бонапарт продвинулся через Гродно и Белосток к Новогродеку.

29 июня Багратион выступил из Волковыска и двинулся через Слоним и Новогродек к Николаеву, где 4 июля переправился через Неман. Узнав о том, что Даву находится в Воложине, он повернул на Мир с тем, чтобы

пройти через Свержень на Минск; но, наткнувшись в Свержене на передовые части Даву и присоединив к себе принадлежавший к корпусу Дохтурова кавалерийский отряд генерала Дорохова, он двинулся на Несвиж, чтобы через Слуцк, Бобруйск и Могилев соединиться с первой армией. 10, 11 и 12 июля он оставался в Несвиже, чтобы дать своим войскам подтянуться, а обозу и артиллерии предоставить время пройти вперед.

Тормасов все еще находился на Волыни и расположил свой штаб в Луцке, где собиралась его армия.

К 10 июля положение обеих армий было следующее:

Французы

Макдональд с 30 000 человек находился между Россие-нами и Шавлями.

Удино с 40 000 стоял под Солоком.

Ней с 39 000 — под Рымшанами.

Мюрат с 51 000 — у м. Видзы.

Наполеон } с 72 000 — под Вильно.

Гвардия

Сен-Сир

Даву с 50 000 — под Минском.

Евгений Богарне с 45 000 — под Липишиками (Дзеве-нишками).

Жером Бонапарт с 5-м и 8-м армейскими корпусами и кавалерией, всего 61 000 человек, — под Новогрудком.

Ренье с 17 000 — между Волковыском и Новогрудком.

Наконец, Шварценберг с 34 000 человек стоял под Пружанами.

Русские

Барклай со 100 000 человек — в Дрисском лагере.

Багратион с 45 000 — в Несвиже.

Тормасов с 35 000 — в Луцке.

В это время наступило полное затишье в операциях центра французской армии.

Наполеон с ядром своей армии оставался в течение 14 дней в самом г. Вильно и в его окрестностях (лично он выехал из Вильно 16 июля). Мюрат, Ней и Удино

так слабо теснили русских, что последние могли употребить 15 дней на переход в 30 миль от Вильно до Дриссы и затем задержаться там против них приблизительно еще неделю.

Даже Даву простоял в Минске 4 дня, прежде чем двинулся на Могилев.

Евгений Богарне продолжал свой фланговый марш на Витебск, который, однако, проходил по уже занятой территории.

Эта остановка произошла вследствие значительных затруднений, вызванных снабжением армии продовольствием, огромным числом отставших, оказавшихся в эти первые дни, а также многочисленными заболеваниями; последнее было отчасти вызвано холодной дождливой погодой, начавшейся в конце июня и продолжавшейся в течение недели.

ВТОРОЙ ПЕРИОД. ОТ КОНЦА ПЕРВОЙ ОСТАНОВКИ ДО ВТОРОЙ ОСТАНОВКИ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО, ОТ СЕРЕДИНЫ ИЮЛЯ ДО 8 АВГУСТА, Т. Е. ТАКЖЕ ТРИ НЕДЕЛИ

В середине июля Наполеон двинул свои корпуса из Вильно на Глубокое, куда сам он выехал 16-го. Он собрался отсюда атаковать, или, точнее, окружить Дрисский лагерь всей своей армией (без Даву, Жерома и Евгения), но Барклай отказался от мысли дать сражение в этом пункте и начал дальнейшее отступление и притом по направлению к Московской дороге, т. е. сперва на Витебск. Он выступил 16 июля по правому берегу Двины через Полоцк и прибыл в Витебск 23 июля. Для прикрытия дорог, ведущих на Петербург, он оставил в районе Полоцка Витгенштейна с 25 000 человек.

Оставив против Витгенштейна Удино с его корпусом и одной кавалерийской дивизией, Наполеон с остальными войсками двинулся на Витебск, в окрестности которого прибыл 26-го.

Багратион выступил 13 июля из Несвижа, прошел через Слуцк и Глуск, переправился у Бобруйска через Березину, а затем двинулся на Старый Быхов на Днепре, куда и прибыл 21-го. Он направлялся вверх по течению

реки до Могилева, чтобы воспользоваться имевшимся там мостом.

Даву должен был отправить из Минска в Оршу к главной армии 6 000 всадников. После выделения многих других воинских частей Даву с главными силами двинулся на Могилев, куда он прибыл 20 июля. Теперь у него оставалось только 20 000 человек, с каковыми силами он и выступил против Багратиона, силы которого все еще равнялись 45 000 человек. Даву нашел в полутора милях от Могилева сильную позицию у деревни Салтановки, которую он 22-го занял в ожидании Багратиона и на которой он подвергся его безуспешной атаке 23-го числа. Последний не решился ввести в дело для атаки все свои силы, да и времени у него не было для обхода сильной позиции Даву; поэтому это надо считать скорее попыткой Багратиона, которую он предпринял только корпусом Раевского и кавалерией, пока по его распоряжению наводили мост у Старого Быхова. 24-го он отошел туда, перешел Днепр, а затем двинулся через Мстиславль на Смоленск, куда и прибыл 4 августа, на несколько дней позднее Барклая.

Объединенная под командой Жерома Бонапарта войсковая группа, непосредственно предназначенная для действий против Багратиона, продвинулась 10 июля к Новогрудку и проследовала далее на Мир. Там Платов устроил против их авангарда засаду, которая нанесла французам большие потери; это, повидимому, заставило Жерома быть впредь более осторожным; по крайней мере, он не помешал Багратиону отдыхать три дня в Несвиже, да еще и сам задержался в этом городе до 16-го, когда получил от Наполеона резкое порицание за медлительность наступления и приказание стать под начальство Даву. Недовольный этим, он немедленно покинул армию.

Группа войск, находившаяся под его командой, распалась следующим образом:

8-й корпус (из вестфальцев), от командования которым был отстранен Вандам и временно замещен Тарро, был двинут через Минск на Оршу, т. е. на соединение с великой армией. Понятовский с 5-м корпусом последо-

вал за Багратионом лишь до Романова, где начинаются большие леса, а оттуда двинулся через Игумен на Могилев, куда он прибыл шесть дней спустя после боя. Латур-Мобур в погоне за князем Багратионом дошел до Глуска, но лишь 24-го. Не имея возможности пройти через Бобруйск, являвшийся крепостью, он у с. Березино переправился через реку Березину и далее пошел на Могилев, куда прибыл лишь 5 августа.

Ренье с 7-м корпусом получил назначение против Тормасова. Дело в том, что вопреки точному смыслу договора с Австрией Наполеон имел намерение притянуть к главной армии генерала Шварценберга и поручить генералу Ренье защиту Мухавца и Припяти, для какой задачи он считал его достаточно сильным, так как он оценивал силы Тормасова не выше 10 000 человек. Поэтому Ренье получил приказ отойти в Слоним, а оттуда продвигаться к Мухавцу.

Шварценберг из Пружан занял берега Мухавца и Пяны линией охранения фронтом к Воляни; эта линия тянулась от Брест-Литовска до Пинска на 24 мили. Ренье приступил к смене этого охранения. 25 июля он поэтому находился в Хомске, в то время как бригады Кленгеля и мелкие отряды находились в Брест-Литовске и Пинске.

В середине июля Тормасов получил приказание повести наступление в тыл французской армии. 17 июля он выступил и начал продвигаться столь же невероятно растянутым фронтом, причем с главными силами он шел через Ратно на Кобрин, а боковыми отрядами доходил до Брест-Литовска и Пинска. Вследствие этого Ренье не мог решить, в каком же направлении Тормасов наступает; Тормасов, таким образом, успел наброситься на бригаду Кленгеля, а подошедшие из Брест-Литовска отряды совершенно окружили ее и после упорного сопротивления принудили положить оружие; при этом корпус Ренье понес потери в размере 6 000 человек. Ренье поспешил на помощь, но дошел лишь до Антополя и оказался вынужденным отступить к Слониму. Шварценберг, более осведомленный относительно сил, которыми располагал Тормасов, не последовал приказу Наполеона, а остался в Слониме, откуда он выступил для оказания помощи

Ренье. С последующего согласия Наполеона он окончательно остался на этом театре войны.

Макдональд приказал пруссакам под командой генерала Граверта двинуться на Ригу; 19 июля они столкнулись под Эккау с генералом Левисом, выступившим из Риги с частью гарнизона, и после горячего боя отбросили его к Даленкирхену. Сам Макдональд с дивизией Гранжана направился в Якобштадт, где задержался несколько недель.

Таким образом, 26 июля расположение обеих армий было следующее:

Макдональд с 20 000 — перед Ригой и с 10 000 — в Якобштадте.

Удино стоял у Полоцка с 40 000 человек против Витгенштейна, имевшего 30 000.

Наполеон со 180 000 человек стоял под Витебском против Барклая, у которого было 75 000 человек.

Сен-Сир с 25 000 человек, составлявшими особого рода резерв, находился под Умачем.

Даву с 50 000 располагался в Могилеве против Багратиона.

Сам Багратион с 45 000 — в пути между Могилевом и Мстиславлем.

Понятовский с 44 000 человек стоял между с. Березино и Могилевом.

8-й корпус французов — 17 000 человек — у Борисова.

Шварценберг с 34 000 — у Слонима.

Ренье с 17 000 — под Хомском против Торماسова, находившегося с 35 000 близ Кобрина.

Если как в первом обзоре расположения сил, так и теперь мы сохранили первоначальные цифры численности корпусов, то это сделали исключительно с целью нагляднее обозреть группировку первоначально имевшихся сил, так как вообще можно принять, что около 26 июля все эти корпуса уже утратили, по крайней мере, четвертую часть своих сил отставшими, больными и выбывшими из строя в боях. Потери русских были не столь велики, потому что отступательные марши в соб-

ственной стране могут быть лучше подготовлены и обеспечены наличием магазинов.

Французские корпуса были также отчасти ослаблены выделением отрядов; впрочем, это коснулось главным образом корпуса Даву, остальных менее, чем то можно было бы предполагать, так как они образовывали из оставших особые батальоны, которые использовались для занятия гарнизоном важных пунктов.

Из Витебска Барклай выдвинул против французов по левому берегу Двины сильный аррьергард; этому аррьергарду пришлось выдержать горячие бои против Мюрата по дороге на Бешенковичи между Островной и Витебском: 25-го под командой генерала Остермана-Толстого, 26-го под командой генерала Коновницына, 27-го под командой генерала Палена, — всякий раз в составе свежих войск; бои доходили до самых окрестностей Витебска.

27-го Наполеон думал, что ему удастся атаковать Барклай; однако, последний задержался в Витебске всего лишь четыре дня и, получив известие, что Багратион направляется на Смоленск, выступил двумя колоннами 27-го туда же по дорогам на Рудню и на Поречье на соединение с Багратионом. Барклай подошел к Смоленску 2 августа, а Багратион 4-го; здесь они нашли подкрепления в числе 8 000 человек; теперь численность обеих армий, не считая казаков, достигала приблизительно 120 000 человек.

Барклай принял главное командование, но не со всею полнотою власти, так как Багратион подчинился ему лишь добровольно; продолжали оставаться все еще две армии.

Наполеон расположился в Витебске и разместил свои корпуса между Двиной и Днепром.

Здесь произошла вторая остановка французской армии, продолжавшаяся до 8 августа. За это время к центру снова присоединились посланные против Багратиона корпуса Евгения Богарне, Даву и Жерома: Евгений 24 июля под Бочейково на Уле; Даву 2 августа под Дубровной на Днепре, на левый берег которого он отошел; 8-й корпус 4 августа в Орше, где Жюно принял командование над ним. Понятовский с 5-м корпусом оставался

до 8 августа в Могилеве, откуда он послал Латур-Мобура с 4-м кавалерийским корпусом и дивизию Домбровского к Бобруйску против генерала Гертеля. Впоследствии Латур-Мобур возвратился к главной армии, Домбровский же остался в этом районе для прикрытия Минска до самого отступления. Понятовский присоединился к центру как раз к тому времени, когда последний двинулся на Смоленск.

Ренье, как мы выше сказали, был отправлен на Волынь.

В этот период затишья и сосредоточения французского центра Витгенштейн отошел на расстояние одного перехода от Двины, а именно по дороге, которая ведет от Друи на Себеж и Петербург. Из опасения, что его атакуют с одной стороны Удино, продвигавшийся из Полоцка по дороге на Себеж, а с другой — Макдональд, прибывший в Якобштадт, он решил сам атаковать Удино раньше, чем Макдональд успеет настолько продвинуться вперед, чтобы действовать совместно с последним. Итак, он двинулся из Речицы через Коханово к Клястицам и 31 июля достиг Удино с 20 000 человек под Якубовом, где он его атаковал и разбил. Во время преследования 1 августа авангард Витгенштейна под командой генерала Кульнева, переправившийся через Дриссу, потерпел такое поражение, которое превысило бы успех, достигнутый накануне, если бы со своей стороны французская дивизия Вердье при преследовании Кульнева снова не наткнулась на главные силы Витгенштейна и не была бы вынуждена отступить, понеся большие потери. Вследствие этого в конце концов успех оказался на стороне русских, так как Удино приостановил свое наступление и его пришлось подкрепить корпусом Гувиона-Сен-Сира. Витгенштейн последовал за ним до Полоцка, но не счел свои силы достаточными, чтобы атаковать этот город, и счел за лучшее снова занять свою позицию между Друей и Дриссой.

Шварценберг вел наступление против Тормасова.

Таково было положение на фронте до 8 августа, и, пожалуй, затишье продолжалось бы еще некоторое время, если бы Барклай не попытался перейти в наступление.

Кампания уже длилась шесть недель, расстояние, на которое французы продвинулись вперед от границы, равнялось приблизительно 50 милям; длина фронта от Балтийского моря через Витебск и Оршу до Мухавца достигала приблизительно 130 миль. Французская армия понесла значительные потери вследствие недостатка продовольствия и чрезмерного напряжения сил, отчасти также в боях, происходивших время от времени; можно было полагать, что ей пришлось отделить довольно много отрядов, а потому можно было допустить, что центр ее в значительной мере утратил свое первоначальное подавляющее превосходство над Барклаем. В действительности силы французской армии, находившейся непосредственно под командой Наполеона, по дневным ведомостям на 3 августа не превышали 185 000 человек.

Из 375 000, первоначально составлявших центр французской армии, было выделено под командой Удино, Сен-Сира, Латур-Мобура и Ренье 90 000 человек, если сохранить первоначальные цифры. Таким образом, должно было оставаться 285 000 человек; недостающие 100 000 большей частью составляли потери, так как французская армия почти совсем не выделяла мелких отрядов в виде гарнизонов и т. п. Потери, следовательно, к тому времени уже достигали более одной трети первоначальных сил. Потери Шварценберга и Удино были почти столь же велики, потому что первый вместе с войсками Ренье располагал лишь 42 000 человек из первоначальных 51 000, а у Удино с Сен-Сиром из первоначальных 65 000 оставалось всего лишь 35 000 человек; меньшие потери были у Макдональда.

Расположение 185 000 под командой Наполеона было следующее:

Мюрат и Ней — под Рудней.

Три дивизии 1-го корпуса, изъятые из-под командования Даву, — под Бабиновичами.

Гвардия — в Витебске.

Евгений Богарне — под Суражем и Велижем.

Даву и Жюно — на левом берегу Днепра.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД. ОТ ПОПЫТКИ К НАСТУПЛЕНИЮ РУССКИХ ГЛАВНЫХ СИЛ ДО ПОТЕРИ МОСКВЫ, ОТ 8 АВГУСТА ДО 15 СЕНТЯБРЯ, ВСЕГО 5 НЕДЕЛЬ

Группировка французской главной армии, большей частью расположившейся по квартирам, несомненно, являлась очень растянутой. При внезапном нападении на нее можно было ожидать успеха, который выразился бы в том, что некоторые корпуса были бы приведены в замешательство. Если бы это нападение и не привело к поражению французской армии в целом, то все же оно явилось бы блестящим делом для русских; оно снова подняло бы моральные силы их войск и ослабило бы как физически, так и морально противника; к этому все и сводилось при ведении этой кампании.

Поэтому Барклай решил, оставив выдвинутую вперед в Красное дивизию Неверовского, направить обе армии на Рудню как на центр неприятельского расположения и в соответствии с этим выступил 8 августа тремя колоннами вдоль этой дороги на Рудню. Результат этого неожиданного движения был тот, что Платов с русским авангардом атаковал у Инково французский авангард под командой Сабастяни и отбросил его назад, нанеся ему значительные потери.

Однако, уже в первый день наступления Барклая охватила тревога, что главные силы французов находятся на дороге в Поречье и что его наступление окажется ударом по воздуху. Он стал опасаться за свой отход, отказался от наступления и занял позицию на дороге в Поречье.

Это незавершенное наступление вспугнуло французов, и Наполеон решил возобновить свое наступление: 14 августа все корпуса, еще остававшиеся на правом берегу Днепра, переправились на левый у Рассны и стали двигаться на Смоленск. Между тем, Барклай, обнаружив на четвертый день свою ошибку, захотел снова наступать по дороге на Рудню. Однако, движение французской армии побудило его 16-го оставить местность близ Каспли и отойти к Смоленску.

15-го русская дивизия Неверовского, все еще стоявшая под Красным, была атакована Мюратом и отброшена, причем понесла значительные потери. 16-го французы атаковали Смоленск, в который Багратион спешно перебросил корпус Раевского. 17-го на смену этому корпусу пришел другой — из первой армии под командой Дохтурова, а Багратион со второй армией занял позицию, находящуюся за рекой Колодной на дороге в Москву.

Французы продолжали свои атаки на предместья Смоленска и к концу дня овладели ими. В ночь на 18 августа русские покинули Смоленск; однако, 18-го они еще оставались на правом берегу Днепра против города и препятствовали французам переправиться через реку. Багратион же отступил до Дорогобужа. В ночь на 19 августа Барклай с первой армией начал отступать, и так как большая Московская дорога на расстоянии нескольких часов ходьбы тянется очень близко вдоль берега Днепра, то он сперва пошел по направлению к Поречью, а затем по проселочной дороге на Лубино и в двух милях от Смоленска вышел снова на большую Московскую дорогу. Это привело к арьергардному бою у Валутиной горы, в котором участвовало приблизительно по одной трети армий обеих сторон. Сильная позиция русских позади топкого болотистого луга дала им возможность удержать за собой до наступления темноты поле сражения и обеспечить отход армии.

Бои под Смоленском и бой под Валутиной горой обошлись французам в 20 000 человек; приблизительно такие же потери, надо полагать, понесли и русские.

От Валутиной горы до Бородино ежедневно происходили арьергардные бои, но ни один из них не имел особого значения. Обычно в них принимали участие с той и с другой стороны по 10 000—15 000 человек кавалерии при поддержке 10 000 пехоты; стороны держали друг друга на почтительном расстоянии.

27 августа близ Вязьмы к русской армии присоединилось 15 000 человек подкреплений под начальством Милоладовича.

29-го к армии прибыл Кутузов, принявший верховное командование от Барклая, который с этого времени остался командующим первой западной армии. Начальником генерального штаба стал Беннигсен.

4 сентября русская армия прибыла в окрестности селения Бородино, где она усилилась 10 000 ополченцев. 5-го произошел бой за передовую позицию на левом фланге. 6-го обе стороны отдыхали, а 7-го произошла битва под Бородино, в которой русские имели приблизительно 120 000 человек, а французы — 130 000. Русские потеряли около 30 000 человек, а французы около 20 000; после этого Кутузов рано утром 8-го продолжал отступать к Москве. Наполеон оставил под Можайском корпус Жюно, растаявший до нескольких тысяч человек, и с остальной армией последовал за Кутузовым.

Отступление русских сопровождалось постоянными, но незначительными арьергардными боями. Лишь 10 сентября хорошая позиция у Крымского предоставила генералу Милорадовичу случай оказать энергичное сопротивление, обошедшееся французам в несколько тысяч человек убитыми и ранеными.

14 сентября русская армия прошла через Москву, а французская вступила в нее; обе армии за 27 дней прошли путь от Смоленска до Москвы протяжением в 50 миль.

14-го русские совершили небольшой переход по Рязанской дороге, которую справа прикрывает течение Москва-реки.

15-го они остановились, 16-го снова сделали небольшой переход по этой дороге, а именно до переправы через Москва-реку в 4 милях от города, а 17-го и 18-го, совершив два фланговых перехода за Пахрой, свернули к Подольску; там они простояли 19-е, а 20-го третьим фланговым маршем они продвинулись к Красной Пахре на старой Калужской дороге, где и оставались до 26 сентября.

В течение этого третьего периода Витгенштейн попытался было атаковать дивизию Гранжана из корпуса Мак-

дональда, расположившегося у Динабурга; но он получил сведения, что Удино, подкрепленный Гувион-Сен-Сиром, наступает на него. Хотя Витгенштейн и присоединил к своим войскам Динабургский гарнизон, так как укрепления Динабурга не были закончены, все же он располагал лишь какими-нибудь 20 000 человек. Тем не менее он решил пойти навстречу Удино, чтобы его атаковать. 16 августа он подошел к Полоцку, где Удино построил свои войска тылом к городу. 17 августа Витгенштейн атаковал последнего настолько успешно, что Удино уже решил было отступить, назначив отход на следующий день, но в это время он был ранен, и командование перешло к Сен-Сиру, который 18-го внезапно атаковал Витгенштейна и принудил его отступить; последний занял позицию позади Дриссы. Таким образом, стратегическое соотношение сил противников здесь не изменилось, и обе стороны оставались до октября на месте без особых инцидентов, наблюдая друг за другом.

Перед Ригой 23 августа русские под начальством генерала Левиса произвели энергичную вылазку против правого крыла пруссаков у Даленкирхена, прогнали их, нанеся им значительные потери, и на другой день отошли назад. Затем до октября ничего значительного не произошло.

На правом крыле французов Шварценберг, соединившийся с Ренье, двинулся против генерала Торماسова; правое крыло последнего находилось в Хомске, левое — в Пружанах. Шварценберг всеми своими силами обрушился на этот левый фланг. Тормасов, оставив на дороге в Хомск 12 000 человек, попытался с 18 000 оказать сопротивление позади топкого поемного луга у Городечны между Кобрином и Пружанами; 12-го его атаковал Шварценберг с обходом его левого крыла. Тормасову удалось продержаться целый день, однако, ночью пришлось отступить на Кобрин. Он продолжал медленно отходить до Луцка, где 29-го занял позицию за Стырью, а Шварценберг остановился против него. На этих пози-

циях обе стороны оставались до прибытия Чичагова, которое приблизительно совпало с занятием Москвы.

В тылу французской армии в это время, 3 сентября, Виктор переправился через Неман у Ковно с 9-м корпусом силою в 34 000 человек и стал продвигаться к Смоленску, чтобы служить центральным резервом.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД. ОТ ЗАНЯТИЯ МОСКВЫ ДО НАЧАЛА ОТСТУПЛЕНИЯ, С 15 СЕНТЯБРЯ ДО 23 ОКТЯБРЯ, 5 НЕДЕЛЬ

Когда главная французская армия вошла в Москву, она насчитывала всего лишь 90 000 человек; Наполеон оказался не в состоянии развивать дальше свои операции. Он приостановился в ожидании мирных предложений, на которые можно было рассчитывать после того, как русские проиграли большое сражение и потеряли столицу.

Лишь авангард Мюрата силою от 25 000 до 30 000 человек осторожно последовал за русской армией; остальные же корпуса разместились по квартирам в предместьях Москвы и в окрестных селах, расположенных по всем дорогам, так что французская армия расположилась лучеобразно на все стороны света, что являлось естественным следствием далеко выдвинутого положения. Жюно все еще находился под Можайском, но располагал только 2 000 человек, а в Смоленске под начальством Бараге д'Илье была сформирована из маршевых батальонов дивизия; Виктор расквартировал свой корпус между Днепром и Двиной.

Таково было положение в течение первой недели, когда Мюрат последовал за русской армией по Рязанской дороге, Понятовский выдвинулся по Тульской дороге к Подольску, а Бессьер по Калужской дороге к Десне. Мюрат прорвался даже по ту сторону Москва-реки, на несколько дней потерял там из виду русскую армию, а затем последовал за ней через Подольск, откуда стал маневрировать против ее правого фланга, в то время как Понятовский и Бессьер сковывали ее фронт; вследствие этого 26 сентября русская армия оказалась вынужденной покинуть

свою позицию близ Красной Пахры и медленно отойти к Тарутину, где она заняла 2 октября укрепленную позицию за рекой Нарой; там она и оставалась до самого сражения под Тарутином. Во время этих последних передвижений происходили ежедневно арьегардные бои, иногда весьма упорные.

Благодаря удалению русской армии до 10 миль от Москвы, Наполеон получил возможность распространить свое квартирное расположение по всем радиусам на один или даже два перехода от Москвы, причем Мюрат с авангардом оставался под Винковым вблизи Кутузова. С другой стороны, фланговое положение русских вынудило Наполеона разместить по Смоленской дороге на расстоянии нескольких миль от Москвы несколько дивизий.

Русский император одновременно с донесением о потере Москвы получил сведения о печальном состоянии, в котором находилась французская армия, и решил ни на каких условиях не соглашаться на мир. Он предвидел, что Наполеон окажется перед необходимостью начать отступление еще до начала зимы. Еще к моменту Бородинского сражения в Петербурге была составлена инструкция, в силу которой Витгенштейн, Штейнгейль и Чичагов должны были соединиться в тылу французской армии, чтобы окончательно перерезать ее сообщения и при отступлении преградить ей переправу через Березину и Улу.

Тем временем русская армия значительно усилилась. Главная армия, насчитывавшая при своем проходе через Москву лишь 70 000 человек, снова была доведена до 110 000 путем присоединения к ней ополченских дружин и полевых войск.

К правому крылу подошел из Финляндии Штейнгейль с 12 000 человек, а силы Витгенштейна возросли до 40 000 человек. Вокруг Москвы во всех соседних губерниях, как-то: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Тульской и Калужской, были сформированы ополченские дружины, которые хотя и были вооружены по большей части только пиками, но все же составляли довольно значительные отряды, против кото-

рых французам приходилось создавать фронт и быть постоянно настороже.

Теперь и Кутузов под давлением сложившейся обстановки начал действовать во фланг неприятелю довольно значительными отрядами. Уже раньше на левом фланге французов, следовательно, на север от Москвы, оставлен был под командой Винценгероде значительный кавалерийский отряд; теперь такой же отряд под начальством Дорохова был направлен против правого фланга; этот отряд начал свою деятельность с того, что 26 сентября атаковал слабо укрепленную французами Верею и захватил находившийся в ней гарнизон в плен. Все эти успехи, достигнутые русскими, не могли быть уравновешены теми подкреплениями в 12 000 человек, которые постепенно подошли к французской армии.

Так как никаких мирных предложений из Петербурга не поступало и в бездействии прошло уже две недели, то Наполеон решил сделать первый шаг: 4 октября он отправил Лористона к Кутузову с письмом к императору Александру. Кутузов принял только письмо, но не Лористона. Наполеон выждал еще десять дней и 14 октября вновь пытался послать Лористона к Кутузову; одновременно он уже стал размышлять об отступлении. На этот раз Кутузов принял генерала Лористона, что послужило поводом для кое-каких поверхностных переговоров, которые соблазнили Наполеона отложить отступление еще на несколько дней.

Как раз в тот день, когда Наполеон собрался выступить из Москвы, Кутузов атаковал авангард Мюрата. Последний занимал позицию за Черничной близ Винькова на расстоянии 1 мили от Тарутина, следовательно, перед самыми позициями русских в 9 милях от Москвы, причем в этом промежутке не было никакого другого отряда для его поддержки. Мюрат располагал всего лишь 20 000 человек, позиция его была скверная, а 197 пушек скорее обременяли авангард, чем могли быть ему полезны. Кутузов мало-помалу узнал об этих ошибках противника и атаковал его 18 октября. Он отбросил Мюрата, потерявшего от трех до четырех тысяч человек и 36 пушек,

после чего русские снова заняли свои позиции под Тарутином.

В течение этого пятинедельного затишья на трех других театрах войны имели место следующие события:

В Ригу прибыл 20 сентября из Финляндии генерал Штейнгейль с 2 дивизиями, составлявшими вместе 12 000 человек. Усилив свой отряд частью гарнизона, он принял 26 сентября наступление против пруссаков; однако, после упорного боя с генералом Иорком, длившегося три дня, 28-го, 29-го и 30-го, в котором большой опасности подвергался французский осадный парк близ Рунтала, он оказался вынужденным вернуться в Ригу, понеся значительные потери. Вскоре после этого генерал Штейнгейль выступил на соединение с Витгенштейном; но так как последний собрался перейти в наступление, то он переправился под Друей на левый берег Двины, чтобы атаковать Полоцк с тыла. Он прибыл в окрестности Полоцка в самый день боя, но существенного участия в нем не принял.

Под Полоцком со времени происшедшего там 17 и 18 августа сражения вплоть до середины октября обе стороны продолжали стоять друг против друга, причем никаких особых событий не произошло. К тому времени силы Витгенштейна возросли до 40 000 человек, и он ожидал в ближайшем будущем еще присоединения к нему 12 000 человек под командой генерала Штейнгейля, между тем как силы противника сократились до 30 000 человек. Это превосходство сил, а также инструкция из Петербурга побудили Витгенштейна снова перейти в наступление.

18 и 19 октября, следовательно, в те дни, когда Наполеон начал отступление из Москвы, Витгенштейн дал противнику вторичный бой под Полоцком, разбил его, взял штурмом этот город и принудил французов к дальнейшему отступлению; 6-й корпус Вреде отошел на Глубокое для прикрытия Вильно, а 2-й — на Чашники на соединение с Виктором. Витгенштейн выделил часть своих

сил против Вреде, а сам с главными силами медленно последовал за Удино.

На юге Чичагов, выступивший 31 июля с тридцативосьмитысячной Молдавской армией из Бухареста, соединился 18 сентября близ Луцка с Тормасовым; оба вместе располагали теперь армией в 65 000 человек против Шварценберга и Ренье, силы которых сократились до 40 000 человек. Тормасов принял главное начальство и перешел в наступление. Шварценберг отошел на левый берег Буга через Владимир-Волынский, погшел вниз по течению реки, у Опалина снова переправился на правый берег и двинулся к Брест-Литовску, где обе армии 9 октября расположились друг против друга. Генерал Тормасов был отозван в главную армию; командование принял Чичагов. Он перешел в наступление, вынудившее Шварценберга снова уйти за Буг и отойти главными силами по Варшавской дороге до Венгрова; дивизия Зигенталя отступила к Белостоку. Чичагов не хотел удаляться на большее расстояние, тем более, что он получил распоряжение повернуть с частью войск к Березине для преграждения отступления французской армии; полагая, что на это имеется еще достаточно времени, он разместил свои войска для отдыха по квартирам, на которых они пробыли до конца октября.

Генерал Гертель, находившийся в Мозыре, одним флангом демонстрировал против австрийцев в Пинске, а другим — против Домбровского, стоявшего в Бобруйске.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ НАЧАЛА ОТСТУПЛЕНИЯ ДО ПЕРЕПРАВЫ ГЛАВНОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗ НЕМАН, ОТ 18 ОКТЯБРЯ ДО 11 ДЕКАБРЯ, 7 НЕДЕЛЬ

Эта часть не требует дальнейшего подразделения, так как отступление продолжалось в целом без заметных перерывов и с начала до конца носило один и тот же характер. Отступление усиливалось с прогрессирующей быстротой, доходя до полного развала армии.

Наполеон двинул свою армию 18 октября из Москвы, сам же он покинул ее 19-го, оставив в ней только Мортье с 10 000 человек молодой гвардии.

Так как Кутузов в Тарутине был на три или четыре перехода ближе к Смоленску, чем Наполеон в Москве, то последний полагал, что лучше будет, если он начнет свое отступление с своего рода наступательной операции и отбросит сперва Кутузова до Калуги с тем, чтобы потом какой-нибудь второстепенной дорогой, например, на Медынь и Юхнов, пройти в Дорогобуж. Таким образом, ранее чем начать действительное отступление, он ликвидировал бы то преимущество, какое перед ним имел Кутузов, так как от Малоярославца по названной дороге не дальше до Смоленска, чем от Калуги. То обстоятельство, что этот способ отступления начинался с кажущегося нового наступления на юг, для Наполеона являлось важным в моральном отношении.

Итак, Наполеон сперва пошел по старой Калужской дороге до Красной Пахры, затем оттуда внезапно свернул на новую дорогу к Фоминскому, угрожая своим продвижением по ней левому флангу Кутузова и его сообщениям с Калугой; этим маневром он, вероятно, рассчитывал заставить Кутузова отойти на Калугу даже без боя. Понятовский был послан еще дальше, вправо, чтобы расчистить дорогу и снова овладеть Вереей, что он и выполнил 22 октября.

Однако, Кутузов, хотя и захваченный врасплох этим неожиданным движением, тем не менее успел еще вовремя продвинуться вперед к Малоярославцу, где оба авангарда и столкнулись 24 октября. Евгений Богарне, составлявший французский авангард, едва успел переправиться через реку Лужу, как его атаковал Дохтуров. Под Малоярославцем произошел горячий бой; обе армии постепенно сосредоточились, но не могли развернуться полностью за недостатком места. Евгений удержал свои позиции, но дальше продвинуться ему не удалось.

Это чрезвычайно кровопролитное сражение показало Наполеону, что путем маневрирования ему не удастся принудить Кутузова к отходу и что если он все же решит отбросить его силой, то это будет связано со значительными потерями. Хотя 25-го он и собрал всю свою армию под Малоярославцем, но все же не отважился возобновить атаку и начал отступать по той самой дороге, по которой и пришел, а именно на Боровск, с тем, чтобы оттуда через Вереею и Можайск снова выйти на большую Московскую дорогу. Кутузов также не стремился к генеральному сражению; 25-го он оставался на занятой им позиции на расстоянии получаса от Малоярославца и в ночь с 25-го на 26-е сделал переход назад по Калужской дороге до Гончарова.

Первый день отступления или, вернее, пауза 25 октября, ознаменовался смелым налетом, который Платов произвел рано утром на центр французской армии близ Городни; ему досталось 11 орудий, и сам Наполеон едва не попал в плен. В тот же день другие казачьи отряды появились под Боровском. Таким образом, уже в самом начале отступления среди французской армии распро-

странились как страх перед казаками, так и серьезная тревога относительно предстоящего отступления.

Тем временем Мортье взорвал Кремль и выступил из Москвы 23-го; 28-го он находился с Жюно в авангарде между Гжатском и Можайском, а Наполеон прибыл с главными силами в этот последний; Даву с арьергардом еще находился под Боровском.

31-го Наполеон с авангардом достиг Вязьмы, гвардия и Мюрат — Федоровского, Ней — Величева, Понятовский и Евгений — Гжатска, а Даву с арьергардом был в Гридневе; таким образом, армия растянулась по дороге на 14 миль.

Кутузов выступил из Гончарова 27-го и продвинулся на дорогу, ведущую из Медыни в Верею. По ней он спустился до Кременского и оттуда взял направление на Вязьму. Тем временем Милорадович с 25 000 человек двинулся на Гжатск, где он еще застал последние французские части, и пошел у них на фланге, между тем как Платов с отрядом конницы в 6 000—8 000 человек следовал за ними по дороге, а отдельные разъезды его рыскали на обоих флангах отступающих французов.

Наполеон несколько дней задержался под Вязьмой, чтобы подтянуть свою армию. 2 ноября он находился в Семелеве с гвардией, Мюрат и Жюно — в 4 милях от Вязьмы, Ней был в Вязьме, Евгений, Понятовский и Даву — в Федоровском; таким образом, французская армия теперь растягивалась всего лишь на 6 миль.

3 ноября Милорадович и Платов совместно атаковали под Вязьмой вышеуказанные французские части численностью в 40 000 человек; Кутузов тоже подошел на расстояние 1 мили к Вязьме, в Быково, но не принял участия в сражении. Французские корпуса, занявшие позицию в ожидании подхода Даву, по прибытии его снова начали отступать, понеся значительные потери; впрочем, русским не удалось отрезать ни одной французской части.

События, сопровождавшие отступление французов от Вязьмы до Смоленска, заключались в следующем: несколько арьергардных стычек между Неем и Милорадовичем под Семелевым и Дорогобужем; марш корпуса Ев-

геня Богарне через Духовщину, где он надеялся найти в большом изобилии продовольствие; на переправе 11 ноября через реку Вопь он был вынужден бросить свои 60 орудий, так как их не удалось втащить на крутой берег реки; в Смоленск он прибыл лишь 13-го после невероятных усилий; потеря целой бригады пехоты в 2 000 человек из дивизии Бараге д'Илье под командой генерала Ожеро (она заняла Ляхово по дороге в Ельню и 9 ноября была окружена и взята в плен Орловым-Денисовым и тремя другими начальниками партизанских отрядов); потеря 1 500 быков, согнанных в Смоленск для продовольствия армии и попавших в руки казаков, и, наконец, первый сильный мороз, возвестивший о приближении зимы.

Французская армия в Смоленске растаяла до 45 000 человек. 9 ноября Наполеон прибыл в Смоленск. Передовые же его корпуса пришли туда лишь 10-го. Здесь он решил снова остановиться на несколько дней, чтобы иметь время распределить между войсками наличные запасы. Запоздалое прибытие Евгения принудило его, однако, продлить свое пребывание до 14-го.

Жюно и Понятовский со своими корпусами, насчитывавшими по 1 500 человек, выступили на один переход вперед по дороге в Красное, т. е. по направлению к Минску.

Гвардия и Мюрат располагались в Смоленске, Евгений приближался со стороны Духовщины, Даву стоял в Цурикове, в 4 милях от Смоленска по Московской дороге, Ней в качестве арьергарда еще на 1 милю позади, на противоположном берегу Вопи.

13-го прибыл Евгений; Даву вступил в Смоленск, а Ней остался в Цурикове, где ему пришлось выдержать горячий арьергардный бой с генералом Шаховским; Жюно и Понятовский достигли Красного.

Милорадович ввиду трудности довольствия войск при следовании по большой дороге, а также с целью обхода дефиле между рекой Вопь и Смоленском, оставил на большой дороге лишь несколько тысяч человек под командой генерала Шаховского, а с остальными пошел на Ляхово и, таким образом, вновь сблизился с Куту-

зовым, который из-под Вязьмы взял направление на Ельню, куда и прибыл 8-го. В этот день Милорадович находился между ним и Дорогобужем. Затем оба продолжали путь рядом по направлению к Красному.

В районе Красного Кутузов значительно опередил французскую армию, и от него вполне зависело полностью преградить ей дорогу; прекрасные условия для этого создавал протекавший поблизости Днепр. Но Кутузов все еще опасался противника и не хотел ввязываться в решительное сражение, а желал лишь нанести ему возможно больше вреда, не подвергая себя риску нового поражения. В этом районе произошло шесть боев, несомненно, крайне губительных для французской армии, хотя внешне французы выходили из этих боев победителями.

Жюно и Понятовский достигли Красного уже 13-го, Наполеон выступил с гвардией из Смоленска 14-го; Евгений, прибывший туда лишь 13-го, мог оттуда выступить только 15-го. Даву, чтобы не удаляться слишком от Нея, должен был последовать лишь 16-го, а Ней, вступивший в Смоленск 15-го, должен был все в нем разрушить и выступить дальше 16-го или 17-го.

Первый бой под Красным 14 ноября

Гвардия первая столкнулась у Корытни с отрядом Остермана-Толстого, выделенным Кутузовым, и подверглась с его стороны сильному артиллерийскому обстрелу.

Второй бой под Красным 15 ноября

15-го гвардия встретила Милорадовича, построившегося ближе к Красному у Мерлина, и, прежде чем ей удалось дойти до Красного, она должна была выдержать серьезный бой.

Третий бой под Красным 15 ноября

Наполеон приказал атаковать ночью генерала Ожаровского, составлявшего авангард Кутузова, на расстоянии 1 мили к югу от Красного, в Кутькове. Ожаровский был отброшен со значительными потерями.

В этот день Кутузов прибыл в Шилово и подошел, таким образом, вплотную к Наполеону.

Четвертый бой под Красным 16 ноября

Евгений выступил из Смоленска 15-го и дошел до Корытни; 16-го он должен был прибыть в Красное. Он нашел Милорадовича уже расположенным на дороге; имея всего 5 000 человек, попытался неудачно отбросить русских и оказался вынужденным дожидаться ночи, а затем кружным путем в обход левого фланга русских достигнуть Красного, понеся при этом значительные потери.

Пятый бой под Красным 17 ноября

Наполеон опасался, что Даву и Ней подвергнутся той же, если не худшей, участи, и потому решил, что Жюно и Понятовский будут продолжать движение на Оршу, а Евгений на Ляды; сам же он с гвардией и Мюратом расчистит дорогу своим последним корпусам путем наступления против Кутузова, рассчитывая этим побудить последнего отозвать к себе Милорадовича. Итак, 17 ноября он двинулся с 14 000 человек между Кутьковым и Красным против Кутузова.

Кутузов, предполагавший, что главные силы французов уже прошли, решил в этот самый день двинуться в атаку с главными силами и отрезать оставшиеся еще позади французские части. С этой целью одна колонна под начальством генерала Торماسова должна была занять дорогу влево от Красного, между тем как сам Кутузов двинется на эту дорогу справа от города. Чтобы усилить себя или, вернее, чтобы более сосредоточить свои силы, он притянул к своему правому крылу Милорадовича. Когда бой уже начался, Кутузов заметил, что имеет дело с Наполеоном и главной массой уцелевшей еще неприятельской армии; это отбило у него охоту ввязываться со своей армией в слишком серьезное сражение. Будучи убежден, что большая часть французской армии так или иначе погибнет, он приостановил наступление Торماسова. Последствием этого было то, что в течение нескольких часов длилась безрезультатная перестрелка, и Даву, найдя

дорогу свободной, мог подойти, а Наполеон отошел в Ляды, причем, однако, аррьергард под командой Даву, на который сильно напирал Милорадович, понес большие потери.

В этот день русские захватили 45 пушек и 6 000 пленных. Казаки же, следовавшие за аррьергардом французов от самого Смоленска, еще раньше подобрали 112 пушек.

Шестой бой под Красным 18 ноября

Однако, Ней еще оставался позади. Он выступил из Смоленска лишь 17-го поутру, хотя Даву дал ему знать, что корпус Евгения наполовину уничтожен, а сам он ни минуты не может ждать далее, чтобы оказать ему содействие. 17-го он дошел до Корытни. 18-го он подвергся участи, выпавшей на долю Евгения 16-го. Он располагал, как и последний, приблизительно 6 000 человек и наткнулся на получившего подкрепления и еще более расширившего свой фронт влево Милорадовича. Как и Евгений, он сделал две попытки отбросить его; они оказались столь же безуспешными; убедившись, что третья попытка совершенно его обессилит, он точно так же решил ночью попытаться спастись еще более кружным обходным движением. В результате он в темноте двинулся к Днепру, переправился с величайшими трудностями по льду через реку у деревни Сырокоренье, а затем двинулся через Гусиное, Хомино и Расасну на Оршу, где и присоединился к французской армии 21-го, правда, имея лишь 600 человек в строю. Большая часть корпуса Нея со всей артиллерией попала в плен к русским.

Это был последний бой, который французской армии пришлось выдержать при прохождении мимо русской. Число людей под ружьем во французской армии сократилось на этом пути приблизительно тысяч на двадцать, так что из 45 000, вышедших из Смоленска, при подходе к Березине оставалось лишь 12 000 человек, т. е. меньше на 33 000; впрочем, эту убыль надо главным образом отнести за счет боев и напряжения этих дней. Кроме того, русские захватили в плен за эти дни на 10 000 оставших больше, чем если бы не было боев, так как

эти оставшиеся все же пытались тянуться за армией. Поэтому надо признать, что эти 6 боев оказали значительное влияние на распад французской армии, хотя формально ни один из корпусов не оказался вынужденным положить оружие. Общая сумма орудий, захваченных за эти 4 дня, с 15-го по 18-е, достигала 230.

К 19 ноября вся французская армия за исключением Нея была в сборе в районе Орши; дальнейший марш должен был продолжаться по дороге на Минск.

С момента потери Витебска Минск был ближайшим крупным снабженческим складом. Туда вела большая дорога, и, кроме того, это было кратчайшее направление, по которому Наполеон мог сблизиться с Шварценбергом. По этим причинам он и предпочел это направление более прямому пути через Молодечно на Вильно.

Дорога на Минск проходит у Борисова через протекающую преимущественно в болотистых берегах Березину. Борисов являлся ближайшей целью марша.

События во фланговых корпусах тем временем приняли следующий оборот:

Под Ригой крупных событий не произошло. Русские еще удерживали позицию на левом берегу Двины, а именно за реками Мисса и Аа. Постоянные аванпостные стычки побудили Макдональда отбросить их на правый берег реки. 15 ноября он стремительно двинул главные силы из Эккау на Даленкирхен и отрезал, таким образом, правое крыло русских, которые оказались вынужденными, потеряв несколько батальонов, отойти по льду на правый берег Двины близ деревни Линден. Затем все было спокойно. Макдональд получал официальные сообщения из главной армии об ее отступлении, но лишь общего характера и не настолько тревожные, чтобы заставить его подумать о собственном отходе. Приказ отступить был направлен ему лишь из Вильно от 10 декабря, и потому он мог начать свое отступление лишь 19 декабря.

Сен-Сир после второго сражения под Полоцком отступил на соединение с Виктором, который подошел к нему

на помощь из Смоленска. Соединение их состоялось 29 октября у Лукомля. Силы французов достигли 36 000 человек, что опять давало им некоторое превосходство над русскими, потерявшими много людей в боях и, кроме того, ослабленными выделением отрядов. Виктор принял командование над обоими корпусами, так как Сен-Сир был ранен в сражении под Полоцком, а Удино еще не оправился от своей раны. Виктор считал себя обязанным атаковать Витгенштейна, который следовал за войсками Удино до Чашников; он попытался это сделать 31 октября. Однако, в процессе выполнения своего намерения он изменил свое решение и дал возможность Витгенштейну атаковать превосходными силами те французские войска, которые успели переправиться через Лукомлю, и отбросить их, нанеся им большие потери. После этого Виктор отступил на Сенно, а оттуда по прошествии нескольких дней он перешел в Черему, куда прибыл 6 ноября.

Удаление французских войск от Витебска побудило Витгенштейна направить туда отряд генерала Гарпе, который 7 ноября взял штурмом этот город, захватив в плен большую часть его гарнизона. Вследствие этого все запасы, собранные французами в Витебске, были потеряны, что почти предreshало направление отступления великой армии на Минск.

Удино, оправившись от раны, снова прибыл к своему корпусу; тем не менее Виктор как старший маршал сохранил командование. Прибыв в Черему, последний получил от Наполеона из-под Дорогобужа категорический приказ атаковать Витгенштейна и отбросить его за Двину. Поэтому он снова двинулся вперед и 14 ноября атаковал выдвинутое на тот берег Лукомли правое крыло Витгенштейна и после продолжительного боя овладел деревней Смоляны. Однако, располагая лишь 25 000, имея против себя на крепкой позиции Витгенштейна с 30 000 и, вероятно, еще переоценивая его силы, он счел общую атаку всеми своими силами слишком рискованной и потому снова отступил 15-го в Черему. Обе стороны оставались на занимаемых ими позициях до тех пор, пока прибытие великой армии к Березине не определило их дальнейшего поведения.

Вреде, который отступил через Глубокое к Даниловичам и который подтянул к себе из Вильно легкую бригаду Корбино, снова продвинулся до Глубокого, где и находился до 19 ноября; бригада Корбино двинулась дальше к Удино и при этом переправилась через Березину в брод близ Студянки. Впоследствии это дало Удино основание распорядиться постройкой мостов именно в этом месте.

На юге после четырнадцатидневного отдыха 27 октября Чичагов двинулся на Минск с 38 000 человек, оставив против князя Шварценберга генерала Сакена с 27 000. Прибыв 6 ноября в Слоним, он оставался до 8-го, а затем продолжал движение на Минск; этот город защищал гарнизон силою всего в 4 000 человек, в помощь которому подходила, однако, из-под Бобруйска дивизия Домбровского; 15 ноября авангард Чичагова разгромил отряд генерала Кашицкого, посланный ему навстречу из Минска на Новый Свержень; 16-го он вступил в Минск, предупредив дивизию Домбровского; последняя отошла к Борисову.

Шварценберг, узнав об отходе Чичагова, обошел правое крыло Сакена, переправился через Буг в районе Дрогичина и последовал за Чичаговым через Белосток, Волковыск на Слоним, куда прибыл 14 ноября. Ренье прикрывал этот марш от Сакена, следуя за Шварценбергом до окрестностей Свислочи, а затем повернулся фронтом к Сакену, как бы составляя крупный арьергард. Сакен разобрался в движении находившихся против него сил лишь тогда, когда они уже переправились через Нарев. Он находился в районе Высоко-Литовска и поспешил через Беловеж и Рудню вдогонку за Ренье. Последний снова пошел ему навстречу до Рудни, однако, отошел перед его превосходными силами до Волковыска, где он соединился с пришедшей из Варшавы дивизией Дюрютта, принадлежавшей к 11-му корпусу (Ожеро). Он поспешил уведомить Шварценберга, находившегося в Слониме, о приближении Сакена, убедительно прося его вернуться. 15 ноября Сакен произвел внезапное нападение на штаб Ренье в Волковыске и отбросил гарнизон, нанеся ему большие

потери; 16-го он всеми силами атаковал Ренье на его левом крыле, чтобы оттеснить его от Шварценберга, но, прежде чем этот бой принял решительный оборот, Шварценберг, оставивший Фримона с 6 000 в Слониме и повернувшийся обратно со всеми остальными силами, появился в тылу у Сакена. Последний был вынужден поспешно отступить с большими потерями на Свислочь. Преследуемый соединенными силами Шварценберга и Ренье, он продолжал отступать через Брест-Литовск на Любомль и Ковель. Ренье двигался за ним на Брест-Литовск, а Шварценберг на Кобрин, куда и прибыл 25 ноября. Здесь он получил приказ Наполеона двинуться на Минск, куда и выступил 27-го, в тот самый день, когда Наполеон переправлялся через Березину. Ренье последовал за ним 1 декабря.

Чичагов, избавившись благодаря Сакену от Шварценберга, двинулся 20-го по Смоленской дороге, т. е. на Борисов; его авангард под командой генерала Лемберта настиг 21-го у борисовского предместного укрепления дивизию Домбровского, атаковал ее и погнал через мост, нанеся ей такие потери, что лишь 1 500 человек могли спастись и отступить на соединение с Удино; последний 21-го выступил из Черей на Бобр, а оттуда стал продвигаться вперед; Виктор еще оставался в Черее. Чичагов выдвинул 22-го свой авангард под командой генерала Палена к Бобру до Лошницы, а сам со своей армией переправился через Березину и расположился у Борисова.

Итак, в момент выступления из Орши главной армии французов силою около 12 000 человек оба русских корпуса, намеревавшихся преградить ей переправу через Березину и Улу (а французам до переправы еще оставалось 18 миль), находились в Чашниках и Борисове на расстоянии около 12 миль друг от друга; оба же французских корпуса, стоявших против них, находились на прямых линиях от Орши к этим пунктам, а именно у Черей и у Бобра.

Когда весть о потере Минска и Борисова дошла до Наполеона, он должен был считать себя счастливым, если бы ему удалось где-нибудь найти место для переправы через Березину, с тем чтобы затем пойти прямым путем

на Вильно. Его отговорили от внезапно пришедшего ему в голову решения пробить себе дорогу на Лепель, атаковав Витгенштейна. Итак, он поручил Удино отбросить на противоположный берег реки неприятеля, переправившегося со стороны Минска через Березину, и позаботиться о переправе через нее. А пока он продолжал свой путь на Минск и 23 ноября достиг Бобра.

В этот самый день Удино, продвинувшийся от Бобра через Лошницу на Борисов, столкнулся с авангардом Чичагова под командой Палена, атаковал его и с большими потерями отбросил к мосту, где армия самого Чичагова стояла с непостижимой беспечностью, не делая никаких приготовлений к бою. Чичагов едва успел снова перебраться на правый берег реки, притянув к себе и генерала Палена. Удино укрепился в Борисове. 24-го он велел осмотреть реку и выбрал для постройки мостов пункт у Студянки в двух милях вверх по течению от Борисова; в то же время он производил демонстрации у Борисова и ниже его. Французы не сохранили никаких понтонных средств, а потому приготовления к сооружению двух мостов на козлах заняли два дня, 24-го и 25-го, и лишь 26-го в 8 часов утра приступили к постройке самих мостов. Они были закончены к часу дня. Лесистость местности в некоторой степени маскировала эти работы.

Чичагов считал наиболее вероятным, что Наполеон выберет более южное направление и, следовательно, попытается обойти его правый фланг, так как это даст ему возможность наиболее сблизиться с армией Шварценберга. Исходя из этого чересчур прочно укоренившегося в нем мнения и утвердившись в нем еще более вследствие ошибочной ориентировки, исходившей от самого Кутузова, он принял приготовления Виктора к постройке моста за демонстрацию и полагал, что Наполеон в действительности уже находится на пути туда. Поэтому как раз 26-го, когда главная масса французских войск прибыла к Борисову, он сделал движение вправо к Шабашевичам, в 3 милях от Борисова по дороге на Бобруйск; в то же время он подтянул от Веселово (Зембина) к Борисову свое левое крыло под командой генерала Чаплица, так

что выше Борисова оставалось только несколько казачьих разъездов.

Наполеон прибыл 24-го к Лошнице; его арьергард под командой Даву — к Бобру, Виктор — к Радутце, а Витгенштейн — к с. Холопеничи; Кутузов, который после сражения под Красным остановился для отдыха на несколько дней, только переправлялся через Днепр у Копыся. 25-го Наполеон прибыл в Борисов, а его арьергард в Крупки; Виктор остался в Радутце; Витгенштейн, чтобы приблизиться к Чичагову и в то же время преградить пути, ведущие к Уле, двинулся к с. Бараны.

26-го собрались между Лошницей, Борисовом и Студянкой остатки французской армии с вдвое большей толпой отставших, не имея другой артиллерии, кроме как у Удино, Виктора и в гвардии, но в сопровождении множества повозок. Число бойцов равнялось 30 000.

В час дня Удино переправился через реку и отогнал к Стахову только что вернувшегося генерала Чаплица; вслед за ним переправился Ней. Остальные войска оставались на левом берегу.

26-го вечером Виктор дошел до Борисова, за ним чересчур осторожно следовал Витгенштейн, дошедший только до Кострицы.

Переправа очень замедлялась вследствие неоднократно разрыва мостов. 27-го после обеда Наполеон переправился с гвардией, а Евгений и Даву перешли в ночь с 27-го на 28-е. 27-го впервые произошел первый двойной бой на обоих берегах Березины. На правом берегу Удино и Ней оттеснили к Стахову на 1 милю по направлению к Борисову авангард Чичагова под командой генерала Чаплица. Сам Чичагов вернулся из с. Шабашевичи в Борисов. Из страха перед Наполеоном он не отважился поспешить с армией на помощь генералу Чаплицу, а остался в Борисове и лишь послал Чаплицу подкрепление.

На левом берегу Витгенштейн, из чрезмерной осторожности избравший направление на Борисов, хотя ему было известно, что переправа происходит у Студянки, столкнулся с дивизией Партунно, которую Виктор оставил в качестве арьергарда в Борисове, когда сам с двумя другими дивизиями выступил на Студянку. Витгенштейн

атаковал эту дивизию силой в 4 000 человек, отрезал ее и принудил положить оружие.

Итак, 28-го только один Виктор еще оставался на левом берегу, и то лишь с одной дивизией; с целью дать ей возможность удержаться хотя бы на один день, для того чтобы масса отставших успела переправиться, была возвращена на левый берег дивизия Дендельса из корпуса Виктора. Теперь разгорелся второй двойной бой: на левом берегу — между Витгенштейном и Виктором, а на правом — между переправившимися корпусами и Чичаговым, который теперь уже подошел сам, но не мог продвинуться далее Стахова. Оба боя завершились отступлением французов, причем, однако, ни одна сколько-нибудь значительная часть их не была отрезана; Витгенштейну не удалось даже помешать разрушению мостов; но потери французов и на этот раз были весьма велики, так как Витгенштейн кроме дивизии Партунно забрал в плен еще от восьми до десяти тысяч отставших; кроме того, было захвачено много пушек и огромное количество всякого рода багажа.

Не следует удивляться тому, что в этих обстоятельствах у французов еще имелся обоз. Меньшая часть его пришла с ними из Москвы, большинство составляли деревенские телеги, которые были заранее собраны в Смоленске и других городах и которые теперь тащили за собой до тех пор, пока их могли везти лошади, частью для перевозки в них продовольствия, частью с нагруженной на них драгоценной добычей. Они по преимуществу принадлежали знатным офицерам.

Так как гать, ведущая из Веселово на Зембин, по которой должны были пройти и Витгенштейн и Чичагов, тянется на 1 милю и имеет несколько мостов, которые были разрушены французами, то в данное время никакого другого преследования нельзя было осуществить, кроме посылки отдельных кавалерийских отрядов, пробиравшихся через болота и вброд через Березину. Как Витгенштейн, так и Чичагов выслали таковые, чтобы следовать за неприятельской армией; другие отряды конницы подоспели из главной армии и

также следовали за неприятелем. Витгенштейн занялся сооружением моста у Веселово, а Чичагов — восстановлением мостов на гати.

Итак, французская армия продолжала свой марш на Вильно, причем русские корпуса ее уже не настигали. Один лишь генерал Чаплиц с авангардом Чичагова и уже ранее упоминавшиеся отряды партизан держались поблизости от нее, время от времени поднимали ее с ее биваков и подбирали брошенные пушки и выбившихся из сил. 29-го французская армия собралась между Зембином и Плешеницей; так как Минск был потерян, то она двинулась по прямой дороге на Вильно через Молодечно, Сморгонь и Ошмяны, а Вреде шел из Глубокого на Локшицы и Вилейку, откуда вышел на главную дорогу.

В Сморгони Наполеон передал Мюрату верховное командование и покинул армию с тем, чтобы через Варшаву и Дрезден направиться в Париж. В Ошмянах он встретился с дивизией Луазона, принадлежавшей к 11-му корпусу и прибывшей из Кенигсберга для присоединения к армии. Она только что подверглась внезапному нападению кавалерийского отряда полковника Селавина и с трудом от него отбилась; здесь Наполеон едва не попал в плен.

Французская армия прибыла в Вильно 8 и 9 декабря, но почти совершенно разложившейся. Тех нескольких переходов, которые дивизия Луазона прошла в соприкосновении с великой армией, было достаточно для того, чтобы настолько разложить ее, что вместе с корпусом Вреде она насчитывала 2 500 человек под ружьем. Гвардия насчитывала 1 500 человек; в остальных 7 корпусах было 300 человек, т. е. вся армия насчитывала лишь 4 300 вооруженных солдат; при них сохранилось еще с дюжину орудий. Эти жалкие остатки с возможной поспешностью продолжали свой путь на Ковно, куда они прибыли 11-го, 12-го и 13-го в составе около 1 500 человек без единого орудия.

Чичагов последовал за французами по большой дороге на Вильно, куда он прибыл 11 декабря.

Платов преследовал французов по пятам до Ковно, куда он прибыл 13-го, и принудил их продолжать отступление через Гумбинен к Висле.

Чичагов последовал за ним несколькими днями позднее и достиг Немана 18-го близ Прены. Кутузов выслал Милорадовича вперед за французами; однако, тот дошел до Борисова только 29 ноября, а затем преследовал проселками на Молодечно, где, выйдя на большой тракт, двинулся за Чичаговым и достиг Вильно 13 декабря.

Главная армия Кутузова двинулась на Минск, а оттуда на Вильно, где 12 декабря она расположилась по квартирам.

Витгенштейн пошел вправо от большой дороги через Вилейку к Неменчину, а оттуда после нескольких дней отдыха через Вилькомир и Кейданы к Юрбургу на Немане, чтобы отрезать Макдональда.

Последний выступил из Митавы 19 декабря и двинулся к Тильзиту двумя эшелонами, следовавшими на расстоянии одного перехода. Путь Макдональда направлялся через Янишки, Шавли, Кельн, Нимокшты, Колтыняны, а оттуда частью на Тауроген, частью на Коадьютен, куда 27-го прибыл генерал Гранжан с седьмой дивизией, причем ему пришлось 26-го отбросить из Пиктупенена передовой отряд Витгенштейна. Макдональд прибыл 28-го с другой дивизией и 29-е и 30-е провел в ожидании генерала Йорка. Последний с 10 000 прусских войск составлял второй эшелон. 25 декабря в Колтынянах в 12 милях от Тильзита он нашел дорогу прегражденной другим кавалерийским отрядом, высланным вперед Витгенштейном, силою в 1 200 коней, под командою генерала Дибича.

Последний продвинулся уже на несколько переходов вперед к Мемелю, когда узнал, что Макдональд находится еще позади и что ожидают его прибытия через Колтыняны. Он туда двинулся обратно и случайно оказался между двумя колоннами. Это послужило поводом к заключению известной норковской конвенции, следовавшей, однако, лишь 30 декабря после пятидневных переговоров и небольших переходов близ Таурогена.

За эти дни Витгенштейн уже продвинулся на два перехода от Юрбурга к пути отступления Макдональда и находился у с. Гершкуллен, довольно близко от дороги, ведущей из Тильзита через Баумвальд и Лабау на Кенигсберг; Макдональд все еще находился в Тильзите. Поэтому для Витгенштейна было бы не трудно преградить ему путь 31-го. Однако, в этот день Витгенштейн сделал лишь самый небольшой переход, и Макдональд, выступивший 31-го из Тильзита на Лабау, нашел на своем пути лишь несколько казачьих полков и проскочил, хотя и не без труда, преследуемый Дибичем и несколькими другими отрядами.

3 января он достиг Кенигсберга, где присоединил к себе дивизию Геделе, принадлежавшую к 11-му корпусу, и продолжил с нею отступление к Висле, куда уже ушли другие остатки великой армии.

Витгенштейн следовал на собственный риск по пятам за Макдональдом и тем самым до известной степени вовлек внутрь Пруссии главные силы русских.

До 14 декабря Шварценберг находился в Слониме, пребывая в полной неизвестности относительно истинного положения вещей, так как одержанная согласно сообщению Наполеона победа у Березины давала ему основание ожидать, что Чичагов, находящийся в полном отступлении, должен появиться в ближайшее время. Убедившись, наконец, в истинном положении вещей, он начал 14-го свое отступление на Белосток, а там под влиянием угрозы его левому флангу со стороны Гродно он в конце декабря стал отступать на Остроленку, в то время как Ренье, преследуемый Сакеном, отошел на Венгров.

Так окончился поход 1812 г.

Когда остатки французской армии собрались в течение января месяца за Вислой, оказалось, что они насчитывают 23 000 человек. Австрийские и прусские войска, вернувшиеся из похода, насчитывали приблизи-

тельно 35 000 человек, следовательно, все вместе составляли 58 000 человек.

Между тем союзная армия, включая сюда и подошедшие впоследствии войска, насчитывала фактически 610 000 человек¹.

Таким образом, в России осталось убитыми и пленными 552 000 человек.

При армии находилось 182 000 лошадей. Из них, считая прусские и австрийские войска и войска Макдональда и Ренье, уцелело 15 000, следовательно, потеряно было 167 000. В армии было 1 372 орудия: австрийцы, прусаки, Макдональд и Ренье привезли с собою обратно до 150 пушек, следовательно, было потеряно свыше 1 200 орудий.

¹ Согласно Шамбре, у которого вообще мы заимствовали данные о численности французских вооруженных сил, мы определили численность французской армии при ее вступлении в Россию в 440 000 человек. В течение кампании подошли еще с маршалом Виктором 33 000 человек, с дивизиями Дюрютта и Луазона — 27 000 и других пополнений 80 000 человек, следовательно, около 140 000 человек. Прочее составляют обозные части.

ОБЗОР ПОТЕРЬ,

КОТОРЫЕ ПОНЕС ФРАНЦУЗСКИЙ ЦЕНТР ВО ВРЕМЯ НАСТУПЛЕНИЯ И ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ

24 июня, в момент вступления в Россию, корпуса, принадлежавшие к центру французской армии, т. е. к войскам, предназначенным для похода на Москву, находились в следующем составе:

А. 1-й корпус	72 000	человек
3-й »	39 000	»
4-й »	45 000	»
5-й »	36 000	»
8-й »	18 000	»
Гвардия	47 000	»
Резервная кавалерия	40 000	»
Генеральный штаб.	4 000	»
<hr/>		
Итого	301 000	человек

Б. Под Смоленском 15 августа были выделены:

Дивизия Домбровского	6 000	человек
4-й кавалерийский корпус	5 000	»
Кирасирская дивизия Думерка	2 500	»
<hr/>		
Итого	13 500	человек

Следовательно, в армии должно было
остаться. 287 500 человек

На самом деле в ней было . . . 182 000 »

За 52 дня потери достигали . . . 105 500 человек,
что приблизительно составляет $\frac{1}{3}$ целого; если разделить эти потери на число дней, то ежедневные потери составляли $\frac{1}{150}$ первоначальной численности.

В. Под Бородино перед сражением были выделены:

Дивизия Домбровского 6 000 человек

» Ляборда 6 000 »

» Пино 10 000 »

Кавалерия 5 000 »

Итого 27 000 человек

Первоначальная численность была 301 000 человек

Из этого числа выделено . . . 27 000 »

Следовательно, армия должна была

бы насчитывать 274 000 человек

На самом деле в ней было . . . 130 000 »

Вообще потери достигали . . . 144 000 человек

Это составляет около половины.

Следовательно, за 23 дня новые потери достигли 38 000 человек, что по отношению к тогдашней численности составляет ежедневно $\frac{1}{120}$.

Четыре боя под Смоленском были причиной возрастания потерь.

Г. При вступлении в Москву 15 сентября были выделены:

Дивизия Домбровского 6 000 человек

» Жюно 2 000 »

Кавалерия 5 000 »

Итого 13 000 человек

Первоначальная численность 301 000 человек

Выделено 13 000 »

Армия должна была состоять из . . . 288 000 человек

В действительности она насчи-

тывала 90 000 »

Общие потери 198 000 человек,
что приблизительно составляет $\frac{2}{3}$ целого.

Следовательно, за 8 дней новые потери равнялись 54 000 человек, что составляет $\frac{1}{14}$ тогдашней численности.

Причиной этого сильного роста потерь является Бородинское сражение.

Следовательно, в итоге получается, что за вычетом выделения весьма немногочисленных отрядов центральная армия прибыла в Москву немного менее чем с $\frac{1}{3}$ своего первоначального состава.

Не приходится удивляться немногочисленности выделенных отрядов. До Днепра и Двины для охраны тыла были предназначены Удино, Сен-Сир, Виктор (прибывший в сентябре) и Шварценберг с Ренье. От Смоленска до Москвы для гарнизонной службы в незначительных городах, попадавшихся на этом пути, пользовались преимущественно маршевыми полками. Так, например, в Смоленске Бараге д'Илье сформировал целую дивизию из таких войск. Правда, среди них находилось известное число выздоравливающих и отставших, на которых следует смотреть не как на абсолютную потерю, а как на выделенных. Однако, число их по сравнению с целым ничтожно, и во всяком случае их не было в войсках, расположенных в Москве и вокруг нее.

Причины огромных потерь, понесенных армией за 12 недель наступления, были следующие:

а) безостановочное продвижение вперед (120 миль за 81 день), которое не давало возможности больным, раненым и утомленным догнать свои части,

б) непрерывные ночлеги на биваках,

в) чрезвычайно плохая погода в течение первых 5 дней,

г) недостаточная заботливость в отношении продо-

вольствия армии; так, уже в районе Витебска вместо хлеба стали выдавать муку,

д) очень жаркое и сухое лето в местности, крайне бедной водой,

е) чрезвычайно кровопролитная и расточительная ударная тактика, посредством которой Наполеон всегда стремился опрокинуть противника,

ж) большой недостаток в госпиталях, в результате чего больные и раненые не могли быть излечены и посланы вдогонку к своим частям; впрочем, это сказалось лишь во время длительной стоянки в Москве.

ОТХОД

При отходе из Москвы 18 октября

Армия насчитывала 103 000 человек. Так как выделенные отряды остались те же, то за 5 недель пребывания в Москве и ее окрестностях армия усилилась на 13 000 человек; это объясняется затишьем в операциях, благодаря которому выздоровевшие и отставшие смогли прибыть в свои части; прибыло также несколько маршевых полков (пополнения).

Усиление численного состава достигло бы еще больших размеров, если бы не было новой убыли, вызванной заболеваниями и потерями при добывании продовольствия и в Тарутинском сражении.

2. Под Вязьмой 3 ноября перед боем

Французская армия выступила из Мо-

сквы силою 103 000 человек

Она прибыла в Вязьму силою 60 000 »

Убыль за 14 дней 43 000 человек,

что составляет $\frac{2}{5}$ целого, в среднем ежедневно $\frac{1}{35}$.

На этот период приходится бой под Малоюрославцем.

3. В Смоленске 10 ноября

Армия еще насчитывала 42 000 человек, следовательно, убыль за 8 дней равнялась 18 000, что ежедневно составляет $\frac{1}{28}$.

На этот период приходится бой под Вязьмой.

4. На Березине до переправы 26 ноября

В Смоленске армия нашла подкрепление в 5 000 человек, вследствие чего достигла состава в 47 000 человек, из которых дошло до Березины лишь 11 000 человек. Потери за 16 дней составили 36 000 человек, т. е. ежедневно $\frac{1}{20}$.

На этот период приходятся бои под Красным.

Подошедшие к армии у Березины корпуса, а именно 2-й и 9-й, дивизия Домбровского и ранее выделенная кавалерия первоначально составляли 80 000 человек, теперь же они насчитывали всего 19 000 человек; следовательно, за 5 месяцев, которые длилась война, они утратили $\frac{3}{4}$ своего состава. Войска же, побывавшие в Москве, согласно вышесказанному понесли потери в размере $\frac{29}{30}$.

Вследствие присоединения этих 19 000 человек Наполеон снова располагал на Березине 30 000 человек.

5. Через 3 дня после переправы через Березину, следовательно, через 6 дней спустя после 26 ноября, эти 30 000 человек снова растаяли до 9 000, следовательно, 21 000 человек выбыла из строя, т. е. ежедневная убыль составляла $\frac{1}{8}$.

На эти 6 дней приходятся четыре боя на Березине.

6. В Вильно 10 декабря

К этим 9 000 человек в Ошмянах присоединилось 13 000 человек дивизии Дюрютта. Тем не менее 11 декабря армия выступила из Вильно в составе всего в 4 000 человек; следовательно, убыль за 10 дней достигла 18 000, что ежедневно составляет $\frac{1}{12}$.

За это время боев не было.

7. При переходе через Неман 13 декабря остатки армии состояли из 1 600 человек, следовательно, убыль за эти 3 дня составила 2 400 человек, ежедневно $\frac{1}{5}$.

Показанные здесь цифры обозначают численность людей под ружьем. Сюда не вошли отставшие и безоружные; число их до середины отступления возросло столь значительно, что в окрестностях Красного оно

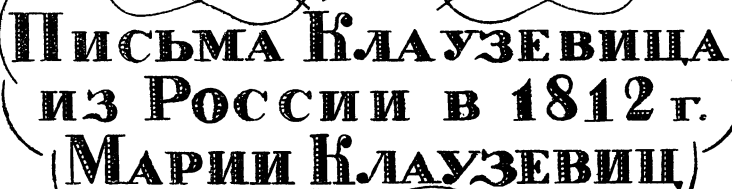
равнялось числу находившихся в строю вооруженных людей; начиная с этого времени, число их снова уменьшается, а к моменту переправы остатков армии обратно через Неман численность невооруженных и отставших была ничтожна. Вообще из этих отставших лишь немногие перешли русскую границу, что всего яснее усматривается из того, что, когда центральная армия (т. е. без 500 человек, которые привел Макдональд, и без 5 000 человек Ренье) собралась за Вислой, она насчитывала всего лишь 13 000 человек, из которых одних офицеров было 2 200 человек.

Из этого обзора можно сделать два вывода, на которые обычно не обращают достаточного внимания.

1. Для успеха всего предприятия французская армия пришла в Москву в слишком слабом составе. То обстоятельство, что уже под Смоленском она потеряла одну треть своих сил и что в Москве у нее оставалась всего лишь одна треть ее первоначальных сил и она начинала уступать в численности русской главной армии, не могло не произвести сильнейшего впечатления на командование русской армии, на императора и на его министров, и, таким образом, отпадала самая мысль идти на уступки и на заключение мира.

2. Бой под Вязьмой, Красным и на Березине причинили французам огромные потери, хотя формально отрезанных французских частей в них было и немного. Как бы критики ни отзывались об отдельных моментах преследования, надо приписать энергии, с которой велось это преследование, то обстоятельство, что французская армия оказалась совершенно уничтоженной, а большего результата себе и представить нельзя.

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines that form a horizontal, somewhat oval shape. The lines are thin and elegant, with many small loops and curves. The text is centered within this flourish.

**ПИСЬМА КЛАУЗЕВИЦА
ИЗ РОССИИ В 1812 Г.
МАРИИ КЛАУЗЕВИЦ**

I

Кейданы в Литве, 15 мая 1812 г.

Городок, из которого я тебе пишу, находится на дороге в Вильно, где расположена главная квартира императора и генерала Барклай-де-Толли. Уже шесть дней нахожусь я в пределах России. Что тебе рассказать из самого замечательного, пережитого мною? Что мой первый польский обед, являвшийся за четверо суток наилучшим или, точнее, единственным, состоял из супа, сваренного наполовину из ветчины, наполовину из свежей свинины, за которым следовало второе — также суп, но только сваренный наполовину из говядины, наполовину из телятины; что я медленно проезжал по наиболее северной части бывшей Польши и неожиданно открыл прекраснейшую местность, о которой мы не имеем ни малейшего понятия... Что я застал людей в таком состоянии, о котором мы не имеем никакого представления, и это привело меня к твердому убеждению, что раздел Польши явился благодеянием, которое было решено на совете судьбы, чтобы, наконец, освободить этот народ, прозябающий уже тысячелетия в таком виде. Польские энтузиасты, из числа которых я не исключаяю и нашего друга Радзивилла, — это холодные эгоисты, раз они хотят, чтобы Польша продолжала вести прежнее существование. Чтобы равнодушно смотреть на него, нужно совершенно упустить из виду человеческое назначение. Россия ушла вперед и является хорошим примером для Польши. В России люди находятся во

много лучшем состоянии, и, где бы там немецкий ремесленник ни нашел применения своему прилежанию, всюду чувствует он себя прямо на небе. Вся жизнь в Польше представляется как бы увязанной обрывками веревок и лохмотьями...

II

Вильно, 23 мая 1812 г.

Как мне было приятно, когда после одиннадцати дней томительных скитаний я, наконец, приехал сюда и встретил наших друзей Гнейзенау и Шацо и смог поселиться вместе с ними. Я здесь уже три дня. Мое назначение последовало в соответствии с письмом графа Ливена. Но так как у меня нет еще мундира, то я пока не несу службы. Военный министр одновременно является и командующим армией. Он любезный человек, но я обменялся с ним только несколькими словами. Я предполагаю, что буду работать в здешней главной квартире в одном из отделов штаба. Общение с моими друзьями предохраняет меня пока от печальных переживаний, которые выпадают на нашу долю в этой дикой и чужой стране с непонятным для нас языком. Генерал Пфуль принял меня очень дружелюбно.

III

Вильно, 28 мая 1812 г.

Уже прошли недели с тех пор, как я послал тебе отсюда первое письмо. И все же я еще ничего не могу сказать тебе о своем положении. Я продолжаю носить синий прусский мундир отчасти потому, что моя форма будет готова только завтра, а отчасти потому, что из канцелярии еще не вернулся приказ о моем назначении. Я полагаю, что война начнется через две недели, так как здесь получено сообщение о прибытии французского императора в Дрезден; я не думаю, что он долго будет разъезжать по Германии. Я еще ни разу не видел, чтобы к надвигающейся войне относились так спокойно. И это по нескольким основаниям. Первое—кампания про-

должится недолго, так как в здешнем климате зимняя кампания невозможна; я не думаю, чтобы в этой местности можно было затянуть операции до 1 ноября.

IV.

Вильно, 6 июня 1812 г.

Наконец, я надел сегодня зеленый мундир, который, однако, в соответствии с модой является почти черным. О своем служебном назначении я еще ничего не знаю. Единственное указание, полученное мною до сих пор, заключается в письме на русском языке от кн. Волконского, начальника генерал-квартирмейстерского штаба в целом; он мне сообщает, что получил приказ о моем назначении, и в соответствии с ним командует меня в первую западную армию. Таким образом, я поступаю в распоряжение генерала Мухина, генерал-квартирмейстера этой армии, который ни слова не понимает по-французски. Так как Мухин не может использовать меня, то я предполагаю, что попаду или в штаб военного министра, который в то же время по указаниям императора командует первой армией, или к генералу Леварову, который является подлинным начальником генерального штаба, или же к какому-нибудь командиру корпуса. Замедление с моим назначением привело к тому, что император неделю тому назад хотел дать мне особое поручение. А именно: я должен был отправиться в один из фланговых корпусов, чтобы выбирать для него позиции и стоянки. Вероятно, получением этой задачи я обязан генералу Пфулю. Теперь это поручение отпало, но намерение дать мне его в моих глазах подчеркивает, что я попал на заметку. Завтра я буду, вероятно, представлен императору. У меня нет оснований быть недовольным своим личным положением. Кн. Волконский, мой подлинный начальник, производит впечатление порядочного человека. Он несколько сух в обращении. Блестящие перспективы передо мной не открылись, и я далек от того, чтобы при оценке обстановки мне оказывалось то доверие, которым я располагал в Пруссии, и даже не имею шансов приобрести его.

V

Вильно, 20 июня 1812 г.

... Я назначен теперь к генералу Пфулю. На этой должности я долго не задержусь, так как Пфуль, в сущности, больше ничем не командует. Тидеман послан в Ригу к генералу Эссену. Этим очень важным назначением он обязан знакомству с подполковником Вольцогеном. Теперь и я познакомился с ним, и в дальнейшем он может оказаться мне очень полезным.

VI

Свенцяны, 17/29 июня 1812 г.

Городок, из которого я пишу тебе, находится на дороге из Вильно к укрепленному лагерю у Дриссы на Двине; армия предполагает занять его, чтобы дать там первое сражение. Мы находимся довольно далеко позади войск, и возможно, что уже произошли крупные события. Но пока мы имеем только сведения о столкновении передовых частей. Во всяком случае французы находятся в движении к Двине. Надо полагать, что первое сражение последует через 10—12 дней. Я еще состою при генерале Пфуле, а последний — непосредственно при императоре.

VII

Из района Полоцка, 6/18 июня 1812 г.

Я все еще нахожусь в императорской главной квартире при генерале Пфуле. Это назначение оставляет меня совершенно праздным. Оно было рассчитано на совершенно другие условия, чем те, которые сложились в настоящее время, и никогда оно мне не приходилось по душе, а теперь уже совсем не нравится, так как мне едва ли удастся что-нибудь увидеть. Я еще не слышал ни одного выстрела, впрочем, значительные события вообще еще не имели места. Арьергардные бои, происходившие до сего времени, полностью складывались в нашу пользу. Пока мы взяли в плен одного генерала и 1 000

человек. Для отступательного марша это много. Я полагаю, что по тем или иным обстоятельствам мое служебное положение должно измениться. В противном случае я буду очень опечален. В конце концов я был прав, когда тысячу раз говорил себе то, что все другие оспаривают: не зная русского языка, являешься ни к чему непригодным. Едва ли я могу надеяться быть здесь полезным. И все мои усилия устремляются лишь на то, чтобы, по крайней мере, видеть войну и, таким образом, обогатиться личными наблюдениями. Эта кампания чрезвычайно утомительна для войск. Даже в главной квартире, где мы, несомненно, находимся в лучших условиях, нам всегда приходится ночевать в сараях и конюшнях, и я уже три недели не раздевался. Наше будущее мы доверчиво предоставляем судьбе. Пока не произошло ни одного крупного несчастья, и кое-какие крупные надежды еще сохраняются в зачаточном состоянии. Они смогут развиваться, когда наступит их время. Но и при самом дурном обороте хода событий я еще не утрачу мужества. Счастье крепко обосновано в нас самих, и никакая сила мира не сможет разбить его полностью, если мы оба останемся живы и здоровы. Я должен быть очень доволен приемом, оказанным мне здесь; особенно благосклонен был ко мне император, а великий князь Константин Павлович, находясь во главе колонны, обращался ко мне с таким вниманием, которое далеко превосходит мои заслуги. Но я не строю надежд на свое счастье на этих мимолетных изъявлениях благоволения и привожу это лишь как доказательство того, что некоторые опасения и пророчества наших высокопоставленных подруг являлись необоснованными. Точно так же мне не приходится жаловаться и на русских вельмож. Лишь шикарная молодежь в свите императора проявляет отталкивающую холодность. Гр. Ожаровский, генерал-адъютант императора, живущий всегда с нами, является почти единственным близким знакомством, которое я приобрел, и он очень любезен со мной.

Нашего друга Гнейзенау нам приходится видеть очень мало, так как он всегда находится в нескольких переходах от нас, в тылу. Мне это очень тяжело во многих от-

ношениях. Генерал Барклай-де-Толли командует теперь армией с большими полномочиями, чем имел раньше. Эта перемена явилась чрезвычайно необходимой. Мне он представляется неплохим генералом. С момента этой перемены в командовании мы в основном покинули Дрисский лагерь и передвинулись влево, что в общем я признаю целесообразным. По вполне понятным причинам, я тебе не могу сообщить ясной и полной картины того, что происходит. Повидимому, наконец, выплывает на очередь заключение договора с Англией, так как адмирал Бентинг пробыл несколько дней в главной квартире.

Говорят, что он передал совет Бернадота — избегать решительного сражения. Это был бы хороший признак. Гр. Ливен находится в Риге; его ждут здесь каждый день. Я буду очень рад увидеть его здесь. Гр. Дона десять или двенадцать дней тому назад поднял в Риге паруса и отплыл. Таким образом, нельзя ждать его скорого возвращения...

Все время, которое мне предстоит еще провести в разлуке с тобой, я представляю себе как возвращение из длительного путешествия, на пути которого я уже нахожусь. Для сердца и воображения это наиболее приятное и утешительное представление, которое я могу составить о нем.

19 июня 1812 г.

Гр. Ливен прибыл и обещал позаботиться о доставке этого письма. Моя служба при генерале Пфуле закончилась; хотя мне еще ничего не известно о новом назначении, но я убежден, что оно последует в соответствии с моими стремлениями.

VIII

Дорогобуж, между Смоленском и Москвой,

12/24 августа 1812 г.

Гр. Ливен передал мне твое последнее письмо; уже около четырех недель тому назад я отправил тебе мое последнее письмо через Ливена. Это письмо дойдет до

тебя с верной оказией через Петербург, но, вероятно, со значительным опозданием. С момента моего последнего письма мое положение изменялось дважды. После того как император уехал из армии, я просил назначить меня в арьергард гр. Палена, нашего наиболее известного кавалерийского генерала. Я находился при нем три недели и пережил несколько боев. Это назначение было бы для меня чрезвычайно приятным, если бы я умел говорить по-русски, так как гр. Пален лично чрезвычайно любезный человек, но я, к сожалению, убеждаюсь в том, что не обманулся, утверждая невозможность быть использованным сколько-нибудь толково, не зная языка. Находишься в положении глухонемого. Чтобы использовать нас, к нам следовало бы подойти совершенно по-другому, чем это делается. Таким образом, я совершенно не рассчитываю на возможность отличиться. Поэтому моим самым заветным желанием является получить работу на немецкой территории. К сожалению, на выполнение этого желания нет никаких перспектив, так как крупный десант намечается на Копенгаген. В этой глупости впоследствии придется глубоко раскаиваться.

Через три недели гр. Пален заболел и его корпус был расформирован. Поэтому вот уже неделя, как я возвратился в главную квартиру в распоряжение генерал-квартирмейстера. Условия, в которых я до сих пор находился, являлись вполне сносными; я был бы вполне удовлетворен, если бы владел языком. Тогда я мог бы создать для себя более приятные и вполне приемлемые условия. Теперь же я часто твержу себе: надо пройти через это испытание. В настоящий момент военное положение, по существу, еще не плохо, но если предстоящее большое сражение будет проиграно, то оно, конечно, станет весьма неважным. В этом случае от высадки в Зеландии у императора Наполеона не пострадает и мизинец. До сих пор мы дали множество кровопролитных боев, но еще не было ни одного сражения. Часть боев сложилась для нас чрезвычайно счастливо, в особенности на флангах у Витгенштейна и Торماسова. Другая часть представляет по большей части арьергардные бои, которые делают много чести нашим войскам, но стоят армии больших

потерь и представляют лишь пассивные достижения. В ближайшем сражении силы будут приблизительно одинаковыми, а именно около 100 000 человек с каждой стороны. Я сомневаюсь в том, что нам удастся выиграть это сражение, но с точки зрения войны в целом мы от этого потеряем лишь немного, если хватит возможности выдержать два года борьбы. О Гнейзенау я не слышал ни слова; вот уже девять недель, как он отплыл. Лишения, связанные с походом, исключительны. Девять недель подряд ежедневные переходы, пять недель не раздевались, жара, пыль, ужасная вода, а часто и очень чувствительный голод. До сих пор я проводил все ночи, за малыми исключениями, под открытым небом, так как местность по большей части покинута всеми жителями, а жалкие хижины опустошены. Несмотря на эти трудности, я себя чувствую лучше, чем в Берлине...

IX

Между Москвой и Калугой 18/30 сентября 1812 г.

... Наши дела в общем складываются не плохо, тем не менее люди хотят уже отчаиваться. Операция в Германии, на которую я особенно рассчитывал, повидимому, не состоится. Опять потерян удобный момент спасти Европу. Мы проиграли сражение, но в меру. Наши силы ежедневно пополняются, а неприятельские нет. Превосходство теперь уже находится почти на нашей стороне, а в начале кампании противник превосходил нас в чрезвычайной степени. Это отступление на Калугу не позволит противнику удержаться в Москве. Повсюду он вынужден очищать часть завоеванных провинций. Поражение России я считаю невозможным, но нас могло бы погубить заключение плохого мира. Я принимал участие в походе как офицер генерального штаба; кое-чему в нем я научился, так как присутствовал при нескольких боях; отличиться мне было невозможно, так как при том ни с чем не считающемся способе, каким используют здесь нас, не знающих языка, нельзя дать больше того, чем дает рядовой боец. Все это стоит крайнего напряжения;

затрата сил огромная, и неприемлемость моего положения возростала в такой степени, что я был почти безутешным, когда прибыл желанный приказ Милорадовича ехать в Ригу на место моего незабвенного друга Тидемана, павшего там со славой. Это назначение избавляет меня от тысячи крупных и мелких неприятностей. Я его рассматриваю как новый признак того счастья, которое сопутствовало мне в течение всей моей жизни. Хотя я и не сделал ничего, о чем стоило бы говорить, но все же я теперь кавалер ордена Владимира и представлен уже ко второй награде. Поток орденов здесь так изобилует, что трудно о нем даже составить себе представление. Принц Гессен-Филиппштадтский потерял ногу, но остался жив. Барнеков ранен, Люцов, Шазо, Боze здоровы.

X

Петербург, 15/28 октября 1812 г.

Сейчас я нахожусь здесь, чтобы привести в порядок мое снаряжение и затем ехать в Ригу на место моего бедного друга Тидемана. Так как Рига в этом году, вероятно, сожжена уже не будет, то моя деятельность в этой кампании, может быть, уже закончилась или же будет, по крайней мере, ограничена делами, не связанными с опасностью, но, может быть, я буду послан в войска, которые следуют за отступающим противником. Такое назначение было бы мне очень по душе, так как мое назначение в Ригу начинает становиться очень неприятным: генерал Эссен получил, к сожалению, отставку, а на его место назначен маркиз Паулуччи, о котором все рассказывают много плохого, так что мне во всяком случае не приходится рассчитывать на радостную и приятную работу. Вопрос, смог ли бы я пойти далеко и отличиться на этой славянской земле, должен оставаться открытым; может быть, работа на немецкой земле начнется раньше, чем мы думаем. Обстоятельства складываются сейчас очень хорошо, они очень легко могут привести к крупному успеху, и почти невозможно, чтобы получился совершенно неудачный исход. Тем не менее мы не хотели заранее торжествовать и постоянно останавливаем свои

мысли на несчастье. Д. и Б. сообщили мне, что по моему поводу устраивают процесс с целью конфискации моего имущества. Я понимаю, что королю нужно предпринять что-то против нас; но если он в своем гневе захочет особенно выделить меня, то это было бы мне очень тяжело; я ничего не сделал, чтобы заслужить это. Во всяком случае мы можем утешаться мыслью, что даже в глазах наших злейших ненавистников мы не руководились никаким другим интересом, кроме того, который всей Европой признается своим. Это, по моему мнению, оправдывает нас перед всем миром. Если нам суждено стать жертвой этого тяжелого времени, то мне думается, что почетное несчастье нам будет легче сносить тогда, когда столь многие позорно подчинились. С нами теперь поступают так, как будто мы изменили своему отечеству, но обстановка может в течение одного года или даже в течение одного дня радикально измениться, и тогда, конечно, от этого противоестественного взгляда сейчас же откажутся. Если же это не произойдет, то нам придется временно стать изгнанниками. От Гнсайнау мы имеем сообщение из Англии, согласно которому он преисполнен добрых надежд. В будущем году я буду, может быть, вместе с ним. Здесь собралось теперь множество бывших пруссаков; мне тяжело оставить их, чтобы опять окунуться в море чужеземцев. Тетенбор здоров, теперь он находится при генерале Винценгероде, у которого небольшой отряд. Ожидают Вальмодена. Дернберг тоже здесь. Бедный принц Гессенский потерял ногу выше колена, и опасность для него еще не миновала.

XI

Петербург, 23 октября — 4 ноября 1812 г.

Это 24-е письмо, которое я посылаю тебе. Многие пропали. Мой друг Тидеман умер непосредственно от раны, которую под Ригой нанес ему прусский гусар выстрелом из пистолета почти в упор. Он пал со славой, и вся Рига сожалеет о нем. Император обещал сохранить вдове его жалованье. Я оплакивал его так, как оплакивал бы смерть брата, и сейчас еще почти не могу думать без

слез о его утрате. Он находился в Риге при генерале Эссене. После его смерти я получил приказ занять его должность. С этой целью я приехал в Петербург, где нахожусь уже двенадцать дней. Тем временем генерал Эссен вышел в отставку, а на его месте оказался человек, с которым я даже не могу пытаться работать. Поэтому я просил императора о другом назначении и надеюсь, что меня пошлют в корпус Витгенштейна. Выяснив условия работы в русской армии, в которой оказались мы, и перспективы, имеющиеся у меня здесь для дальнейшего продвижения, а также убедившись в том, что с нашими средствами нам было бы жить в Петербурге очень трудно, я принял решение при первой же возможности перейти в германский легион. Если наступят радикальные изменения обстановки, то германский легион снова увидит свое отечество, если же нет, то Англия, весьма вероятно, возьмет его на свое содержание. Таким образом, мое существование будет обеспечено там так же, как и здесь. Я буду служить в немецких войсках в тысячу раз в более приятных условиях. Я думаю, что мой переход в германский легион состоится, самое позднее, будущей весной. Гнейзенау все еще в Англии. Он очень доволен приемом и надеждами, которые ему подают.

Некоторое время я был при гр. Палене, молодом и очень любезном человеке, нашем лучшем кавалерийском генерале. Он заболел, и я перешел к генералу Уварову. Оба были мною довольны и засвидетельствовали это представлением меня к орденам, почему я и получил орден св. Владимира, но отсюда нельзя заключать о том, что я действительно отличился. Для офицера генерального штаба, не знакомого с русским языком, это совершенно невозможно, и последнее обстоятельство и делает мне противной мою службу. Я присутствовал при нескольких боях, в том числе и в сражении 7 сентября у Бородино, что дало мне очень ценное поучение. Как раз 10-го, когда ты писала мне письмо, мы вели сильный арьергардный бой под командой Милорадовича. Этот бой продолжался и с наступлением темноты. В этом бою подо мной была ранена лошадь. При отступлении от Москвы я находился в арьергарде, мы держались непосредственно

ственно за городом и видели ночью, как Москва горела во всех концах. Когда мы проходили, улицы были полны тяжело ранеными. Страшно подумать, что большая часть их — свыше 26 000 человек — сгорела. Я представляю себе, дорогая подруга, сколько у тебя было беспокойства и забот, когда ты прочла во французском бюллетене сообщение об этих ужасных сценах. Но из наших знакомых никто не лишился при этом жизни. Принц Гессенский, которому при этом оторвало ногу выше колена, и Барнеков, у которого прострелена нога, уже поправляются, хотя опасность для принца Гессенского полностью еще не миновала. Люцов, который как раз прибыл в то время, когда я писал тебе через гр. Ливена, здоров, он назначен капитаном генерального штаба и несет службу при генерале Дохтурове, где он устроился очень хорошо. Ф., Д. и Б. прибыли сюда, они поступают в германский легион...

XII

Петербург, 20 октября — 10 ноября 1812 г.

Ты знаешь, что я прибыл в Петербург, чтобы ехать в Ригу на должность моего несчастного друга Тидемана. Однако, перемены, происшедшие там в высшем командовании, заставили меня настойчиво просить об изменении этого назначения. Я довел это до сведения императора, и он обещал дать мне другое назначение, которое я теперь и выжидаю. Мое желание — попасть в корпус Витгенштейна, а затем я перейду в германский легион, который формируется здесь и в списки которого я уже занесен... Я слышал, что у вас мне устраивают процесс. Единственно, чего я опасаюсь, что из этого, тем или иным способом, выйдут неприятности для тебя и твоих братьев. А в остальном я отношусь к нему довольно равнодушно. Но это опасение огорчает меня, и если я при этом задумываюсь, насколько мало вероятно, чтобы нам удалось с тобой в ближайшее время встретиться, то я становлюсь еще более печальным и часто повторяю себе, что когда-нибудь мы получим утешение в том, что Германия будет вспоминать о нас с благодарностью, и на

наших могилах будут прославлять наши добрые намерения, которым мы принесли в жертву свое счастье и жизни. В остальном я доволен и чувствую себя хорошо. Если моя работа не всегда складывалась так, как бы этого хотелось, то все же и не так плохо, как меня предупреждали. То же самое надо сказать и об обстановке в целом. Кто мог ожидать, что в конце 1812 г. дела будут обстоять так хорошо, как это имеет место в действительности. Нужно ли мне еще раз предсказывать, как пойдут события дальше. Император Наполеон должен будет отказаться от своего вторжения и отступить 150 миль по разоренным провинциям с уже теперь гибнущей армией. Я не говорю уже о всех вытекающих отсюда последствиях, но если теперь Европа не будет спасена, то это целиком будет зависеть от людей, а не от судьбы. Станем ли мы еще раз свободным и заслуживающим уважения государством в спасенной Европе? Наша судьба никогда не переплеталась так тесно с мировыми событиями, как в настоящий момент. Хорошо будет, когда я смогу уверенно сказать себе: «Я буду убит не иначе, как на немецкой земле». Но если все надежды вновь окажутся разрушенными и Европа полностью погибнет, то я рассчитываю найти с немецким легионом убежище в Англии.

XIII

Петербург, 31 октября — 12 ноября 1812 г.

Вчера я получил новое назначение — я направляюсь в корпус Витгенштейна и рассчитываю завтра выехать туда. Так как я останусь, вероятно, в этом корпусе до весны, когда выступит германский легион, то ты теперь знаешь, где меня в будущем разыскивать. В настоящее время этот корпус находится между Днестром и Двиной в тылу главной французской армии. Если последний будет продолжать отступать, то этот корпус сыграет немаловажную роль. Я пробыл в Петербурге три недели, но не завязал ни одного знакомства, так как все время ожидал, что через день или два придется выехать...

Гнейзенау все еще в Англии, и я встречу с ним, вероятно, уже на немецкой земле. С. здоров и просит передать сердечный привет тебе и твоей матери. Гр. Ливен в Англии. Шесть твоих писем пропало. Членам нашего королевского дома я свидетельствую свою преданность и благодарность, если они еще благожелательно вспоминают обо мне.

XIV

Близ Борисова на Березине, 17/29 ноября 1812 г.

Вот уже 10—12 дней, как я вновь нахожусь в районе боевых действий, а именно армии Витгенштейна, куда я попал как раз в тот момент, когда должен был развязаться один из решительнейших узлов, которые вообще когда-либо развязывались. Катастрофа уже прошла. Она могла бы иметь и более решительный характер, однако, в целом мы можем быть довольны всей кампанией, которая закончится, самое позднее, через четыре недели. Я чувствую себя хорошо и очень доволен своим теперешним начальством. Оно почти столь же благосклонно и любезно, как мой несравненный друг Шарнторст. Но какие сцены мне пришлось видеть здесь. Если бы мои чувства уже не заполнились или, вернее, не притупились, я не мог бы притти в себя от содрогания и ужаса и еще многие годы не смогу без трепета вспоминать о них. По многим основаниям я не могу изложить их в моем письме, но, когда мы вновь увидимся, я должен буду дать тебе возможность заглянуть в эту кровавую страницу истории... Когда закончится эта кампания, мое желание — перейти в распоряжение германского легиона, в списки которого я уже занесен с разрешения императора. Моя высшая потребность вновь служить в немецкой части, где я могу развернуть все свои способности, что в моем возрасте представляется чрезвычайно желательным. Германский легион стоит сейчас в Финляндии, предполагается, что Англия возьмет его на свое содержание и что весной он будет использован для войны в Германии; этим исполнятся все мои желания. Если война закончится в северной Германии, то

я надеюсь, что ты проделаешь искусное путешествие, чтобы мы могли раньше встретиться; если же война не перенесется в северную Германию, то неизвестно, когда нам удастся увидаться.

Как там дела? Мне говорили, что нас собираются засудить. Кто видел здесь те сцены горя и нужды, в которых повинны и немецкие правительства, у тех гордость не будет сломлена вынесенным им осуждением. Тем не менее я охотно вернусь на родину и почувствую себя радостно только в вашем дружеском кругу. Это изгнание ужасно, ничто не могло бы компенсировать меня за него. На чужбине мне не дожить до старости.

...Европа спасена, но тем не менее я дрожу за ее судьбу в ближайшее десятилетие. Я боюсь, что оба немецких государя, в руках которых находится возможность в течение одного года успокоить Европу, не сумеют принять никакого решения, и Европа еще 10 лет будет обливаться кровью. О моих братьях я не имею никаких известий, так же как и они, наверное, обо мне, поэтому напиши моей свояченице. Ну, будь здорова, Мария. Господь пошлет нам скоро свидеться. Я пишу тебе между трупами и умирающими, среди дымящихся развалин, и тысячи людей, похожих на привидения, проходят мимо, кричат, плачут и напрасно молят о куске хлеба. Да поможет небо, чтобы эта сцена скоро изменилась.

Передай всем друзьям тысячекратный сердечный привет. Я разумею под этим решительно всех, так как в этот момент мое сердце так полно человеческим горем, что я не знаю больше никакого различия в рангах.

XV

Тауроген, 18/30 декабря 1812 г.

Я пишу тебе, дорогая Мария, под чарующим впечатлением этого местечка, где девять месяцев тому назад я впервые вступил в Россию и где теперь нахожусь в прусской главной квартире. Обстоятельства, приведшие меня сюда, ты легко поймешь из известий, которые дойдут до вас. Я встретил своих братьев здо-

ровыми телом и духом, оцененными и уважаемыми, увешанными орденами (однако, не французскими) и пережил сегодня с ними несказанно хороший день свидания. Завтра судьба нас вновь разделит, но теперь, по крайней мере, мы не будем стоять друг против друга. Если государь пожелает, это никогда не повторится. Я пережил четыре дня в ужасающих заботах. Мы отрезали генерала Йорка и каждый день были готовы сразиться с ним. Я совершенно здоров и нахожусь при армии Витгенштейна. Через один или два месяца я предполагаю перейти в германский легион, который насчитывает уже 4 000 человек. Мне говорили, что Гнейзенау возвращается и в этом случае выступит, вероятно, во главе легиона. Вот я буду счастлив! Сейчас я не могу больше писать, так как время идет слишком быстро. В ближайшем будущем надеюсь быть в Кенигсберге.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

АЛЕКСАНДР I (1777—1825) — русский император. Принимал участие в заговоре, закончившемся удушением его отца императора Павла I. В 1805 г. вел первую войну с Наполеоном, закончившуюся разгромом русской армии под Аустерлицем. В 1806—1807 гг. — вторая война с Наполеоном, исход которой после нескольких сражений с нерешительным результатом был снова определен тяжелым поражением русской армии у Фридланда.

В 1812 г. — третья война с Наполеоном, которая закончилась разгромом и катастрофическим отступлением армии Наполеона из Москвы. После победы над Наполеоном Александр I — вождь европейской реакции (стр. 24, 26, 28, 29, 30, 33, 34, 36, 39, 43, 44, 47, 48, 51, 53, 59, 67, 85, 87, 89, 131, 132, 133, 134, 135, 140, 176, 177, 209, 239, 241, 243, 245, 248, 250, 252).

АРАКЧЕЕВ А. А. (1769—1834) — русский генерал, верный слуга императоров Павла I и Александра I. Исключительный реакционер и мракобес. Инициатор военных поселений. Активный участник завоевания Финляндии. В войне 1812 г. состоял в свите императора; через его руки проходили все тайные приказы, донесения и распоряжения императора. Когда в начале войны 1812 г. русскую армию постигли неудачи, уговорил императора покинуть армию в династических интересах (стр. 29, 47, 48).

АРМФЕЛЬД Г. М. (1757—1814) — барон, затем русский граф. Шведский генерал, перешедший на службу к русским в целях сохранения своих богатых поместий в Финляндии. Имел большое влияние на Александра I, особенно по делам Швеции и Финляндии (стр. 29, 39).

БАГГОВУТ К. Ф. (1761—1812) — генерал. Участник войны с Турцией в 1789 г., в Польше 1792—1794 гг.; в войне 1806 г. отличился в боях под Пултуском, в 1807 г. — у Прейсиш-Эйлау и Фридланда.

В войне 1812 г. — командир второго корпуса; принимал участие в сражении у Смоленска. В Бородинском сражении находился сначала на правом фланге, а затем перешел на левый фланг вместо убитого генерала Тучкова, 6 октября в бою у Тарутина убит (стр. 85, 99, 109, 112).

БАГРАТИОН П. И. (1765—1812) — генерал, участник покорения Кавказа 1783—1790 гг., войн с Турцией, Польшей; участник похода Суворова в Италию, кампаний 1805 и 1806—1807 гг.; затем в войне с Швецией 1808—1809 гг. и снова с Турцией. Пользовался репутацией любимого ученика Суворова и хранителя его заветов.

В войне 1812 г. командовал второй западной армией, расположенной к югу от Белостока. Умело совершил отступательный марш и соединился на глазах у Наполеона у Смоленска с первой армией. В Бородинском сражении командовал левым крылом, был тяжело ранен и скоро умер. Ярый противник отступательной стратегии; все время выступал против осторожной линии поведения Барклая, обвиняя последнего в измене (стр. 25, 34, 50, 52, 58, 60, 61, 65, 68, 69, 70, 74, 75, 76, 77, 79, 83, 84, 103, 105, 121, 189, 191, 192, 194, 196, 197, 199, 200, 204).

БАРАГЕ д'ИЛЬЕ Людовик (1764—1812) вступил добровольцем во французскую армию в 1783 г.; революция позволила ему выдвигаться: в 1792 г. — подполковник, в 1793 г. — генерал, участник наполеоновских походов 1805—1809 гг., в которых командовал дивизиями и большими отрядами. В 1812 г. умер в должности губернатора Берлина (стр. 207, 215, 232).

БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ М. Б. (1761—1818) — князь, генерал-фельдмаршал. Сын пастора, без средств, долго служил унтерофицером и получил богатый боевой опыт в войнах России с Турцией, Польшей, Наполеоном. В зиму 1808/09 г. в войне с Швецией перешел со своим корпусом по льду Ботнический залив (110 км) и заставил Швецию заключить мир. Конец 1809 и начало 1810 гг. — генерал-губернатор Финляндии и главнокомандующий финляндской армией. В 1810 г. — военный министр. В войне 1812 г. сначала командовал первой западной армией, а затем до приезда Кутузова объединял действия первой и второй армий. Враг Пфуля. Сторонник глубокого отхода русской армии перед превосходными силами Наполеона. Проводимый им в жизнь отход русской армии вызвал против Барклая негодование среди помещичье-феодалальных кругов так называемой «русской партии»; был заменен Кутузовым. Участник Бородинского сражения, где держал себя очень храбро. После оставления русскими Москвы был отстранен по болезни от должности военного министра.

В 1813 г. назначен командующим третьей армией, осаждавшей крепость Торн. 19 мая 1813 г. назначен главнокомандующим русско-прусской армией, затем участвует в дальнейшем разгроме Наполеона и захвате Парижа. После возвращения в Россию назначен главнокомандующим первой армией, с которой в 1815 г. вступил в пределы Франции для помощи союзникам против Наполеона, но сражение при Ватерлоо остановило его от дальнейшего продвижения (стр. 24, 25, 30, 39, 43, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 94, 111, 121, 133, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 205, 240, 244).

БАРНАКОВ Г. — прусский офицер. В 1812 г. в русской армии — полковник. В 1815 г. вернулся обратно в прусскую армию (стр. 248, 250).

БЕННИГСЕН Л. Л. (1745—1826) — генерал, ганноверский барон. В 1773 г. перешел на службу в русскую армию. Вождь заговорщиков, убивших Павла I, участник войн против Турции, Польши, Персии, против Наполеона в 1805 и 1806—1807 гг. В сражении у Прейсиш-Эйлау добился нерешительного исхода против главных сил Наполеона, но под Фридландом был окончательно разгромлен Наполеоном. Командуя русскими войсками в 1806—1807 гг., брал с подрядчиков огромные взятки и нажил большое состояние, почти уморив голодом русскую армию.

В войне 1812 г. состоял первоначально при императоре, а затем был начальником штаба Кутузова. Участник Бородинского сражения, руководил боем под Тарутиным и участник дальнейшего разгрома Наполеона (стр. 29, 39, 91, 111, 136, 205).

БЕРНАДОТ Ж. Б. Ж. (1764—1844). В 1780 г. — солдат французской армии; с началом революции, благодаря отличным дарованиям и мужеству, быстро движется по службе; в 1793 г. — он уже бригадный генерал. Блестящий командир, конкурент самого Наполеона. В 1796 г. его дивизия, действовавшая в Италии, сконцентрировала в себе правые военные круги, лидером которых являлся Бернадот. В 1799 г. — военный министр Франции, в 1804 г. — маршал Франции. Участник многих походов Наполеона; особенно отличился под Аустерлицем. Взаимоотношения его с Наполеоном все время обострены. В 1810 г. избирается наследником шведского престола и в 1818 г. под именем Карла XIV стал королем Швеции. Перешел на сторону Александра I, который обещал Бернадоту отдать Норвегию. Благодаря этому союзу Швеции с Россией русским удалось перевести из Финляндии в Ревель 10 000 солдат (стр. 244).

БЕССИЕР И. Б. (1768—1813) — участник переворота 18 брюмера, маршал Франции. Командовал гвардейской кавалерией. Участник походов Наполеона; отличился в сражениях при Асперне и Ваграме.

В 1813 г. убит накануне сражения при Людене (Гросгоршене) (стр. 207).

БОЙЕН Л. Г. (1771—1848) — прусский фельдмаршал, военный министр, участник войны с Польшей в 1794 г. В бою под Ауэрштэтом в 1806 г. тяжело ранен. Вместе с Шарнгорстом работал над введением всеобщей воинской повинности и над созданием ландвера в Пруссии.

В 1812 г. был в отставке, а в 1813 г. был прикомандирован к штабу Кутузова. Затем заменил Шарнгорста, умершего от ран на посту военного министра. В 1819 г. вышел в отставку вследствие усиления реакции. В 1840 г. — снова военный министр (стр. 24).

БУТУРЛИН Д. П. (1790—1846) — русский военный писатель. В 1812 г. как офицер генерального штаба участвует в сражениях

под Таругиным, Малоярославцем и Вязьмой. В 1823 г. участвует в рядах французской армии в операциях в Испании. В 1829 г. на балканском фронте в качестве генерал-квартирмейстера второй армии. В 1842 г.—директор Императорской публичной библиотеки. Из его трудов известна «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.», на которую ссылается Клаузевиц (стр. 94, 100, 128, 178).

ВАНДАМ И. Д. (1771—1830) — французский генерал, участник многих походов Наполеона. В начале 1812 г. командовал вестфальскими войсками. В 1813 г. назначен командиром 1-го корпуса и в сражении под Кульмом попал в плен, вернулся из плена после парижского мира и по возвращении Наполеона с о. Эльбы присоединился к нему. После окончательного поражения Наполеона был изгнан из Франции, в которую вернулся лишь в 1818 г. (стр. 192, 197).

ВЕЛЛИНГТОН А. К. В. (1769—1852) — герцог, английский полководец. Участник Нидерландского похода (1794 г.), экспедиции в Индию (1797—1805 гг.), войны в Дании (1807 г.). В 1808—1809 гг. в Португалии и Испании командует британскими войсками и одерживает ряд побед над французскими войсками маршалов Жюно, Сульта, Мармона. Эти операции закончились изгнанием французов из Испании. В 1815 г. командует английской армией в сражении под Ватерлоо, которое закончилось разгромом Наполеона. Был назначен главнокомандующим союзных войск на все время оккупации. Представлял интересы реакции, имел существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Англии (стр. 33).

ВИКТОР (1766—1841). Служил в старой королевской армии в артиллерии; в 1791 г. вступил волонтером в армию революции и был выбран командиром батальона; в 1793 г.—бригадный генерал. Участвовал во многих походах Наполеона, начиная с осады Тулона. За сражение при Фридланде, закончившееся разгромом русской армии, получил звание маршала. После краха Наполеона перешел на службу к Бурбонам. В 1821 г.—военный министр Франции (стр. 142, 146, 207, 210, 219, 220, 222, 224, 225, 232).

ВИНЦЕНГЕРОДЕ Ф. Ф. (1770—1818) — барон, кавалерийский генерал. Служил в гессенской и австрийской армиях. В 1797 г. перешел на службу в русскую армию, участвовал в кампании 1799 г. в Италии. В 1809 г. на службе у австрийцев. В 1812 г. снова у русских. Под Смоленском получил командование отрядом, прикрывавшим петербургское направление. После занятия Наполеоном Москвы руководил партизанскими действиями на Тверской дороге. 10 октября 1812 г. попал в плен к французам в самом г. Москве, но по пути во Францию летучий отряд Чернышева освободил его из плена. Командовал затем кавалерией и в операциях 1813—1814 гг. принимал активное участие (стр. 209, 248).

ВИТГЕНШТЕЙН П. Х. (1768—1842) — русский фельдмаршал. Участник войны с Польшей в 1795 г. и покорения Кавказа; участвовал в войне с Наполеоном в 1805 и 1806—1807 гг. Войну 1812 г. начал в должности командир 1-го корпуса, получив задачу прикрыть направление на Петербург. Имел ряд успешных столкновений с маршалами Наполеона, выставленными против него. Во время отхода Наполеона получил задачу обрушиться на его тылы, но с этой задачей не справился. Поставленная ему другая задача — отрезать Наполеону пути отхода через Березину — выполнена не была вследствие страха перед встречей лицом к лицу с Наполеоном. Клаузевиц, симпатии которого были на стороне ряда работников штаба Витгенштейна — выходцев из Пруссии, несколько преувеличивает значение действий Витгенштейна в войне 1812 г. и не слишком резко критикует его ошибки (стр. 59, 60, 66, 68, 92, 121, 134, 135, 136, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 152, 153, 154, 155, 157, 167, 168, 169, 170, 173, 175, 176, 177, 178, 189, 190, 194, 196, 199, 201, 206, 208, 210, 220, 224, 225, 227, 228, 245, 249, 250, 252, 254).

ВЛАСОВ М. Г. (1767—1848) — наказной атаман войска донского. Участник походов 1791, 1794, 1807 гг. В 1812 г. — командир казачьего полка, объединял действия казачьих частей в авангарде. В 1819 г. с жестокостью подавил восстание на Кавказе в Имеретии и Ширванском ханстве, а в 1831 г. в Польше так же зверски расправился с восстанием. 1836—1848 гг. — наказной атаман войска донского (стр. 157).

ВОЛКОНСКИЙ П. М. (1776—1852) — князь, фельдмаршал. Участник кампании 1805 г. Военный атташе во Франции при Наполеоне. Затем генерал-квартирмейстер русской армии. В войне 1812 г. занимал положение начальника штаба при императоре, но оперативными вопросами не занимался. Во время отхода Наполеона командовал отрядом на переправах через Березину. Начальник штаба Кутузова, а после его смерти — начальник штаба императора. Участвует в боях 1813 г. В 1815 г. — начальник главного штаба, фактический основатель русского генерального штаба. Участник венского конгресса. Видный и влиятельный придворный сановник (стр. 29, 30, 47, 48, 241).

ВОЛЬЦОГЕН Л. (1774—1845) — вюртембергский офицер, перешедший в 1807 г. на службу в русскую армию. Большим доверием пользовался у императора и Барклая. В 1812 г. находился при штабе Барклая, в 1813—1814 гг. — в свите императора. В 1815 г. перешел в прусскую армию. Образованный и честлюбивый офицер (стр. 36, 40, 46, 55, 56, 57, 58, 86, 87, 242).

ВРЕДЕ К. Ф. (1767—1839) — князь, баварский фельдмаршал. В 1805 г. под командованием Наполеона одержал ряд побед.

В 1812 г. он повел баварские войска в Россию и находился в корпусе Сен-Сира. В 1813 г. выступил против французов, но потер-

пел неудачу. На венском конгрессе играл видную роль (стр. 143, 211, 221, 226).

ГАРДЕНБЕРГ К. А. (1750—1822) — прусский канцлер. В 1803 г. — министр иностранных дел, но по требованию Наполеона снят с должности. После 1810 г. руководит всеми государственными делами Пруссии, продолжает реформы Штейна, допуская, однако, много колебаний и компромиссов. Инициатор ряда буржуазных реформ (стр. 162, 176).

ГАРПЕ В. И. (1765—1814) — русский генерал. В 1789 г. — в гребном флоте, затем переходит в пехоту и участвует в войне с Швецией, в 1792—1794 гг. — в Польше, в 1805 г. — против Наполеона, в 1807 г. — в Турции, в 1809 г. — в Финляндии.

В войне 1812 г. командует первой бригадой 14-й дивизии и участвует в июле и августе в боях под Клястидами ж Полодком. 8 октября взял Полодк. В боях под Витебском взял в плен французского генерала Пюже. Под Борисовом был ранен, снова ранен в боях под Лукау, затем опять ранен в сражении при Денневице. Умер от изнурения в результате многочисленных ранений в 1814 г (стр. 220).

ГАУГВИЦ Х. А. (1752—1832) — руководитель прусской внешней политики, участник второго раздела Польши. Был послан в 1805 г. к Наполеону с задачей предъявить ему ультиматум и объявить от имени Пруссии войну. Но прежде чем Гаугвиц доехал до Наполеона, произошло сражение под Аустерлицем, и Гаугвиц, вместо объявления войны, заключил союз с Наполеоном. Этот договор изолировал Пруссию и подготовил ее разгром Наполеоном в 1806 г (стр. 162).

ГЕССЕН-ФИЛИППШТАДТСКИЙ — принц, адъютант донского атамана Платова в сражении под Бородино. Пушечным выстрелом ему оторвало ногу (стр. 104, 105, 247, 248, 250).

ГНЕЙЗЕНАУ А. В. Н. (1760—1831) — прусский фельдмаршал. Участник войны с Польшей в 1794 г. и кампании 1806—1807 гг. После разгрома Пруссии вместе с Шарнгорстом, Бойеном работает над военной реформой Пруссии. С 1803 по 1812 гг. — в знак протеста против союза Пруссии с Наполеоном — в отставке. Отличался злейшей ненавистью к Наполеону. В 1812 г. был в России, но затем уехал в Англию. Пытался формировать немецкий легион для действий в тылу Наполеона. После смерти Шарнгорста — начальник штаба Силезской армии. Участвует затем во всех крупных боях 1813—1815 гг. и является главным деятелем разгрома Наполеона при Ватерлоо. Кумир германской буржуазии, ближайший друг Клаузевица (стр. 25, 240, 243, 248, 249, 252, 254).

ГРАВЕРТ Ю. А. Р. (1746—1821) — прусский генерал. Участник Семилетней войны, войны за баварское наследство, походов против Франции и сражения под Иеной в 1806 г.

Являясь представителем враждебных реформе военных кругов, стоявших за полное подчинение Пруссии Наполеону, Граверт был выдвинут в 1812 г. командующим прусским вспомогательным корпусом; по болезни сдал командование генералу Йорку (стр. 160, 199).

ДАВУ Л. Н. (1770—1823) — товарищ Наполеона по военной школе; кавалерийский подпоручик старой армии, переходит волонтером в революционную армию в 1792 г. и избирается батальонным командиром; в 1793 г. — бригадный генерал. Среди маршалов Наполеона представлял резкое исключение по своему стратегическому дарованию. В 1812 г. энергично продвинулся до Могилева, препятствуя соединению первой и второй армий и, отбив при Салтановке попытки Багратиона пробиться, вынудил последнего к кружному отходу на Смоленск. Командовал войсками под Парижем, сдал его союзникам после Ватерлоо. Перешел к Бурбонам, которыми был возведен в перы Франции (стр. 80, 103, 191, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 202, 214, 215, 217, 218, 224).

ДИБИЧ И. И. (1785—1831) — граф, фельдмаршал. Окончил прусский кадетский корпус и перешел на службу в русскую армию. Участник войны 1805 г., 1806—1807 гг. В 1812 г. — генерал-квартирмейстер корпуса Витгенштейна. Участвовал в операциях 1813—1814 гг. в роли генерал-квартирмейстера всей союзной армии. Один из доносчиков на декабристов; пользовался огромным доверием Николая I. В войне 1828—1829 гг. против Турции имел ряд блестящих успехов и форсировал Балканы, за что был прозван Забалканским. Участвовал в подавлении польского восстания в 1830 г. (стр. 141, 142, 146, 155, 156, 157, 158, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 170, 174, 175, 227).

ДОМБРОВСКИЙ (1755—1818) — польский генерал. Организатор польских легионов, с которыми участвовал в войне 1812 г. на стороне Наполеона (стр. 190, 201, 211, 221, 230, 231, 234).

ДОХТУРОВ Д. С. (1756—1816) — генерал. Участник кампании 1805, 1806—1807 гг. и войны в Финляндии. В начале войны 1812 г. был со своим корпусом отрезан от Барклая, но, делая переходы по 65 км в день, успел к нему присоединиться. Защищал Смоленск. В сражении под Бородино командовал центром, а затем после ранения Багратиона — левым крылом. Активный участник боев под Тарутинным и Малоярославцем. Участвовал во многих крупных сражениях 1813—1814 гг. Представитель «русской» партии в армии; в 1815 г. вышел в отставку (стр. 61, 65, 77, 78, 190, 192, 194, 204, 213, 250).

ДЮРОК Х. М. (1772—1813) — франц. генерал, адъютант, личный друг и маршал двора Наполеона. Участник большинства его походов. Убит в сражении под Вуршеном.

ДЮРЮТТ И. (1767—1837) — франц. генерал. В начале революции поступил волонтером в войска и участвовал в сражениях при

Менине, Куртрэ, Жемапше и др. В 1809 г. сражался против австрийцев. В 1812 г. был сначала в корпусе Виктора, потом — Ожеро. В 1813 г. при вторжении союзников отстоял Мец. Под Ватерлоо командовал 4-й дивизией (в корп. Эрлона). По низложении Наполеона остался не у дел (стр. 221, 229, 234).

ЕВГЕНИЙ БОГАРНЕ, ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИТАЛЬЯНСКИЙ (1781—1824) — сын жены Наполеона от ее первого мужа Богарне. Участник походов Наполеона. До войны 1812 г. управлял Италией, но затем был назначен командиром 4-го корпуса. Участник сражений при Островне, Смоленске, Бородино, Малоярославце и Красном. После возвращения Бурбонов удалился в Баварию (стр. 103, 148, 191, 192, 194, 195, 196, 200, 202, 213, 214, 215, 217, 218, 224).

ЕРМОЛОВ А. П. (1772—1861) — генерал, участник войны с поляками 1794 г., похода в Персию 1796—1797 гг., кампаний 1805—1806—1807 гг.

В войне 1812 г. являлся начальником штаба первой армии у Барклая и возглавлял «русскую» партию в офицерских кругах. Состоял в личной переписке с императором Александром I, которому доносил на своего начальника. Злейший враг немцев и Барклая, просил императора «произвести в немцы». В Бородинском сражении организовал контратаку на захваченную французами батарею Раевского. В операциях 1813 г. — начальник всей артиллерии. В 1813, 1814 и 1815 гг. командовал стрядами и корпусом, одержал под Кульмом победу. Впоследствии на Кавказе «огнем и мечом» прошел по аулам в районах восстаний. Вследствие связи с декабристами после восшествия на престол Николая I был уволен в отставку (стр. 54, 57, 69, 87, 91).

ЖЕРОМ БОНАПАРТ (1794—1860) — младший брат Наполеона I. После Тильзитского мира — король Вестфалии. В 1812 г. — командир корпуса. Наполеон, недовольный медленностью его наступления, подчинил его Даву; обидевшись, Жером уехал в свое королевство, откуда бежал в 1813 г. во время набега конного отряда Чернышева (стр. 192, 194, 195, 196, 197, 200).

ЖОМИНИ Г. (1779—1869) — барон, служил первоначально в швейцарской, а затем во французской армии. Участник ряда наполеоновских походов как начальник штаба Нея. Автор ряда выдающихся трудов по стратегии и истории войн. С 1809 г. вел переговоры о переходе на русскую службу. В 1812 г. под предлогом расстроенного здоровья уклонился от занятия строевой должности и был назначен сначала виленским, а затем смоленским губернатором. Помог спасению наполеоновской армии на Березине, но сам едва не погиб при переправе. В 1813 г., будучи вновь начальником штаба Нея, переходит на службу к русским; переход был вынужден преследованиями его врага — начальника штаба Наполеона Бертье. В 1830 г. работает над устройством в России военной академии. Преподает военные науки; участник войны с Турцией в 1828 г.

В своих теоретических трудах установил ряд «вечных принципов» военного дела. Конец своей жизни провел во Франции, оставаясь на русской службе (стр. 54).

ЖЮНО (1771—1813) — герцог д'Абрантес, французский генерал. В 1793 г. при осаде Тулона Наполеон взял его к себе адъютантом. Выдающийся придворный, очень храбрый, Жюно не имел способностей командовать и терпел крупные неудачи на тех военных постах, на которые выдвигал его Наполеон. Наиболее крупная неудача Жюно — капитуляция его при Цинтре, в 1808 г., по которой он передал англичанам завоеванную им Португалию. В бою под Валутиной горой в 1812 г. упустил случай отрезать часть армии Барклая (стр. 103, 200, 202, 205, 207, 214, 215, 216, 217, 231).

ИОРК И. Д. Л. (1759—1830) — прусский фельдмаршал. Юнкером участвовал в войне 1772 г. за баварское наследство. Нарушил дисциплину и был посажен в крепость. После крепости поступает на службу в голландскую армию и участвует в остиндийских экспедициях 1783—1784 гг. В 1785 г. — снова в прусской армии, участвует в войне с Польшей в 1794 г. Приобрел в тот период известность в организации стрелкового дела согласно требованиям новейшей тактики.

В войне 1806 г. ранен и попадает в плен. В 1811 г. — генерал-губернатор восточной Пруссии. В войне 1812 г. — командир вспомогательного корпуса; этот корпус, входя в подчинение французского генерала Макдональда, действовал на рижском направлении. Заключив сепаратный мир с русскими, он толкнул Пруссию на войну против Наполеона и, командуя корпусом, принимал участие в ряде сражений против французов в 1813—1814 гг. Является автором ряда исторических трудов о действиях Наполеона. В прусской армии являлся представителем реакционных юнкерских кругов и злейшим врагом реформаторов Штейна, Шарнгорста и Гнейзенау (стр. 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 210, 227, 254).

КЛЕЙСТ (1762—1823) — граф, прусский фельдмаршал. В 1812 г. находился в составе вспомогательного прусского корпуса, являясь заместителем Иорка (стр. 154, 156, 158, 177).

КОНОВНИЦЫН П. П. (1776—1822) — граф, генерал. Участник войны с Швецией в 1788—1790 гг., с Польшей и в Финляндии в 1808 г. В 1812 г. командовал 3-й пехотной дивизией в корпусе генерала Тучкова и особенно отличился под Бородино. После ранения Баграциона командовал второй армией. 4 сентября 1812 г. был назначен дежурным генералом и в течение двух недель сформировал новую армию. В 1815 г. — военный министр (стр. 61, 200).

КОНСТАНТИН (1779—1831) — великий князь, брат русского императора Александра I. В войне 1812 г. командир 5-го корпуса в первой армии Барклая; в состав этого корпуса входила гвардия.

Вступил с ним в конфликт и отправился с обвинением Барклая в измене в Петербург. Вернулся снова в армию во время отхода французов. С 1815 г. — командующий войсками и наместник царства Польского. Во время восстания в 1830 г. бежал из Варшавы, затем участвовал в подавлении восстания и умер в Витебске от холеры (стр. 51, 86, 243).

КОРБИНО (1776—1848) — граф, французский генерал. В 1812 г. — командир кавалерийской бригады корпуса Сен-Сира, а затем корпуса Удино. Двигаясь со своей легкой кавалерией на соединение с главными силами, обнаружил на реке Березине у Студянки брод и указал Наполеону возможность форсировать Березину у этого пункта, что спасло Наполеона. За это Наполеон назначил Корбино своим адъютантом (стр. 221).

КОРФ Ф. К. (1774—1826) — русский генерал. Участник войны в Польше в 1794 г., кампаний 1805, 1806—1807 гг.

В 1812 г. — начальник 2-й кавалерийской дивизии, затем командир 2-го резервного кавалерийского корпуса. Прикрывал движение Барклая к Дриссе, имел удачные бои с Мюратом. Участвовал в защите Смоленска. В Бородинском сражении командовал двумя кавалерийскими корпусами и отражал в центре атаки французов. Участник сражений под Малоярославцем, Вязьмой и Красным (стр. 79, 172).

КУЛЬНЕВ Я. П. (1763—1812) — генерал, авангардный начальник, ученик и подражатель Суворова. Участник войны с Турцией (1789 г.), Польшей, с Наполеоном, опять с Турцией, в Финляндии и затем в 1810 г. в Молдавии. В войну 1812 г. командует арьергардом у Витгенштейна. 2 июля после ухода из Дриссы был послан во главе кавалерийской группы для разведки. Удачно действовал, взял 200 пленных, в том числе одного генерала. 13 июля снова организует успешную разведку. В последующем бою под Клястицами потерпел поражение и был смертельно ранен. Наполеон признавал Кульнева одним из лучших русских кавалерийских генералов. Русская патриотическая пресса создала из Кульнева одного из «героев отечественной» войны (стр. 68, 201).

КУРЦИЙ МАРК — Тит Ливий в своей истории Рима передает легенду, что в 394 г. до нашей эры на Римском форуме внезапно открылась пропасть. Оракул изрек, что эта пропасть закроется только тогда, когда Рим бросит в нее самое дорогое, что имеет. Курций понял это как требование человеческой жертвы, одел вооружение и верхом на коне бросился в пропасть, которая закрылась над его головой (стр. 145).

КУТУЗОВ М. И. (1745—1813) — князь, фельдмаршал. Участник походов Суворова. В 1805 г. командует русскими войсками под Аустерлицем. Александр I крайне не любил Кутузова. В 1811 г. Кутузов командует дунайской армией. Пользуется большой популярностью в помещичьих кругах. Под давлением этих кругов Александр I

назначает Кутузова главнокомандующим русской армии. Кутузов решил принять Бородинское сражение и хотя сам он не верил в успех — понимал необходимость дать бой французам под стенами Москвы. Катастрофа французской армии при отступлении из Москвы тесно связана с его именем. Кутузов был резким противником перехода русскими войсками границы в 1813 г. — продолжения борьбы с Наполеоном и вмешательства в европейские дела.

Александр I, который первую половину кампании трусливо провёл в Петербурге, вернулся в армию после отхода Наполеона из Москвы и фактически отстранил Кутузова от руководства армией. Кутузов умер в 1813 г. в Силезии. Кутузов был хитрым и осторожным полководцем, с большой практической сметкой и с умением влиять на солдатскую массу (стр. 68, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 95, 96, 104, 111, 112, 114, 116, 118, 119, 128, 132, 133, 139, 143, 145, 147, 148, 149, 150, 152, 176, 205, 208, 209, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 223, 224, 227).

КУТУЗОВ П. В. (1773—1843) — генерал, преимущественно царедворец. В 1806 г. участвовал в войне против турок. В сентябре 1812 г. сформировал из ямщиков Петербургско-Московской дороги конный отряд, с которым успешно действовал. В октябре после взятия в плен генерала Винценгероде был назначен начальником его отряда и вошел затем с ним в состав корпуса Витгенштейна. 20/XI по дороге в Вильно у Докшиц настиг аррьергард 6-го корпуса французов. взял 1 000 пленных. Занял Вильно и Тильзит (стр. 154, 157, 175).

ЛАТУР-МОБУР Вик. (1756—1831) — французский генерал кавалерист. В сражении под Лейпцигом потерял ногу. После разгрома Наполеона перешел на сторону Бурбонов (стр. 198, 201, 202).

ЛЕВИС Ф. Ф. (1767—1824) — генерал русской службы в составе корпуса Эссена, оборонял Лифляндию от Иорка (стр. 166, 173, 199, 207).

ЛИВЕН Х. А. (1777—1838) — князь, генерал. Участник итальянского похода Суворова. Доверенное лицо императора Александра I. В 1807 г. — русский посол в Берлине, с 1812 г. — русский посол в Лондоне (стр. 44, 45, 56, 57, 240, 244, 250, 252).

ЛОБАНОВ Д. И. (1758—1838) — князь, генерал. Участвует в войне 1788 г. под Очаковым, 1790 г. — под Измаилом, 1794 г. — в Польше. В 1807 г. участвовал в тильзитских переговорах, причем очень понравился Наполеону. В 1810—1812 гг. — генерал-губернатор в Прибалтике. В 1812 г. формировал войска второй и третьей очереди (стр. 30, 53).

ЛОРИСТОН А. Я. Б. Л. (1764—1828) — маркиз, маршал Франции. Использовался Наполеоном преимущественно как дипломат. До 1812 г. был послом Франции в России. В 1812 г. неуспешно вел переговоры с Кутузовым в Тарутине. Перешел к Бурбонам (стр. 209).

ЛЮЦОВ Л. А. (1782—1834) — прусский партизан и кавалерийский генерал. В 1809 г. присоединился к путчу Шила, начавшего со своим гусарским полком на свой страх войну с Наполеоном. После гибели Шила Люцов с трудом спасся. Особенно успешно Люцов действовал во главе партизанского отряда в Германии в 1813 г. (стр. 57, 247, 250).

МАКДОНАЛЬД С. Я. И. А. (1765—1840) — шотландец родом, маршал Франции. Выдающийся революционный генерал. В 1799 г. командовал французской армией, разбитой Суворовым на Требии. После захвата власти Наполеоном республикански настроенный Макдональд 8 лет оставался не у дел. В 1801 г. примирился с Наполеоном и руководил решительным ударом в центре в сражении под Ваграмом. В 1812 г. командовал корпусом, который действовал на рижском направлении.

В 1815 г. отказался примкнуть к Наполеону (стр. 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 172, 175, 178, 179, 189, 191, 193, 195, 199, 201, 202, 205, 219, 227, 228, 229, 235).

МАРЭ, герцог **БАССАНСКИЙ** — бывший личный секретарь Наполеона. В 1812 г. — французский министр иностранных дел (стр. 161, 168).

МАССЕНБАХ Х. (1758—1827) — полковник прусской армии и военный писатель. Был убежденным сторонником союза Пруссии с Францией. Неудачный штабной работник. В 1806 г. склонил принца Гогенлоэ к сдаче. Один из ученых столпов прусского генерального штаба. В 1802 г. он предложил разрабатывать в мирное время в генеральном штабе планы войны на все случаи, даже против дружественных соседей. Эта идея Массенбаха пустила в Пруссии прочные корни. Рассматривал войну как чисто математическую проблему. По его мнению, занять хорошую позицию важнее, чем разбить противника (стр. 26, 154, 155, 165, 170, 171, 172).

МЕЛЛЕНДОРФ (1724—1816) — прусский генерал. Участник войн Фридриха II, в 1794 г. командовал прусской армией. В 1806 г. при Иене был тяжело ранен и взят в плен. Использование столь престарелых начальников для активной работы объясняется преклонением перед традициями Фридриха II, живыми носителями коих являлись эти изжившие себя люди, тормозившие каждый шаг вперед в военном деле (стр. 27, 28).

МИЛОРАДОВИЧ М. А. (1771—1825) — выдающийся русский генерал, граф. Участник войны с Швецией 1788—1790 гг., итальянского похода Суворова в 1799 г., операций в 1805 г. против Наполеона, в 1806—1809 гг. — с Турцией. После Бородинского сражения в роли начальника арьергарда прикрывает отход русской армии за Москву. При преследовании отступивших из Москвы французов командовал авангардом русской армии. Был убит во время восстания декабристов (стр. 85, 118, 123, 124, 125, 126, 136, 152, 204, 205, 214, 215, 216, 217, 218, 227, 247, 249).

МИШО А. Ф. (1771—1841). Сражался против Франции в 1792, 1796 гг. В 1805 г. из Сардинской армии перешел капитаном в русский инженерный корпус. Участвует в боях 1806 г., 1809—1811 гг. с Турцией, произведен в полковники. Император Александр I часто поручал ему производство рекогносцировок. Есть основания предполагать, что его перу принадлежат основные стратегические директивы Александра I, который посылал их из Петербурга в действующую армию. В походах 1813—1815 гг. всегда находился при императоре Александре I и пользовался его большим доверием (стр. 50, 136).

МОРТЬЕ Э. А. К. Ж. (1768—1835) — маршал Франции, участник революционных войн Франции и походов Наполеона. В 1812 г. командует молодой гвардией. После занятия французами Москвы был назначен ее генерал-губернатором; при отступлении взорвал часть Кремля. В 1814 г. сдал Париж. В 1834 г. — военный министр Франции. В 1835 г. убит во время парада адской машиной Фьески, который предназначал эту машину для короля Людовика-Филиппа (стр. 191, 212, 214).

МЮРАТ И. (1771—1815) — один из выдающихся французских кавалерийских генералов, маршал Франции, король Неаполитанский, зять Наполеона, участник всех крупных кампаний Наполеона. Одержал ряд блестящих побед. В 1812 г. командует основной массой кавалерии главной армии. При отъезде Наполеона из армии в Париж, оставлен им своим заместителем, но не справился с задачей и малодушно покинул войска. В сражении у Бородино безуспешно просил Наполеона бросить гвардию в бой для решительного разгрома русских. В 1814 г. изменил Наполеону. В 1815 г. расстрелян при попытке поднять в Неаполе восстание в свою пользу (стр. 61, 70, 76, 105, 118, 124, 125, 153, 191, 194, 195, 200, 202, 204, 207, 209, 214, 215, 217, 226).

НАПОЛЕОН I (1769—1821) — французский император, крупнейший полководец. Воевал с Россией в 1805 г. и разбил русских, которыми командовал Кутузов, в сражении под Аустерлицем. В войне 1806—1807 гг. Россия снова терпит поражение. Войну с Россией в 1812 г. Наполеон провел неудачно и потерял почти целиком всю свою армию. После поражения 1814 г. отрекся от престола и был удален на остров Эльбу. В 1815 г. вернулся во Францию, попытался вернуть трон, но был разбит союзниками при Ватерлоо и окончательно сослан на остров Св. Елены, где и скончался (стр. 31, 35, 45, 49, 60, 63, 65, 67, 80, 81, 84, 87, 88, 89, 90, 95, 102, 112, 114, 115, 116, 118, 128, 132, 138, 139, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 153, 168, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 205, 207, 208, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 226, 228, 233, 234, 241, 245, 254).

НЕВЕРОВСКИЙ Д. П. (1771—1813) — генерал. Участник войн с Турцией 1788—1790 гг., Польшей в 1792—1794 гг. В войне 1812 г.

командовал 27-й дивизией во второй армии и успешно отошел с боем от Красного к Смоленску, в обороне которого принял активное участие. 24 августа упорно обороняет Шевардинский редут. 26 августа в Бородино в боях за Семеновские флеши был ранен, контужен, но остался в строю. В сражении под Лейпцигом смертельно ранен (стр. 74, 76, 203).

НЕЙ М. (1769—1815) — французский маршал, один из лучших исполнителей в тактике замыслов Наполеона. Ней был сын бочара, революция застала его унтер-офицером старой армии. Он выдвинулся как кавалерийский начальник, но продвигался медленно, дважды отказывался от звания генерала. Наполеон употребил много усилий, чтобы приручить к себе этого республиканца. В походе Наполеона Ней участвует уже не как кавалерист, а как командир пехотного корпуса — почти всегда на решающих тактических участках. В войну 1812 г. во главе 3-го корпуса успешно действует и за занятие Москвы получил титул князя московского. Особенно прославился Ней во время катастрофического отступления; будучи отрезан от Красного, он пробился к Орше. После бегства Мюрата Ней вывел из России остаток французской армии. В 1815 г. был расстрелян Бурбонами (стр. 76, 103, 148, 191, 193, 195, 202, 214, 216, 217, 218, 219, 224).

ОЖЕРО (1757—1816) служил инструктором фехтования в Неаполе; в 1792 г. поступил волонтером во французскую армию, в 1793 г. — уже дивизионный генерал, в 1796 г. тесно примкнул к Наполеону, в 1804 г. — маршал Франции. По своим военным способностям не являлся крупной величиной. В 1812 г. командовал корпусом, занимавшим Берлин (стр. 215, 221).

ОРЛОВ-ДЕНИСОВ В. В. (1775—1844), граф, генерал, участник войны 1806 г. с Наполеоном и в 1808 г. в Финляндии. В 1812 г. — командир гвардейского казачьего полка. В Бородинском сражении участвует в составе корпуса Уварова и руководит атакой гвардейских казаков. В бою под Тарутиным взял в плен 38 орудий. Отличился под Лейпцигом, успешно атаковав конницу Мюрата (стр. 47, 48, 215).

ПАЛЕН П. П. (1778—1864) — кавалерийский генерал, сын одного из убийц императора Павла I. В 1812 г. командует кавалерийским корпусом. После отхода к Смоленску заболел и вернулся на фронт лишь в 1813 г. (стр. 57, 58, 61, 62, 63, 64, 144, 200, 223, 245, 249).

ПАРТУНО Л. (1769—1837) — французский генерал. Поступил добровольцем в революционную армию в 1791 г. В 1799 г. — бригадный генерал. В 1812 г. — командир дивизии в корпусе Виктора. Во время переправы через Березину остатков наполеоновской армии во главе отряда в 4 000 человек прикрывал переправу у Борисова, оказал сильное сопротивление и вместе со своим отрядом был взят в плен. Вернулся во Францию и служил Бурбонам (стр. 225).

ПАУЛУЧЧИ Ф. О. (1779—1849). Начал службу во французской революционной армии под начальством генерала Молитора. В 1807 г. переходит полковником на службу к русским, участвует в войне с Турцией и Персией, затем в войне со Швецией. В 1810 г. принимает участие в покорении Кавказа. В 1811 г.— главнокомандующий русскими войсками в Грузии. В войне 1812 г. назначен начальником штаба первой армии, но вследствие расхождения с Барклаем через несколько дней смещен. После ухода Эссена назначен генерал-губернатором Риги и командиром отдельного корпуса. В этой должности по приказу Александра I начал переговоры с прусским генералом Иорком, но завершены эти переговоры были генералом Дибичем, как это описано у Клаузевица. В 1829 г. вернулся в Италию и поступил на службу к сардинскому королю в должности главного начальствующего сардинских войск (стр. 53, 140, 161, 247).

ПИНО Д. (1760—1826) — французский генерал. В 1796 г. был гренадером французской армии, а в 1797 г.— уже полковник, в 1798 г.— генерал, в 1804 г.— итальянский военный министр. В 1805 г. назначен командиром дивизии, с которой затем сражался в Германии, Испании и России. В 1814 г. с переходом Ломбардии в состав Австрийской империи уволен в отставку (стр. 82, 231).

ПЛАТОВ М. И. (1751—1818) — граф, генерал, войсковой атаман донского войска. Участник войны 1768—1774 гг. в Турции. В 1775 г. подавлял Пугачевское восстание. В 1782—1783 гг. сражался вместе с Суворовым и Потемкиным. В войне 1806—1807 гг. командует казачьими войсками. В войне 1812 г. командует легучим корпусом силой в 7 000 всадников. Затем число казаков возросло до 22 000 человек.

Платов, преследуя отступавших французов, захватил в плен 50 000 пленных, 500 орудий и т. д. (стр. 68, 70, 104, 109, 152, 191, 197, 203, 213, 214, 227).

ПОНЯТОВСКИЙ И. А. (1762—1813) — польский князь. Участвовал в войне с Турцией в 1787 г. на стороне Австрии. В 1794 г. в войне с Россией находился в войсках Косцюшки — вождя польских повстанцев. В 1806 г. выступает на стороне Наполеона, обещавшего восстановить государственную независимость Польши. В Австро-французской войне 1809 г. выступает против австрийцев. После этой войны продолжает работать над организацией польских войск, число которых довел до 100 000 и часть которых (30 000) под его командованием приняла участие в войне 1812 г. в боях под Смоленском, Бородино, Вязмой. Из 30 000 поляков вернулось на родину после окончания войны не более 2 000. В 1813 г. в сражении под Лейпцигом, прикрывая общее отступление, был ранен и утонул в реке (стр. 103, 115, 139, 192, 197, 199, 201, 207, 213, 214, 215, 216, 217).

ПФУЛЬ К. Л. А. (1757—1826) — барон, офицер прусского генерального штаба. После разгрома в 1806 г. Пруссии переходит на

службу в русскую армию. Составил по поручению императора Александра I план войны 1812 г. Автор проекта Дрисского лагеря. После неудачи с этим лагерем был отозван в Петербург, где был встречен враждебно общественным мнением и в силу этого уехал в Англию. Несмотря на это, Александр I дал Пфулю чин генерал-лейтенанта и назначил его русским посланником в Таагу (стр. 26, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 89, 240, 241, 242, 244).

РАЕВСКИЙ Н. Н. (1771—1839) — генерал, внук Потемкина. Участник войны с Турцией, Персией, Польшей, Финляндией и Наполеоном. В начале 1812 г. — командир 7-го корпуса в армии Баграциона. Удерживал Смоленск до подхода других частей второй армии. В Бородинском сражении упорно оборонял центр; важнейшее укрепление носило его имя. Пушкин любил гостить в семье Раевского. близкой к декабристам (стр. 76, 136, 197, 204).

РАСТОПЧИН Ф. Ф. (1763—1826) — граф. При императоре Павле I был докладчиком по военным делам. 29 мая 1812 г. был назначен главнокомандующим г. Москвы. Выпустил ряд патристических народных воззваний. Организатор поджога Москвы, за что в 1814 г. был уволен в отставку. В своих литературных работах отрицает свое участие в организации поджога Москвы (стр. 130, 131, 132).

САКЕН Ф. В. (фон-Остен) (1752—1837) — граф, русский генерал. Участник походов Суворова, войны с Польшей в 1794 г.; в 1800 г. ранен под Цюрихом и взят в плен. В войне 1806—1807 гг. участвовал в сражениях под Прейсш-Эйлау и Пултуском. Отдан Беннигсеном под следствие за невыполнение инструкции. Следствие продолжалось 5 лет и ничего не дало. В 1812 г. командовал резервным корпусом в армии Тормасова, затем адмирала Чичагова. Наблюдал за действиями поляков и литовцев. Своими активными действиями сковал силы Шварценберга, что оказало влияние на ход действий по разгрому главных сил Наполеона.

В 1814 г. назначен генерал-губернатором Парижа. В 1831 г. усмирив в пределах Волыни и Подолии польское восстание. Пользовался большим доверием императора Николая I. Крайний реакционер (стр. 135, 221, 222, 228).

СЕБАСТИАНИ де-ла-ПОРТА (1775—1851) — маршал Франции. Участник переворота 18 брюмера. Отличился в сражении при Арколе. Выполнял дипломатические поручения. В Испании в 1809 г. командует 4-м корпусом. В кампании 1812 г. сражался под Смоленском и Бородино. В 1813 г. был ранен в сражении под Лейпцигом. В 1815 г. — министр иностранных дел Наполеона (стр. 70, 124, 125, 126, 203).

СЕН-СИР Г. (1764—1830) — маршал Франции. Двадцативосьмилетний художник в 1792 г. поступил волонтером в революционную

армию и через 2 года становится дивизионным генералом, а через 6 лет командует армией. С 1801 г. по 1808 г. действовал на Пиренейском полуострове. В 1812 г. командовал 6-м корпусом, составленным из баварских войск. Успешно сражался под Полодком. После ранения маршала Удино объединил под своим командованием и 2-й корпус. В 1817 г. — военный министр; установил общие начала французского генерального штаба. Автор воспоминаний о революционных и наполеоновских войнах. Оставил после себя несколько сочинений по вопросам стратегии (стр. 141, 189, 190, 191, 195, 199, 201, 202, 206, 219, 232).

СЕСЛАВИН А. Н. (1780—1858) — знаменитый партизан. До войны 1812 г. участвовал в кампаниях 1805, 1807 и 1810 гг. с Турцией. В 1812 г. — в штабе Барклая, участвовал в Бородинском сражении. Получил от Кутузова командование партизанским отрядом. Первым открыл движение Наполеона на Калужскую дорогу, что вызвало ряд ответных мероприятий Кутузова, вынудивших Наполеона вернуться на разоренную Смоленскую дорогу. В целях разведки неоднократно въезжал переодетым французским офицером в колонны отступавшей армии Наполеона и произвел десятки дерзких успешных нападений. В Ошмянах едва не захватил в плен самого Наполеона. Имел 9 ран. Успешно продолжал партизанскую деятельность в 1813, 1814 гг., в пределах Германии и Франции. После окончания войны с Наполеоном вышел в отставку и находился в оппозиции царскому правительству (стр. 226).

ТИДЕМАН — прусский подполковник. Вместе с Клаузевицем занял первые места в единственном выпуске школы Шарнгорста. В 1812 г. перешел на службу в русскую армию и получил назначение начальником штаба рижского корпуса, где руководил политической агитацией, направленной на разложение прусского корпуса генерала Йорка, действовавшего против Риги. Неоднократно лично подъезжал к строю прусских войск и говорил речи об измене прусского короля, ставшего лакеем Наполеона. Смертельно ранен под Ригой (стр. 136, 242, 247, 248, 250).

ТОЛСТОЙ-ОСТЕРМАН А. И. (1770—1857) — граф. Участник походов Потемкина 1789—1791 гг. Особенно отличился в войне 1806 г. в сражении под Пултуском и в 1813 г. — под Кульмом. В войну 1812 г. — командир 4-го пехотного корпуса (стр. 61, 99, 109, 112, 200, 216).

ТОЛЬ К. Ф. (1777—1842) — граф, русский генерал. Участник похода Суворова в Италию, сражения под Аустерлицем в 1805 г. В 1806 и 1809 гг. действовал против турок. Войну 1812 г. начал в должности генерал-квартирмейстера первой армии, а затем всей русской армии. Участник боев 1813 г. и подавления восстания в Польше 1830 г. Являлся наиболее выдающимся офицером генерального штаба. В его руках находилось оперативное руководство действиями русской армии в войне 1812 г. Чрезвычайно резкий и

честолюбивый, имел много столкновений с начальниками. Ссора с Паскевичем в 1831 г. вынудила его оставить военную службу. В 1833 г. — главноуправляющий путями сообщения (стр. 47, 48, 49, 54, 57, 69, 72, 80, 83, 84, 85, 87, 88, 91, 96, 100, 101, 102, 104, 105, 109, 119, 126, 127, 128).

ТОРМАСОВ А. П. (1752—1819) — граф. Участник войны с Турцией в 1791 г., с Польшей в 1794 г. и операции на Кавказе в 1809 г. В войне 1812 г. командовал третьей армией в составе 43 000 человек, предназначенной защищать юг России. Против Торماسова Наполеон выделил Шварценберга, потом Ренье с саксонским корпусом. Оставив на юге заслон, Тормасов бросил свои главные силы против Ренье; 13 июля взял Брест; 15 июля разбил саксонцев и занял Пружаны. Шварценберг, сосредоточив свои силы, вынудил Торماسова отступить на соединение с дунайской армией, которой командовал адмирал Чичагов. Тормасов после этого был отозван в штаб Кутузова, где участвовал в боях под Малоярославцем, Вязьмой, Красным (стр. 25, 34, 66, 68, 149, 189, 190, 192, 195, 198, 199, 201, 206, 211, 217, 245).

ТУЧКОВ Н. А. (1761—1812) — генерал. Участник войны со шведами, поляками, действий в Швейцарии в 1799 г. и войны с Наполеоном. В 1805 г. дерется в корпусе Беннигсена. Снова в 1806 г. командует корпусом. В сражении при Прейсшип-Эйлау командовал правым крылом армии. В 1808 г. принимает участие в операциях в Финляндии. В 1812 г. — командир 3-го пехотного корпуса. В сражении у Бородино занимал позицию на уступе за левым флангом, чтобы препятствовать обходу русской армии. Под давлением Пятовского был вынужден отойти, усиленный дивизией Олсуфьева. успешно перешел в контратаку, но сам был смертельно ранен (стр. 79, 81, 83, 98, 99, 100, 102, 103, 111, 116).

УВАРОВ Ф. П. (1773—1824) — кавалерийский генерал. Участник войны с Польшей в 1793 г., кампании 1805 и 1806 гг., в 1810 г. был в Молдавии. В войну 1812 г. в первой западной армии командовал резервным кавалерийским корпусом в составе шести гвардейских кавалерийских полков и конно-артиллерийской роты. Удачно сражался в авангарде Милорадовича под Вязьмой и Красным. Участвовал во всех последующих сражениях вплоть до окончательного свержения Наполеона (стр. 105, 106, 108, 110, 111, 117, 126, 249).

УДИНО Н. К. (1767—1847) — герцог. Поступив в королевскую французскую армию в 1783 г., в 1793 г. — подполковник, в 1794 г. — бригадный генерал. В 1800 г. — начальник штаба Массены в осажденной Генуе. Особо отличился в кампаниях 1805, 1806 и 1807 гг. В 1812 г. действовал против Витгенштейна. За прикрытие переправы через Березину назван Наполеоном спасителем французской армии. Был ранен 32 раза (стр. 141, 142, 143, 189, 190, 191, 193, 194, 195, 196, 199, 201, 202, 206, 211, 220, 221, 222, 224, 232).

ФРИДРИХ П. (1712—1786) — прусский король, выдающийся полководец и государственный деятель XVIII столетия. В 1740 г. в войне с Австрией захватил Силезию. Во второй Силезской войне он еще больше увеличил свои завоевания. Его военная система стала образцом для многих других армий, в том числе и русской. С помощью своей хорошо организованной армии выдержал в труднейших условиях Семилетнюю войну. В 1772 г. присоединил к себе часть Польши. Одновременно являлся крупным писателем и теоретиком военного дела (стр. 26, 101).

ФРИМОН И. Ф. (1758—1831) — граф, австрийский генерал, участник двадцати походов, начавший свою военную карьеру рядовым гусаром. В 1812 г. командовал резервной кавалерией в вспомогательном австрийском корпусе против русских. В 1813 г. участвовал в победе при Виллахе. В дальнейшем — усмиритель восстаний в Италии (стр. 122).

ЧИЧАГОВ П. В. (1764—1849) — адмирал. Начальник Черноморского флота и командующий Молдавской армией. В войне 1812 г. командовал дунайской армией и действовал против австрийцев и саксонцев, которых искусно отгеснил в Польшу. Должен был отрезать отступление Наполеону на Березине, но был обманут демонстрацией Наполеона и позволил ускользнуть Наполеону и остаткам его армии. Смещенный с командования армией в 1813 г., Чичагов уехал за границу и в Россию больше не вернулся. На него одного неправильно свалили всю вину за неуспех окружения Наполеона, хотя Витгенштейн виноват в не меньшей степени. Крылов высмеял его в басне о щуке, отправившейся ловить мышей (стр. 35, 135, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 176, 178, 189, 207, 208, 211, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228).

ЦЕЗАРЬ КАЙ ЮЛИЙ (100—44 до нашей эры) — величайший римский полководец. Воевал в Испании, Галлии, Британии, Греции, Египте, Малой Азии. Римская республика при нем заканчивала свой путь перерождения в великую империю. Автор ряда классических трудов о Галльской и гражданской войнах. Был убит на 56 году своей жизни в зените своей славы Брутом, представителем патрициев, боявшихся возросшей власти Цезаря (стр. 26).

ШАЗО — намечался начальником русско-германского легиона, но при формировании последнего умер от эпидемии (стр. 24, 137, 240, 247).

ШАМБРЕ — французский военный писатель, отличный артиллерист, участник походов Наполеона в Россию и Германию. Из его трудов наибольший интерес представляет «Две последние главы моей философии войны» (Париж, 1835 г.), в которых дается впервые в истории оценка различных европейских армий, в связи с классовым составом их населения и общими социальными условиями. Клаузевиц пользовался его «Историей похода в Россию» (стр. 117, 229).

ШАРНГОРСТ Ж. Д. (1755—1813) — прусский генерал и реформатор. Начал службу в ганноверских войсках и участвовал с ними в войне против Франции в 1793 г. Несмотря на его ярко буржуазное мировоззрение, был приглашен в прусскую армию, где стал одним из руководителей прусского генерального штаба и вступил в борьбу с юнкерско-феодалными военными кругами, образовав собственную партию. В войне 1806 г. был ранен в сражении под Ауэрштадтом, попал в плен, затем был обменян и снова участвовал в сражении под Прейсиш-Эйлау. В 1806—1807 гг. зарекомендовал себя как выдающийся оперативный и тактический работник. После поражения Пруссии был назначен председателем комиссии по реорганизации армии и директором военного департамента. Наполеон потребовал изгнания Шарнгорста из пределов Пруссии, но Шарнгорст тайно остался все же во главе военного министерства, организовал запас подготовленных бойцов и основал военную академию. Вследствие выдающейся организационной и реформаторской деятельности Шарнгорста, Пруссия смогла в 1813 г. быстро утратить состав армии мирного времени. Смертельно ранен в сражении под Люце-ном. Ближайший друг и покровитель Клаузевица (стр. 23, 24, 26, 28, 45, 159, 160, 162, 252).

ШАХОВСКИЙ И. Л. (1776—1860) — князь, генерал. В 1794 г. участвует в штурме Праги. В 1812 г. участвует в боях под Витебском и Бородино. В 1831 г. во главе корпуса подавлял польское восстание (стр. 215).

ШТЕЙН Г. Ф. К. (1757—1831) — барон, прусский государственный деятель, возглавлял политическое движение за реформу Пруссии. Враг Наполеона и под давлением последнего был вынужден в 1808 г. выйти в отставку. Наполеон объявил Штейна врагом Франции. В мае 1812 г. бежал в Австрию, а оттуда в Россию, где оказывал большое влияние на Александра I. Руководил пропагандой и агентурой в тылу Наполеона в Пруссии. В 1813 г. вернулся в Пруссию и стал во главе временного правительства (стр. 135).

ЭССЕН И. И. (1760—1813) — русский генерал, участник походов 1783, 1784 гг. против поляков, 1788 г. — против шведов, в 1792 г. участвовал в сражениях против Польши. В 1807 г. был ранен в сражении под Фридландом. В войне 1812 г. — военный комендант Риги и диктатор Прибалтики. Располагая 15 000 запасных войск, оборонял Ригу и наблюдал за действиями Макдональда и Йорка, располагавших двойными силами второстепенных кадровых солдат. Ошибочно обвиненный в недостаточной активности, Эссен был смещен осенью 1812 г. маркизом Паулуччи (стр. 40, 54, 136, 140, 161, 242, 247, 249).

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	5
Биография автора	11
ПОХОД В РОССИЮ 1812 г.	
Часть первая. Прибытие в Вильно. План кампании. Дрис- ский лагерь	23
Часть вторая. Дальнейший ход кампании	59
ОБЩИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ ПОХОДА 1812 г. В РОССИЮ	
Часть первая. Первый период. Наступление французов до первой остановки под Вильно	193
Второй период. От конца первой остановки до второй остановки	196
Третий период. От попытки к наступлению русских главных сил до потери Москвы	203
Четвертый период. От занятия Москвы до начала от- ступления	207
Часть вторая. От начала отступления до переправы глав- ной армии через Неман	212
Обзор потерь, которые понес французский центр во вре- мя наступления и при отступлении	230
ПИСЬМА КЛАУЗЕВИЦА ИЗ РЭССИИ в 1812 г.	
МАРИИ КЛАУЗЕВИЦ	
	237
Биографические справки	255
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	
Портрет автора	10
План лагеря при Дриссе	37
Бородинский бой. Положение сторон	97
Атака 1-го кав. корпуса Уварова и казаков Платова на ле- вый фланг неприятеля у дер. Беззубово	106
«Конец Бородинского боя». С картины художника Верещагина.	113
«1812 год». С картины художника Кратке	131
План похода Наполеона I в Россию в 1812 г.	} (вклейка в конце книги).
План отступления Наполеона I из Москвы в 1812 г.	

Сдано в производство 3/VIII 1937 г.
Подписано к печати 7/XI 1937 г.

Формат бумаги $82 \times 110^{1/32}$
Объем $17\frac{1}{4}$ печ. л. + 3 вклейки, 14,5 авт. л.
В бумажном листе 130560 знаков

Уполн. Главлита № Г—7434
Издательский № 293. Заказ № 415

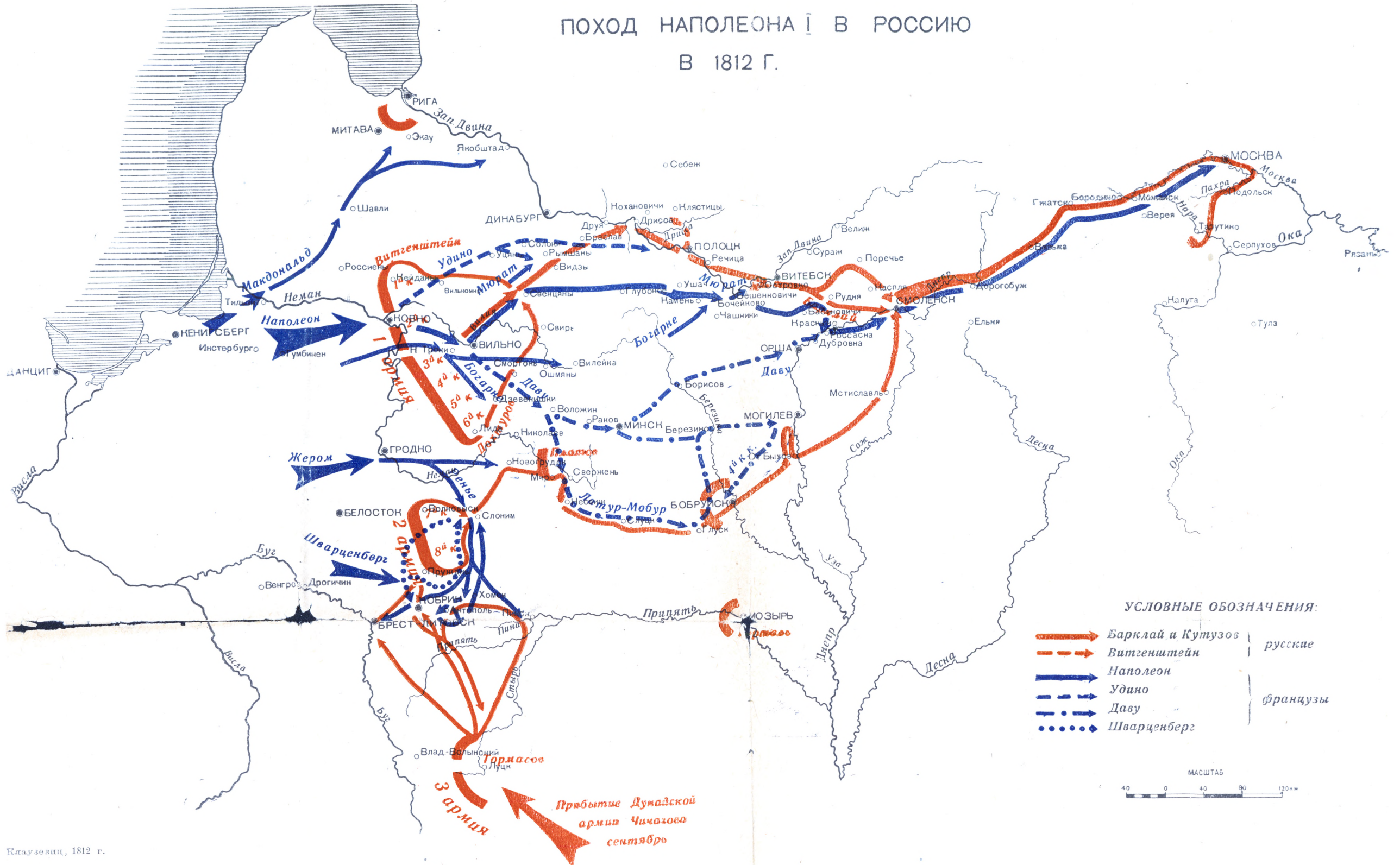
Цена книги 2 р. 75 к., переплета 1 р. 25 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской фабрики

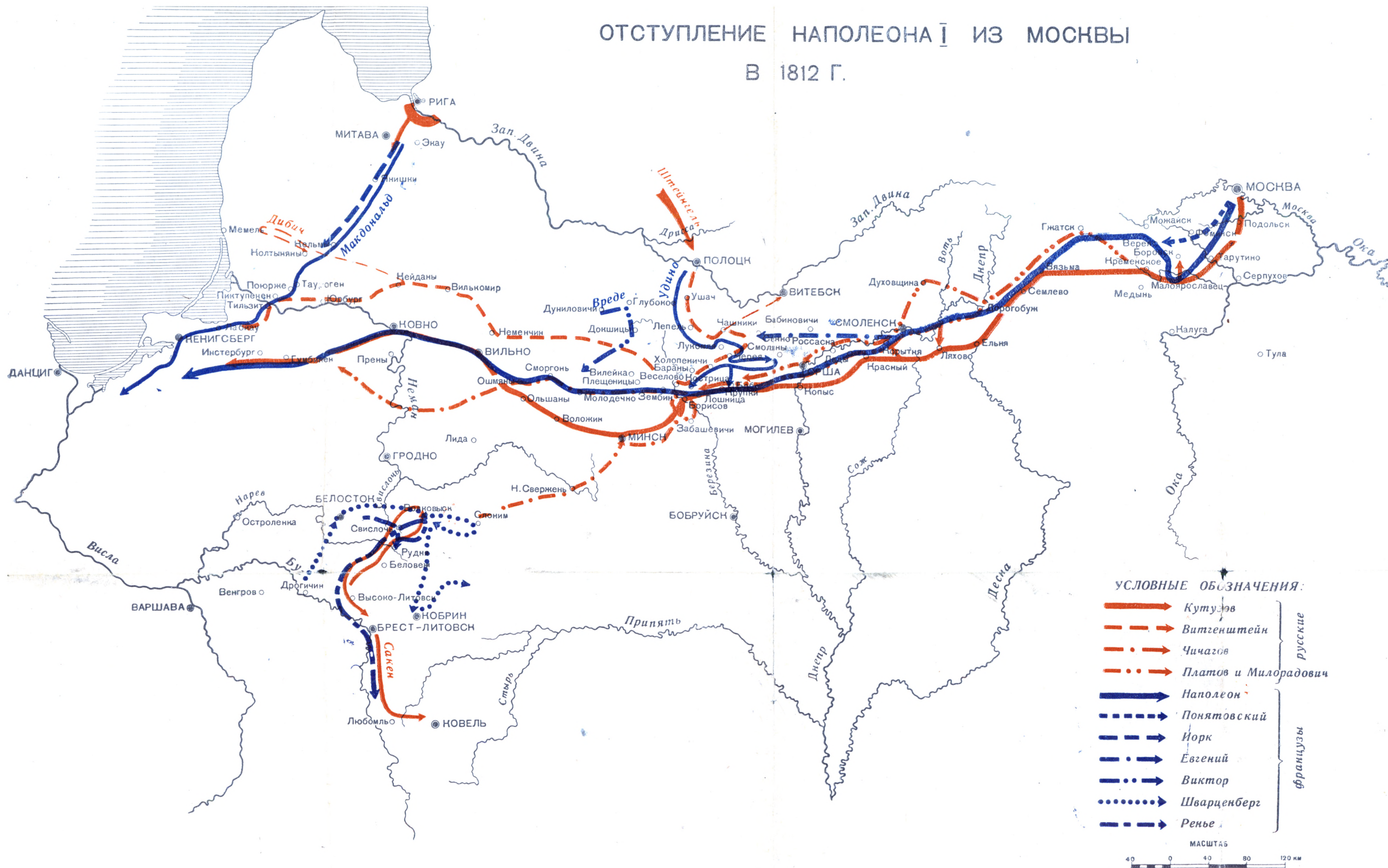
Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й тип. Государственного военного изд-ва НКО СССР,
Ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

ПОХОД НАПОЛЕОНА I В РОССИЮ В 1812 Г.

ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА I ИЗ МОСКВЫ В 1812 Г.

Цена 4 руб

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОНЕТНОГО
ДВУХ
ДВУХ
ДВУХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРОЗОВЫХ
1952